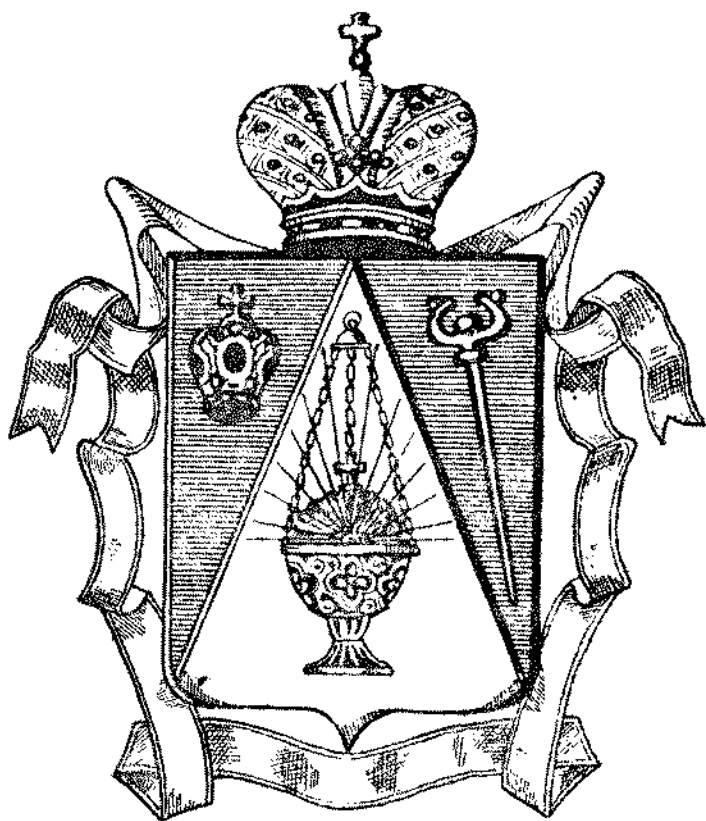

Советский фонд культуры
Николаевское областное отделение

Историко-краеведческий выпуск

«ИМЕНОВАТЬ -
ГОРОД НИКОЛАЕВ»

СОВЕТСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ

Николаевское областное отделение

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЫПУСК

**«Именоваться—
город
Николаев»**

Николаев — 1989

Scan, Processing, OCR, *.PDF by: TerraKOT aka FRAG_UA
E-mail: Official.TerraKOT@gmail.com, TerraKOT@email.ua

Николаевское областное отделение Украинского фонда культуры, Ассоциация творческой инициативы молодежи, издательская группа «Дикий Сад» благодарят:

АСМАНОВА ЛЬВА АЛЕКСАНДРОВИЧА,
БЕДРИНУ ЕЛЕНУ ЮРЬЕВНУ, КАСЬЯ-
НОВА СЕРГЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА, КО-
НОВАЛОВА ЮРИЯ ПЕТРОВИЧА,
ЛЕВИЦКОГО ВАСИЛЯ ЮРЬЕВИЧА,
ЛУКНИЦКОГО СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА,
ЛУПИИ ЛЕСЮ СТЕПАНОВНУ, МИ-
НУХИНА ВАЛЕРИЯ ЕФИМОВИЧА,
МЯСНИКОВА ГЕОРГА ВАСИЛЬЕВИЧА,
НОСЕНКО ЗИНАИДУ ЯКОВЛЕВНУ,
ПЕРМАН РИТУ ДАВИДОВНУ, РО-
ЛИЧ ЛЮДМИЛУ АЛЕКСАНДРОВНУ,
РЫКОВЦЕВУ ИНЕССУ ВЛАДИМИРОВ-
НУ, СИЧКО СЕРГЕЯ МИХАИЛОВИЧА,
ТРУШКИНА ЮРИЯ АНДРЕЕВИЧА,
ФАЙЕРМАРКА АЛЕКСАНДРА БОРИ-
СОВИЧА, ЧЕРНЫХ АННУ ГРИГОРЬЕВ-
НУ, ЯНКО ДМИТРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА

за помощь, оказанную при подготовке и выходе в свет первого выпуска Николаевского Альманаха.

СЛОВО ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕДАКЦИИ

Всем сердцем вглядываясь в фотографии старого города или перечитывая очерк Григория Ге, невольно наталкиваешься на безрадостные закономерности.

Не принято, казалось бы, предворять юбилейное издание печальными наблюдениями. Но что делать, это более соответствует собственной судьбе города, и с точки зрения исторической было бы глубокой неправдой воспевать его дорогое имя не оборачиваясь и не сравнивая.

Город рожден судостроением, — верфь в устье Ингула старше Николаева, — но благодаря тому же судостроению он и поныне остается глухой культурной провинцией. Когда ему приходилось выбирать между фрегатами, броненосцами и, допустим, университетом, город выбирал корабли. И ныне, когда ему приходится делать сознательный выбор между монументом славы корабелов и созданием охранной зоны старых кварталов, город остается на стороне судостроения. Университетом Николаеву служит кораблестроительный институт.

Что делать, город практически утратил свое историческое лицо: разрушены или перелицованы памятники, исковерканы улицы, предаются забвению имена тех, кому город обязан своим существованием. Сколько их, оставшихся лишь на открытках и моментальных снимках!

А поначалу была «война с куполами»... Еще живы люди, которые с лихостью отошедшей юности вспоминают, как здорово горела церковь на Пограничной. Потом пошла потеха на людей и охота на монументы. Тогда-то и был низвержен знаменитый микешинский Грейг, срыт надгробный памятник Фалееву и стерт с лица го-

рода Адмиралтейский собор. Израненный нагрывавшей войной город недосчитался многих зданий и памятников. До сих пор остается неизвестной судьба статуи Грейга. Был ли Грейг вывезен в Германию? По свидетельству некоторых старожилов, он и после освобождения Николаева по-прежнему лежал под забором в католической ограде. Может быть и его постигла участь Семеновской церкви, которая в одну ночь «куда-то испарилась» в конце пятидесятых годов? Когда закончились взрывы, подошел черед всеобщего сноса. Лишь безмолвные аркасовые львы, дремлющие у сквера Пенсионеров, может быть, помнят о тех зданиях, которые не было смысла восстанавливать. Вот сносу конца и не видно. Еще два года назад на площади «пяти углов» погиб один из последних домов XVIII века. Еще год тому назад была разрушена филармония, у которой свод зала был выложен бутылками. Чтобы филармония пела! Следующим на очереди дом городского секретаря Г. Н. Ге, по адресу: Наваринская, 25. За ним ожидает своей участи дом Саксаганского. Красавцы пытаются их спасти, но пока нет уверенности, что у них это получится. И так далее...

Примерно так выглядела бы летопись разрушений, найдись ей вдохновенный летописец.

И ныне, когда старый город — это лишь осколки архитектурного ансамбля, только обрывки воспоминаний, только фотографии, которых никогда не хватит, чтобы получить целостную картину и представить, каким он виделся из прошлого лучшим его гражданам, для нас, живущих ныне, самое необходимое — понять, каким он стал и что его ждет впереди.

Если имя почетного гражданина Николаева, адмирала А. С. Грейга, памятник которому был поставлен на народные деньги, не то, чтобы под запретом — его просто не принято упоминать. А ведь Грейг для Николаева был таким же символом, каким для Одессы и по сей день является Дюк.

Если от человека, последними словами которого были: «Я хочу умереть в моем Николаеве!» — от Потемкина в Николаеве и дух простыл, выражаясь языком старого базара. Даже в названии улицы!

Если еще можно услышать, что Фалеевская названа по имени революционера...

Может быть эти детали дадут понять, до какой скудости мы довели свой город и до чего дошли сами.

Образование Советского фонда культуры, первой в стране благотворительной организации нового типа, вызвано необходимостью сохранения историко-культурного наследия и направлено на раскрепощение творческих способностей как всего народа, так и каждого гражданина в отдельности. Дмитрий Сергеевич Лихачев в интервью газете «Правда» в мае прошлого года сформулировал задачу возрождения духовности таким образом: «Девиз Советского фонда культуры «Сохранять, осваивать, приумножать» нацеливает нас не только на обращение к прошлому, но и акцентирует внимание на современной актуальной проблематике культуры, преемственности лучших традиций».

Второй год существует отделение фонда и в нашем городе. Уже накоплен немалый опыт. И нет ничего удивительного, что опыт этот во многом отрицательный. Год функционирования Николаевского отделения показал, что в традиционной бюрократической структуре фонд культуры, по крайней мере на местах, жизнеспособности не проявит. Учреждалось областное отделение старым, давно отработанным методом — сверху. Подавляющее большинство избранных таким образом членов правления участия в работе не принимали и даже не присутствовали на его редких заседаниях. Два благотворительных вечера, проведенные по аналогии со столичными в основном силами самодеятельных коллективов, на деле оказались несколько измененной формой добровольно-принудительного публичного выбора, если напомнить, как распространялись билеты. И наталкивают эти вечера на еще одно печальное обобщение: уровень культуры Николаева определяется самодеятельностью. Самодеятельные артисты, самодеятельные авторы, самодеятельные архитекторы, историки — целый слой самодеятельной интеллигенции. Это реальность, которую в один год не перешагнешь, с которой необходимо считаться, если заводить разговор о возрождении культурной традиции.

Но если бы не нашлось в Николаеве людей, для которых призыв к созданию фонда культуры был не директивным циркуляром, а сигналом бедствия, Ни-

колаевский фонд существовал бы, в лучшем случае, только на бумаге.

Может быть это станет одной из интересных страниц культурной истории города. И, может быть, стоит немного подробнее рассказать о неформальном рождении в Николаеве той общественной организации, которая ставит своей целью сохранение культуры в самом широком смысле.

В одном из подвалов по улице Лягина, какие обычно снимают художники, часто по вечерам собирались как раз те люди, чье отношение к культуре определяется не профессией, а духовной потребностью. Обсуждалась идея создания в Николаеве реставрационных мастерских. Они не были профессиональными историками и архитекторами, но на их глазах дипломированная архитектура перекраивала город, по сути игнорируя историческую традицию его застройки. По сей день исчезают дома, целые улицы, они теряют свою широту и перспективу, разрушаются фронтоны, затирается лепка фасадов, срезаются балконы. Безоглядная застройка перечеркивает город! А говорят в Николаеве о реставрации лет пятнадцать...

В этом же подвальчике родилась мысль вернуть городу Морскую библиотеку, было подхвачено начинание Юрия Семеновича Крючкова по созданию Николаевского исторического общества, здесь же вынашивался, а в скором времени и вычитывался краеведческий сборник. Все эти замыслы можно смело называть реставрацией в том же широком смысле.

И уже сегодня, когда при областном отделении фонда культуры создано хозрасчетное предприятие, едва ли не первое такого типа в стране — Николаевские научно-производственные реставрационные мастерские — лягинский подвальчик собирает вокруг себя историков, археологов, исследователей архивов, краеведов. Нашлись в Николаеве и профессиональные реставраторы.

А закономерность остается: на сегодняшний день в Николаеве мастерским фонда культуры места, кроме подвала, не находится...

Мастерскими, начавшими работу без посторонней финансовой помощи, без помещений, без собственных специалистов, сделано еще немного. Но уже реставрируется склеп Аркасов и здание обсерватории, на оче-

реди многострадальный дом с атлантами по Пушкинской. Начаты предпроектные работы и научные изыскания по реставрации Госпитального собора, получен заказ на проект реконструкции «Дворца Потемкина в Спасске». С открытием полевого сезона мастерские приступили к работам по устранению аварийного состояния Святодуховской церкви в с. Новодмитровке, на завершающую стадию выходит проект реставрации крапивы Пелаген — это все в Новобугском районе.

Очень хотелось бы повторить вслед за академиком Лихачевым: «Мы считаем себя прежде всего собирателями духовной культуры общества». Как еще до этого далеко. Как нам, широкому слою николаевской полунинтеллигенции, — до полнокровной культурной жизни. Как самому городу — до восстановления памятника Грейгу.

Но собирать мы уже начали. Уже сейчас собрание фотодокументов по архитектуре старого города составляет более тысячи снимков, с некоторой частью которых предлагается познакомиться читателям сборника. Уже сейчас общественная редакция располагает значительным запасом библиографических материалов по истории Николаева и края, представляющих и общественный, и научный интерес. Редакция выражает надежду и впредь знакомить с ними самые широкие круги. Уже сейчас ведется целенаправленный поиск и в местном, и в центральных архивах, и библиотеках. В краеведческих изысканиях фонд культуры рассчитывает опереться на поддержку Николаевского исторического общества — десятков добровольных исследователей, которые придут на помощь своему городу.

Основной задачей фонда культуры применительно к Николаеву нам видится доскональное изучение прошлого и сохранение для последующих поколений николаевцев исторического лица и духа этого города. Насколько позволит современный уровень знания, а в некоторых случаях, и сила художественного воображения.

Возвращая городу «Исторический очерк столетнего существования...», краеведческий сборник закладывает основу и этой многолетней работы. Саму возможность обновления культуры, одним из первоэлементов которой — издание книг и журнальная деятельность.

Сознательно, в ущерб полиграфическому качеству.

общественная редакция пыталась на деньги, заработанные реставрационными мастерскими и Ассоциацией творческой инициативы молодежи, издать сборник в нашем городе. Чтобы таким образом реставрировать и сам факт книгопечатания в Николаеве. Восстановить почти двухвековую традицию: еще в конце XVIII века типографии Штурманского училища и Адмиралтейская выпускали книги...

Николаеву все еще рано думать о культуре?

И о каком развитии литературы можно мечтать, не имея в городе журнала?

Николаевцы хотят видеть свой родной город процветающим, духовно раскрепощенным — культурным. И если нашему городу не суждено было стать таким, каким он грезился Потемкину, каким рисовался он первым архитекторам, каким пытались его делать Грейг, Глазенац, Аркас, мы принимаем его таким, каков он нам достался.

Но мы будем расти вместе со своим городом, учиться у его истории и собирать его по осколкам на реставрационных площадках и на страницах Николаевского Альманаха, первый выпуск которого, историко-краеведческий, предлагается вниманию неравнодушной публики.

Всем, кого объединяет этот выпуск, — историческим лицам, авторам прошедшего и настоящего, будущим читателям, — присуща одна общая склонность, которая составляет и композицию книжки. Она придавала терпения в поисках, зажигала воображение, водила пером, питала энергию составителей.

Это любовь к Николаеву.

В публикуемых материалах и документах сохранена грамматика оригиналов.

Лев Траснов, 04.04.1989 г.

**СТАТЬИ,
ИССЛЕДОВАНИЯ,
ОЧЕРКИ**

Ю. С. КРЮЧКОВ

НАЧАЛО НИКОЛАЕВА И СУДОСТРОЕНИЯ В ГОРОДЕ

Юрий Семенович Крючков — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой динамики и прочности судовых машин Николаевского кораблестроительного института, историк науки и техники, автор четырех книг и 60 статей, опубликованных в академических и союзных журналах и газетах, в которых освещается история судостроения, флота и города Николаева.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ГОРОДА

В первый год строительства верфи в устье Ингула она не имела определенного названия. В переписке Г. А. Потемкина с М. Л. Фалеевым и другими лицами верфь называлась по-разному: Ингульская верфь, Новая верфь, Верфь на Ингуле, Усть-Ингул и т. д. (6, 10, 14, 24, 30). Только в 1789 году Потемкин дал новой верфи название Николаев.

Относительно происхождения названия города в специальной и популярной литературе имеются две версии: по одной из них город назван Николаевом в честь первого судна «Св. Николай», спущенного со стапелей верфи на Ингуле, по второй — в память о взятии турецкой крепости Очаков в день Св. Николая.

Существующие научные монографии по топонимии земель между Днепром и Бугом так трактуют вопрос о наименовании города:

«Современное название в честь взятия русскими войсками штурмом турецкой крепости Очаков 6 декабря 1788 г. (в т. наз. день Николая-чудотворца — покровителя моряков)» (36, с. 96).

«Город основан в 1789 г. на базе хутора Фабра, что возник в 70-х годах XVIII в., и колонии Новоалександровской» (ГКНАГ, 1778)¹.

«Название антропонимное, образовано от русской формы имени... (Николай...); употребляется с декабря 1789 г., когда был утвержден город и спущен на воду фрегат «Св. Николай» (Г. Н. Ге. Исторический очерк столетнего существования г. Николаева при устье Ингула, 1890). Последний факт используется исследователями для утверждения, что «название города образовано от названия корабля» (19, с. 124).

Прежде чем перейти к обсуждению этого вопроса, приведем два документальных факта:

1. Ордер кн. Потемкина полковнику Фалееву, 27 августа 1789 г., № 1065.

«Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку — Божоявленское, нововозводимую верфь на Ингуле — город Николаев» (6, № 308, с. 242).

2. Ордер кн. Потемкина полковнику Фалееву, 12 ноября 1789 г.

«Генерал-адъютант Львов, назначен к надзору за постройкой и потом командиром залагаемого корабля «Св. Николая», который назначен быть форзейлем» (32, с. 190).

Таким образом, имя городу было дано князем Потемкиным 27 августа 1789 года, а первое упоминание названия судна «Св. Николай» относится к 12 ноября того же года, т. е. намного позже. Очевидно, название судна никак не могло послужить основанием для имени города. Эта версия не выдерживает критики и ее появление связано, по-видимому, со стремлением авторов обойти исторически верный, но неприемлемый для них факт наименования города по имени Святого Николая.

В работе (19) автор, критикуя других за неверный вывод имени города от имени фрегата «Св. Николай», сам по указанию выше причине обошел вопрос о номинации города, невольно истраивая доверчивого читателя на мысль, что название городу дано по русскому имени Николай (но в честь какого «парня» Николая?). Эта уловка уважаемого исследователя не делает ему

¹ Генеральная карта Новороссийской и Азовской губерний, 1778 (Центральный Государственный военно-исторический архив СССР, ф. ВУА, дело 20126).

чести. Кроме того, в тексте есть две фактические ошибки: дата введения названия Николаев и дата спуска фрегата «Св. Николай» объединяются в одну — декабрь 1789 г. Как уже указано выше, название Николаев город получил еще в августе 1789, а фрегат был спущен через год -- в августе 1790 г. (18, с. 127).

В ПАМЯТЬ О «ВРЕМЕНАХ ОЧАКОВА»

В честь чего или в память какого события назван город? И почему именно ему дано название Николаев? Что послужило толчком к наименованию города?

На официальный запрос министра внутренних дел об истории Николаева (1811 г.) городская полицейская управа ответила: «Как Очаковская крепость взята на праздник 6 декабря (1788 г.) Святого Николая, то в память сего события и город назван Николаевом».

Обратимся к свидетельству знатока истории Черноморского флота и Северного Причерноморья Р. Скаловского; вот что он пишет по поводу основания Николаева (28, с. 90—91):

Потемкин дал городу это имя в воспоминание взятия Очакова, 6 декабря, в день Чудотворца Николая, и первый в том же году заложенный на новой верфи 46-пушечный фрегат назвал «Св. Николай».

Потемкин особенно чтит имя Угодника, в день коего покорен был Очаков, и поэтому вблизи Николаева он основал монастырь, назвав его Спасо-Николаевским, в Очакове Гасан-Пашинский замок переименовал в Николаевский, и вновь сформированному полку своей армии дал название Свято-Николаевского».

Р. Скаловский здесь правильно отметил пристрастие фельдмаршала к имени святого Николая Мирликийского. Действительно, известно из личной переписки князя, воспоминаний современников и официальных документов, что Г. А. Потемкин был очень набожным человеком. Возможно и день штурма Очакова, 6 декабря 1788 г., был выбран неспроста — это был церковный праздник Св. Николая, покровителя моряков, и князь надеялся на помощь «небесных сил». Длившаяся почти полгода безуспешная осада крепости завершилась столь стремительным штурмом и взятием ее, что князь Потем-

кин, видимо, уверовал в помощь Св. Николая. С этого момента имя святого становится для него программным (22).

Впервые это имя в качестве топонима появляется недалеко от нынешнего Николаева: всеподданнейшим донесением № 34 от 26 июня 1789 г. Потемкин обратился к Екатерине с просьбой учредить «на Витовке, что близ устья Ингула» Спасо-Николаевский монастырь для монахов из инвалидов — офицеров и солдат, участников войны с турками (6, № 237, с. 167). Очень скоро последовало утверждение монастыря и его настоятеля — архимандрита Моисея, о чем Потемкин сообщает административным и духовным властям в письмах от 24 и 25 июля (6, № 280, № 281, с. 211). В письме к митрополиту Самуилу Потемкин однако указывает несколько другое положение монастыря — «на устье Буга» (6, № 281, с. 211). Очевидно монастырь предполагалось учредить в окрестностях Витовки, недалеко от устья Ингула, где находилась обширная роща и фонтаны и предполагалось построить дворец для Потемкина.

Дав таким образом название еще несуществующему монастырю, князь поспешил наименовать уже имевшиеся населенные пункты — Ингульскую верфь и ее окраины. Совершенно естественно, чтобы связать все это единым идейным замыслом. Потемкин разделяет название «Спасо-Николаевский» на два, и будущей верфи с предместьем дает более почетное имя «Николаев», а урочищу на берегу Бугского лимана, где предполагалось основать монастырь, имя «Спасское». Это произошло примерно через месяц, как мы уже знаем, 27 августа 1789 года.

Таким образом, основателем города Николаева является князь Г. А. Потемкин. Имя городу дано Потемкиным в память о взятии русскими войсками турецкой крепости Очаков, в день христианского праздника Святителя Николая Мирликийского (6 декабря). Поэтому город хотя и назван в честь Св. Николая, но в память о чисто земном событии — взятии крепости Очаков (20, с. 747). Дав имя городу Николаев, князь Г. А. Потемкин не только увековечил это событие русской военной истории, но и свое личное участие в качестве главнокомандующего армией и руководителя штурма Очакова.

ОСНОВАНИЕ ГОРОДА

В современной популярной исторической литературе и газетных статьях утверждается, что Николаев как город основан в 1789 г. При этом авторы книг и статей опираются на ордер Г. А. Потемкина № 1065 от 27 августа 1789 г. Однако такой подход лишен научного основания и был критически рассмотрен еще при подготовке празднования столетия Николаева (10, 14). Действительно, князь Потемкин, создавая в силу необходимости новые населенные пункты и верфи, мог сам давать им названия, но они должны были утверждаться правительством. Только после такого утверждения (если населенный пункт удовлетворял Городовому положению Екатерины II, 1785 г.) город приобретал юридические права. Но до сих пор указ о причислении Николаева к городам Российской империи не найден. В первый раз Николаев упоминается как город в «Полном собрании законов Российской империи» только в 1795 г. (10, с. 33). Однако есть свидетельство самого Г. А. Потемкина о том, что Николаев был утвержден императрицей Екатериной как город в 1790 г. Как это произошло?

Еще 10 ноября 1789 г. Потемкин обратился к Екатерине с «всеподданнейшим донесением» № 84 с просьбой утвердить за Николаевом статус города:

«Избрав весьма выгодное для строения кораблей место при впадении реки Ингула в Буг и учредя там верфь, поселяю я сие место под названием города Николаева, о чем всеподданнейше донеся Вашему Императорскому Величеству испрашиваю высочайшей на сие апробации»², (6, № 436, с. 370).

По-видимому, Екатерина не утвердила Николаеву статус города, и он оставался верфью, но Потемкин настойчиво продолжал именовать его городом, а иногда, понимая незаконность этого, называл новую верфь по старому: Верфь на Ингуле, Новая верфь, Николаевская верфь и т. д.

Не дождавшись утверждения, князь Потемкин, спустя почти год, снова (весьма тактично) напоминает Екатерине о Николаеве, но не называет его городом Николаевом, а Николаевской верфью. Приводим пол-

² Апробация — утверждение.

ностью это донесение Потемкина, поскольку оно играет важную роль в датировке правительственного утверждения города:

Всепопданнейшее донесение кн. Потемкина, 9 сентября 1790 г., № 130.

«Корабль «Св. Николай» 50-ти пушечный, построенный на новой Николаевской верфи, уже почти оснащен. Удобность гавани сей предпочтительно Херсонской во многом, а паче по неупотреблению камелей³. Город размножается и построено много хорошего строения. Будут тут сделаны камели⁴ и док для переборки кораблей. Все сие устраивается при непосредственных действиях военных. Долгом имею одобрить пред Вашим Императорским Величеством ревностное и неусыпное старание статского советника и кавалера Фалеева, под начальством которого работы производятся как цивильные, так и корабельные...» (7, с. 160).

Вскоре Потемкин сообщает М. Л. Фалееву:

«Желая вас вывести из штатского чина представил я вас в обер-штерн-кригс-комиссары адмиралтейские, на что последовала высочайшая резолюция, и так поздравляю вас настоящим бригадиром. О Николаеве утверждено, как об адмиралтействе, так и о верфи. Теперь к строениям приступлю я с основанием... (Бендеры, 24 окт. 1790 г.), (24, № 22, с. 372).

Как видим, если в донесении Потемкина от 9 сентября 1790 г., в котором он представляет М. Л. Фалеева к поощрению, Николаев еще не фигурирует как город («Николаевская верфь»), то уже в письме от 24 октября 1790 г. Потемкин пишет об утверждении Николаева как города и о получении основания для его дальнейшего развития. Значит, можно с достоверностью считать, что утверждение Николаеву статуса города произошло не ранее середины октября 1790 г. (учитывая время в пути курьеров).

Следовательно надо различать две даты в истории города Николаева:

наименование Верфи на Ингуле городом Николаевом, происшедшее по воле князя Г. А. Потемкина, 27 августа 1789 года;

³ Камели — род плавучих доков для проводки судов через мели.

⁴ Вероятно описка, следует читать «кали» — эллипсы для постройки судов.

утверждение Николаева как города русским правительством, октябрь 1790 года.

Юридической датой основания города Николаева как административной единицы с городскими сословиями и городским управлением следует считать октябрь 1790 года.

АРХИТЕКТОРЫ И СТРОИТЕЛИ

Даже через год после обращения Г. А. Потемкина к Екатерине II с просьбой «утвердить» Николаев как город в 1791 году ему фактически было весьма далеко до города, это была, в сущности, небольшая деревушка.

Но Г. А. Потемкин смотрел вперед: он усиленно заселял «город» всяким людом, включая вольных плотников, иноземцев, беглых крестьян, попов-растриг, заштатных церковников, бродяг и т. п. Для придания престижа будущему городу он пригласил в Николаев известного уже в то время петербургского архитектора и градостроителя И. Е. Старова, автора Таврического дворца, бывшего руководителя Комиссии по застройке Петербурга и Москвы, которому и поручил разработку генерального плана застройки Николаева, чертежей отдельных административных зданий и дворцов (4). Не дожидаясь официального утверждения статуса города, князь Потемкин его устанавливает «де-факто»: назначает отставного секунд-майора Д. Якимовича городничим, капитана Неплюева — городским архитектором, протопопа Сегурского — главным священником (26 апр. 1790 г.). (32, с. 187). И, наконец, он буквально засыпает М. Л. Фалеева, капитана и ад Николаевским портом И. Овцына и обер-интенданта С. И. Афанасьева просьбами и требованиями о скорейшей постройке корабля «Святой Николай».

Вот несколько отрывков из его писем и ордеров М. Л. Фалееву:

«Закладывай, призвав бога, корабль, призови Николая Чудотворца и мысленно отдай ему на руки. Продолжайте работу с поспешением и тем окажи услугу, которой тем больше заметится, что место строения так ново, что едва о нем слышат», 26 декабря 1789 г. (24, с. 369—370).

«Благодарствую за арбузы. Пожалуй, ради бога,

поспешай вооружением «Св. Николая». Ты не можешь представить сколь он нужен, в сем кроме того зависит честь моя, и Николаевской верфи, а для вас повод к получению одобрения», 24 авг. 1790 г. (24, с. 371).

Аналогичные письма Г. А. Потемкин пишет и о втором корабле, заложенном на эллинге, с которого был спущен «Св. Николай»: «Спешите построением корабль «Григория великия Армении» и сделайте тем честь себе, адмиралтейству Николаевскому, и мне, 4 окт. 1790 г.» (24, с. 371).

Кто же был архитектором и строителем города? По этому вопросу имеются спорные высказывания. Мы же будем опираться только на документы и научные работы, написанные по источникам.

Первый генеральный план Николаева был разработан военным инженером, подполковником И. И. Князевым в сентябре 1789 г.: согласно этому плану Адмиралтейство было окружено крепостным валом, снаружи которого располагалось военное и гражданское предместья. Планировка города была поручена И. И. Князеву не только как военному инженеру-фортификатору, но, по-видимому, и из престижных соображений поскольку он был лично знаком Екатерине II как знающий военный инженер⁵. С марта 1788 г. подполковник И. И. Князев был назначен главным строителем Северо-Екатерининского канала, но вскоре выяснилось что средств на его постройку недостаточно, строительство затягивалось, и И. И. Князев попросил перевода в действующую армию. Судя по документам подполковник И. И. Князев осуществлял план строительства оборонительных сооружений на юге, разработанный известным инженером-фортификатором Ф. П. Деволаном (33, л. 26, 26об., 31, 32, 32об.). Однако И. И. Князев разработал генеральный план Николаева в самых общих чертах, уделяя главное внимание оборонительной стороне проекта⁶.

⁵ В 1785 г. Екатерина II личным указом назначила инженер-полковника фон Сухтелена и инженер-майора Князева «кои сверх знания их, видели во всем пространстве водяные коммуникации в Тверском и Новгородском наместничествах», разработчиками проекта и строителями Северо-Екатерининского канала (Архангельск-Кама), соорудившегося по идее А. П. Мельгунова

⁶ План имеется в экспозиции музея завода им. 61 Коммунара, г. Николаев.

Окончательный генеральный план был исполнен в начале 1790 г. архитектором И. Е. Старовым по предписанию Г. А. Потемкина, что следует из его черновой записки:

«Церковь в Николаеве по данному плану Старова...

Все мастерские строить замком, что и составит адмиралтейство обведя сей хорошим валом и для защиты большия зделав по фланкам батарен выдет из сего хорошая крепость. По числу мастерских взять такую дистанцию какая потребна. Господин Старов зделает план и как такое строение сопряжено с фортификациею то согласить ему всно с Г. Воланом...» (31, с. 200). Отсюда следует, что И. И. Князев к окончательному плану застройки уже не имел никакого отношения, видимо его уже в Николаеве не было, поскольку через два года, согласно документам (33, л. 31, 32, 32об.), подполковник Князев занят разработкой чертежей крепости Фанагорийской.

Таким образом, в течение 1790 г. И. Е. Старов разработал генеральный план застройки города Николаева и проекты ряда административных, культовых, дворцовых и торговых зданий (4).

Кто же осуществлял проекты И. Е. Старова? Известно, что он сам в Николаеве ничего не построил. Ряд документов проливает на это свет.

Среди строителей, воздвигавших здания в Николаеве в 1790—1794 гг., встречаются военные инженеры подпоручики И. Соколов, П. Горохов, Григорьев и Харламов, капитаны В. А. Ванрезант и П. В. Нселов, молдавский архитектор М. Портарий и другие. Руководил постройками каменных дел мастер А. И. Вектан (9а). Впоследствии, как видно из «Суворовского сборника», руководил постройками И. И. Князев:

«Граф Александр Васильевич. Прилагая для сведения вашего в копии указ наш вице-адмиралу Мордвинову данный об определении инженер-полковника Князева к строению и укреплению города Николаева, повелеваем по получении от него сочиняемых им крепостных фанагорийских проектов, отправить к вице-адмиралу Мордвинову, Пребываннем вам благосклонны

Екатерина

в С. П. бургге

Декабря 23, 1792 года,

(подлинник, 33, л. 31).

Из указа вице-адмиралу Мордвинову:

«Инженер-полковника Князева назначив к строению города Николаева и к употреблению по инженерной части там по ведомству адмиралтейству Черноморского, так и вообще по нужному укреплению того города», 23 дек. 1792 г. (33, л. 32, копия).

Отсюда следует, что с 1793 г. стронтелем города по морскому ведомству был инженер-полковник И. И. Князев.

Поскольку вскоре, как выяснилось, в государственном бюджете не нашлось полной суммы на осуществление всех оборонительных сооружений, разработанных Ф. Деволаном (33, л. 62—63об), да и надобность в некоторых из них отпала в связи с перемещением границы на запад, не были построены укрепления и вокруг Адмиралтейства, а взамен их, по-видимому, был воздвигнут недалеко небольшой земляной редут, прикрывавший подходы к городу с юга (11).

И, наконец, несколько слов о территории города. Скажем сразу, площадь для него была отведена с размахом: практически весь полуостров, образованный Ингулом и Бугским лиманом. Однако под постройками было занято мало, в основном земля отводилась под выгоны, пашни, левады, усадьбы, сады и т. п.

К слову, приведем любопытную деталь: в исторических работах о Николаеве часто фигурирует Фаберова (Фаброва) дача, причем это хозяйство локализуют только в области небольшого пригородного парка на берегу Бугского лимана — Спасского урочища, загородного имения Г. А. Потемкина. Очевидно, эта ошибка связана с приведенным выше ордером Г. А. Потемкина № 1065, где говорится, что «Фаберову дачу именовать Спасское» (7, № 308, с. 242). В действительности Фаберова дача занимала 1500 десятин земли, то есть включала в себя площадь полуострова, на котором разместились впоследствии весь город! (34) Даже в 1904 г. под городскими строениями, улицами и площадями находилось чуть более 1343 десятин земли (1, с. 444). В начальный период жизни города реальная (застроенная) его площадь была намного меньше, хотя официально в его территорию входили все земли полуострова, образованного Ингулом и Бугским лиманом.

ОБЛИК СТАРОГО ГОРОДА

Каким же был город в первые годы его существования? Как он развивался? Как выглядел? Для ответа на эти вопросы обратимся к документам и воспоминаниям современников.

Служивший на юге немецкий врач Э. В. Дримпельман так описывает свои впечатления о первых днях будущего города: «...Но как сильно я был удивлен, когда извозчик, которого я подрядил из Елисаветграда, вдруг остановился, и хотя я не видел ничего, кроме отдельных хижин из тростника и часовых, объявил мне, что тут и есть Николаев...» (13, с. 48).

Право скажем, нечего и удивляться.

Дримпельман приехал в Новую Верфь 20 мая 1787 года; когда еще не существовало не только «...города Николаева», но не могло возникнуть даже слабого представления о будущей верфи и самом имени города: до штурма Очакова оставалось еще более полгода, и Святой Николай еще «... не помог» его взять. В это время только лишь забивались первые сваи под самые первые постройки верфи. Память подвела меуариста.

Из документов первых лет существования города (20, с. 747) приведем следующую выписку:

«Сведения о Николаеве.

а) Состояние его в 1791 году:

Дворов	26
Жителей мужеского пола . .	105
женского пола . .	42
Земли под усадьбою . .	1200 дес.»

Как видим, «город Николаев» виделся Г. А. Потемкину еще только в грезях: таким, каким его представил на генеральном плане архитектор И. Е. Старов. Согласитесь, что 26 дворов и 147 «душ» обоего пола маловато не только для города, но и для приличной деревушки. Даже спустя два года после наименования Николаева «городом», он представлял только верфь и возле нее несколько разбросанных домов, а скорее — мазанок, крытых камышом. Это была верфь с обширными

сельскохозяйственными угодьями, занимавшими весь полуостров.

Нужно было иметь гениальную прозорливость, чтобы сквозь это убожество увидеть контуры будущего центра судостроения и флота на Черном море. И Г. А. Потемкин не ошибся: уже в следующем, 1792 году, Николаев резко изменился. Из того же документа:

«б) в 1792 году:

Церковь	1
Казарм	100
Магазинов	13
Домов (каменных и деревянных)	158
Мазанок	209
Землянок	61
Лавок	149
Погребов	23
Жителей обоего пола	1566».

Как видим, город существенно вырос, в нем появилась внутренняя и внешняя торговля, о чем говорит обилие хлебных магазинов (складов), лавок и погребов (в общей сложности 185!). Началась заморская торговля, в которой важную роль играл первый помощник Потемкина по строительству городов Херсона и Николаева бригадир М. Л. Фалеев: его суда ходили во Францию и даже далее — в «западный океан». В Николаеве были открыты обширные «Торговые ряды», получившие впоследствии название «Греческих», поскольку во внешней торговле монополию держали греки-переселенцы с островов Архипелага.

К сухим цифрам этой таблицы добавим живое впечатление людей — современников молодого города.

Вице-адмирал Н. С. Мордвинов, назначенный в начале 1792 года на пост председателя Черноморского адмиралтейского правления, осмотрев Николаев, доносил императрице:

«Город Николаев, хотя еще и при начале своем, но, занимая нарочитое пространство, является ныне селением уже знаменитым. Главнейшие публичные строения уже сооружены, а другие заканчиваются. Многие партикулярные дома своими размерами и архитектурой украшают оный...». (2, с. 278).

Николаев виделся Мордвинову Новыми Афинами, а Очаков — Черноморским Пиреем. Конечно, на такой характеристике нового города сказались, скорее, возвышенность души Н. С. Мордвинова и стремление нового начальника видеть процветающими подвластные земли. Это был взгляд в будущее, которому, к сожалению, как и многим другим предначертаниям Потемкина на Юге, не удалось осуществиться.

А вот что пишет екатеринославский губернатор В. В. Каховский в своем письме личному секретарю Екатерины II, тайному советнику В. С. Попову:

«20 числа был в Николаеве, виделся с Николаем Семеновичем (Мордвиновым) и Михайлою Леонтьевичем (Фалеевым). С первым говорил по предписанию вашему о Николаеве... Мы (кроме Иосифа Михайловича, страждущего лихорадкою) осматривали весь город и окрестности оного. Строений кончено и начато много. Вода в колодцах хороша, а в фонтанах отменно хороша. Деревья посажено много. По хуторам разводятся огороды для поваренных растений и распахиваются земли под посев хлеба. Михайло Леонтьевич показывал нам все сие, будучи сам в восхищении. Признаюсь в. п-ву, что я пришел в изумление увидя столь много строений на том месте, где два года тому назад видел я два только шалаша из камыша зделанных. Все таковые события свойственны только России...». (26, с. 352—353). Письмо отправлено из Очакова 23 апреля 1792 г., то есть в тот же год, для которого выше приведены статистические сведения, и вскоре после донесения Н. С. Мордвинова.

Из этого письма можно усмотреть ряд интересных фактов. Во-первых, по-видимому, Екатерина II интересовалась, как развивался Николаев, совсем недавно созданный волей ее любимца Г. А. Потемкина, и только что получивший права города, поэтому она, возможно, просила В. С. Попова собрать сведения о городе. Кроме того, она располагала полученным донесением Н. С. Мордвинова и, вероятно, хотела проверить точность его оценки.

Учитывая, что В. В. Каховский по должности был одновременно и главнокомандующим Черноморским флотом и совершал инспекционную поездку, вряд ли его можно заподозрить в неискренности. Видимо, город действительно приобретал хороший (по провинци-

альным понятиям) вид: официальные здания были красивой архитектуры (творения И. Е. Старова), было много зелени, столь усердно разводившейся Г. А. Потемкиным и М. Л. Фалеевым.

НИКОЛАЕВ В ПРОШЛОМ СТОЛЕТИИ

Из первых лет существования Николаева перенесем-ся в первую половину XIX века — период расцвета парусного судостроения и бурного развития города. Главный командир Черноморского флота и военный губернатор Николаева адмирал А. С. Грейг (1816 — 1833 гг.) много сделал для украшения города: основал бульвар, озеленил улицы и пустыри, построил много красивых зданий, развел сады и т. п. Каким был город в 30-е годы мы можем судить по дневнику В. А. Жуковского, бывшего в 1837 г. проездом в Николаеве:

«1 сентября. В 7 часов утра в Николаеве. Широкий Буг. На месте переправы верфи. Сад из тополей, верб и дубов, обнесенный белой стеною...» (15, с. 354).

И еще о том же:

«1 сентября. В 7 часов утра в Николаеве. Широкий Буг, на берегу коего деревни. На Буге верфь. Вблизи обсерватория, прекрасное здание в стороне, окруженное лесом тополей и верб. Город красивый. Есть здания довольно огромные, все прочие приятной архитектуры. Остановились пить кофе в Николаеве. Прекрасный чистый город, до 40 тысяч жителей, считая 13 тысяч войска. До 50 капиталов. Удачная постройка кораблей... которая стоила более миллиона» (15, с. 354—355).

Как видим, В. А. Жуковский нашел город чистым, красивым и зеленым. В городе уже развиты торговля и промышленность («до 50 капиталов»). Верфь на Буге — это основанное А. С. Грейгом Спасское адмиралтейство, в котором в то время строились подрядчиком Рафаловичем липейные корабли для Черноморского флота.

Во времена управления М. П. Лазарева (1833—1851 гг.) город украсился еще несколькими красивыми зданиями. Вот более полное описание Николаева, сделанное в 1843 г. морским астрономом К. Х. Кнорре:

«Город сей, расположенный на левом возвышенном

берегу р. Ингула, по устройству и месторасположению почитается в числе лучших Новороссийского края. В нем Соборная Адмиралтейская церковь во имя Св. Григория Армянского обращает на себя особое внимание с одной стороны как памятник Великой Екатерины, а с другой — как место, где находятся следующие редкости: два осьмиконечных креста — золотой, присланный князем Потемкиным из Ясс, и серебрянный... Строителем сего собора был оберштернкригс-комиссар Фалеев, которого прах и покоится тут на правой стороне алтаря под памятником, воздвигнутым в виде пирамиды. Из прочих зданий замечательны: присутственные места города Николаева, обсерватория, дом благородного собрания, чертежная, словолитная и переплетная. Весьма любопытны также собрание астрономических инструментов, гидрографическое депо и библиотека, состоящая из 10 000 томов книг на английском и русском языках. Для воспитания юношества существуют следующие заведения: Черноморская штурманская рота, Уездное училище, Флотское училище юнгов, Девичье училище для детей нисших морских служителей, и вновь открывается Девичье городское училище. Для путешественников лучшими почитаются гостиницы: Готлиба на Никольской улице, близ Пароходной площади, и Андреева на Католической улице. Для увеселения жителей на возвышенном берегу Ингула устроен отличный бульвар, на полуверстном расстоянии от города расположен на берегу р. Буг сад, украшающий наружность города и именуемый Сухим фонтаном, на протяжении того же берега находится урочище «Спасск» — прелестная долина, окруженная садами, в вершине коей струится источник чистой, здоровой воды, которую доводится город, а сад ее служит в летнее время общественным местом гулянья, которое иногда заключается балом в доме, устроенном в азиатском вкусе еще во время основания города». (17а, с. 119—120).

О культурной жизни города можно кое-что узнать из письма В. Г. Белинского, побывавшего в Николаеве в 1846 г.: «Жить в Николаеве довольно скучно. Это первый город, в котором у нас не нашлось ни одного знакомого. Город этот флотский и набит матросами и офицерами. Спектакли идут плоховато». Заметим, что Белин-

ский приезжал в Николаев вместе со знаменитым русским актером М. С. Щепкиным, который сыграл в нескольких спектаклях. Однако в другом письме Белинский не очень восторженно отозвался о николаевском театре: «В Николаеве такая труппа, какой подобной нет нигде под луной, а если и есть так может быть на луне, где, как известно, вообще нет людей и, стало быть, никто не знает грамоты».

Очевидно в то время николаевскую публику вполне устраивали только гулянья и балы.

Из города сороковых годов прошлого века перенесем еще на 30 лет вперед и приведем выдержки из описания Николаева 1869 года:

«Грейг много заботился об украшении и улучшении города, лучшие здания, и теперь еще украшающие город, построены по его предначертанию, как например Обсерватория, дом флагманов (ныне занимаемый благородным собранием) и другие. Он заботился много о разведении садов и украшении улиц бульварами. Адмиральская улица, ныне ничем не отличается от прочих, в его время была шоссирована и по обеим сторонам ее тянулись красивые полисады, а в них в два ряда стройные тополи и душистые акации» (25а, с. 4).

Далее: «К числу прекрасных частных зданий следует отнести паровой пильный завод и паровую мельницу иностранцев Бакстера и Лаутона на Поповой балке, паровые мельницы Иванова и других, дом Воронцова на Большой Морской улице, дом Городового собрания, Сиротинского на Привозной площади и несколько других частных домов, стоящих от 10 до 20 тыс. руб.

Дома в городе большею частью каменные, вследствие обильных каменоломен в окрестностях и даже в черте города. Местный камень—раковистый известняк. Небольшая часть домов покрыта железом, остальные черепицею, выделявшаюся на месте, а многие крыты тесом. Дома бедных жителей, находящиеся преимущественно в Адмиралтейской части города, почти все построены из землелитного кирпича и покрыты камышом и соломою» (25а, с. 49).

И наконец, в заключение: «Площадей в городе восемь: Плац-парадная (против дома Главного командира), Соборная, Привозная, Сенная, Гимназическая

(против мужской гимназии), Адмиралтейская, Госпитальная и Военная.

Улиц продолжных с востока на запад 42, поперечных с севера на юг 39. Улицы прямые, шириною от 15 до 40 сажен, пересекаются под прямыми углами (кроме некоторых в конце города, где для пересечения бесконечных перспектив, улицам даны изломы) и делят город на правильные кварталы. Из всех мощенных только две: Адмиральская и Соборная, но на первой мостовая занесена таким толстым слоем песка, что сделалась в последнее время хуже немощенных. На Адмиральской сделаны тротуары для пешеходов, но ничем не вымощенные и нисколько не возвышенные над уровнем улицы, они почти не избавляют пешеходов от повсеместной грязи» (25а, с. 35—36).

Вот таким был наш город в конце шестидесятых годов прошлого века.

И еще один важный отрывок из календаря:

«Городу Николаеву принадлежит земли 17379 дес. 2039 саж., на которой кроме города расположены принадлежащие городу хутора, населенные мещанами. Хутора эти: «Водопой» на левом берегу Ингула, и Аверин, Кулибякин, Мешков и Погорелов, на левом берегу Буга...

Кроме того к городу причислены и подведомы Николаевскому Военному Губернатору шесть пригородов: Богоявленск—на левом берегу Буга, в 12-ти верстах,.. Покровское (оно же Копани) в степи, на половине дороги к Херсону, в 28-ми верстах,.. Воскресенск — на левом берегу Ингула, в 12-ти верстах,.. Калиновка — далее, за Воскресенском, в 15-ти верстах..., Березнеговатое и Висунь — в 80-ти верстах от Николаева..

Селения эти, устроены в царствование императрицы Екатерины II, по повелениям генерал-фельдмаршала Светлейшего князя Потемкина-Таврического, в 1784—1790 годах, с тою целью, чтобы употреблять поселенцев в кораблестроительные, плотничные и другие работы в Николаевском и Херсонском адмиралтействах» (25а, с. 8—9).

В настоящее время все упомянутые хутора вошли в состав города. В городскую черту включены также некоторые пригороды, в частности, Богоявленск, Варваровка, Матвеевка и другие.

ОСНОВАНИЕ НИКОЛАЕВСКОГО АДМИРАЛТЕЙСТВА

Ранняя история Николаева и его Адмиралтейства, как и история первых судов, построенных в городе, представляют особый интерес. Эта часть истории николаевского судостроения наименее исследована и содержит много «белых пятен».

Под ранним периодом мы понимаем начало судостроения в Николаеве, проходившее под могучим влиянием Г. А. Потемкина и включающее время от появления распоряжения князя о заложении верфи на Ингуле (1788 г.) до перевода из Херсона в Николаев Черноморского адмиралтейского правления (1795 г.), осуществленного по распоряжению Г. А. Потемкина, но уже после его смерти. В этот период велась интенсивная постройка судов под непосредственным наблюдением Г. А. Потемкина, часть из них была построена, остальные заложены или готовились к закладке. После его смерти начался застой судостроения в Николаеве, корабли и другие суда не строились почти пять лет.

ОСНОВАНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

Великий преобразователь России Петр I в поисках прямого морского пути в Европу (для развития торговли и мореплавания) обратил вначале свой взор в южном направлении державы (5). Основание военного флота в России в 1696 г. было обязано именно этой идее юного царя. Воронежское адмиралтейство и ряд других временных верфей были созданы Петром I для постройки необходимого ему флота, чтобы овладеть Азовом — ключом к Азовскому морю. Взятие Азова, основание Таганрогского порта и другие военные мероприятия Петра в Северном Причерноморье обнадеживали его в скором решении этого вопроса настолько, что он даже помышлял о перенесении столицы из Москвы на берега Черного моря. Но последовавший вскоре за успехами Прутский «конфуз» привел к полному краху южной морской идеи Петра: все завоеванные земли при-

шлось отдать, а суда Азовского флота сжечь или про-
дать.

Присоединение к России земель Северного Причер-
номорья потребовало немедленного создания флота для
их охраны и обеспечения безопасности торгового море-
плавания. Возродилось судостроение на реках Азово-
Черноморского бассейна: Икорецкая, Новопавловская,
Новохоперская, Гнилотонская верфи, Рогожские хутора,
Чута, Смелянск, временные верфи на Днепре, Доне,
Хопре. Однако все эти верфи были далеки от мо-
ря, несовершенны и неудобны. По указу Екатерины II
от 18 июня 1778 г. здесь был заложен г. Херсон, назва-
ние которому дала сама императрица (12, с. 47). Город
создавался как центр судостроения и зарождающегося
флота на Черном море.

Следующим важным этапом на пути создания Чер-
номорского флота было мирное присоединение Крыма к
России, происшедшее 28 декабря 1783 г. благодаря ди-
пломатическому таланту Г. А. Потемкина. Указом от 15
августа 1783 г. Екатерина поручила управление новым
Черноморским флотом и Адмиралтейством князю
Г. А. Потемкину (23). В следующем году новая военно-
морская база получила официальное признание прави-
тельства и была названа Севастополем (10 февраля
1784 г.).

Как следует из документов, Г. А. Потемкин уделял
большое внимание организации строительства флота и
города Херсона, проявляя требовательность, настойчи-
вость и знание дела, входя в мельчайшие подробности
(7, 20, 25, 29, 27, 30). Но спустя десять лет стало совер-
шенно очевидно, что место для Херсона выбрано не-
удачно: город расположен в дельте Днепра, вблизи за-
росших камышом низменных островов — рассаднике ма-
лярии, болотной лихорадки и других болезней; большое
удаление от лимана, песчаные бары и узкие гирла тре-
бовали дорогой и трудоемкой проводки больших судов
на камелях и последующей их догрузки и довооружения
на Глубокой пристани.

И Г. А. Потемкин склонился к мысли о создании но-
вой верфи на более удобном и здоровом месте.

ОСНОВАНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО ВЕРФИ НА ИНГУЛЕ

Место такое было найдено в устье реки Ингула, при впадении его в Бугский лиман («реку Буг»), и здесь было положено начало городу Николаеву. Орденом № 534 от 21 июля 1788 г. Г. А. Потемкин предписал М. Л. Фалееву «заготовить на Ингуле елengi для построения по апробированному рисунку двух кораблей пятидесятишестипушечных» (6, с. 74).

В отношении самого начала строительства верфи и города сохранилось много противоречивых документальных сообщений, которые мы считаем необходимым привести полностью в хронологическом порядке с последующим их анализом.

До начала строительства верфи и города в выбранном месте приступили к ремонту и переделке небольших судов, а впоследствии и фрегатов, там же Г. А. Потемкин велел основать стоянку гребной Лиманской флотилии. Одновременно в чрезвычайно трудных условиях, в прифронтной полосе началось строительство верфи. Вот несколько отрывков из документов:

1) «Галеру же отделайте зимою, я ее хочу ввести в Ингул», *Потемкин — Фалееву, 14 августа 1788 г. (30, № 4, с. 668).*

2) «Сверх того заложен один корабль в Херсоне и два на Новой Верфи при устье Ингула», *Потемкин — Екатерине II, 1 сентября 1788 г. (7, № 23, с. 14).*

3) «Полагаю я на Новой Верфи строить корабль и два катера нового проекта...», *Потемкин — Фалееву, 28 сентября 1788 г. (24, № 9, с. 367).*

4) «Строение судов производится в Херсоне, на Дону и в Хопре», *Потемкин — Войновичу, 12 декабря 1788 г. (7, № 125, с. 94).*

5) «Вновь строить... на Ингуле особливо под моим присмотром 44-х пушечный корабль, такой же и в Херсоне от генерал-прокурора построенные; еще четыре подобные, теперь строяемые в Рагожских хуторах...», *Потемкин — Войновичу, 1 января 1789 г. (7, № 131, с. 98).*

6) «Вашему препоручаю попечению... завести верфь на Ингуле, куда инструменты и рабочих из Мошны об-

ратить». Потемкин — Фалееву, 27 апреля 1789 г. (7, № 182, с. 138).

7) «На устье Ингула готовятся для строения кораблей пять еленгов...», Потемкин — Павлу Петровичу, 2 мая 1789 г. (7, № 184, с. 140).

8) «Должно как можно поскорее сделать киленбанок на Ингуле и кроки для постановки мачт», Потемкин — Фалееву, 19 мая 1789 г. (30, № 13, с. 672).

9) «К прибытию моему изготовьте проект корабля сорокашестипушечного...», Потемкин — Афанасьеву, 25 мая 1789 г. (7, № 200, с. 148).

10) «Я желая чтоб ваше сиятельство фрегат «Федота мученика» отправили в Ингул к месту полагаемого вновь верфи там его ошеляют через помянутых моих мастеровых...», Потемкин — Войновичу, 5 июня 1789 г. (29, № 3, с. 212).

11) «Заводится верфь на устье Ингула, нужно там сделать еленги. Определите для сего искусного из инженерных офицеров и прикажите ему явиться у статского советника и кавалера Фалеева», Потемкин — Меллеру, 6 июня 1789 г. (7, № 208, с. 151).

12) «Обер-интенданту Афанасьеву послано наставление о выгоднейшем килевании и вооружении назначенных судов на верфи Ингульской», Журнал армии, июнь 1789 г. (7, № 245, с. 172).

13) «Получил я донесение ваше, похваляю скорое отправление «Федота мученика» на Ингул, где я все готовить с поспешностью приказал. Вновь вытасенные ланцоны казаками туда же приказал отправить равно и впредь вытаскиваемые». Потемкин — Войновичу, 3 июля 1789 г. (7, № 251, с. 181).

14) «21-го. Статскому советнику Фалееву дан ордер о поспешном приуготовлении киленбанков на Ингуле и о запасении всего нужного для заводимой тамо верфи», Журнал армии, 21 июля 1789 г. (7, № 256, с. 187).

15) «Когда удастся вам несколько фрегатов по моему повелению прислать в Ингул, то будут переправлены... перегрузятся потребным для севастопольского флота и весною отправятся», Потемкин — Войновичу, 9 октября 1789 г. (29, № 21, с. 217).

16) «В Николаевской гавани поспешат один корабль сделать в 1790 г.», Потемкин — Войновичу, 9 октября 1789 г. (29, № 21, с. 217).

Проанализируем эти документы. В некоторых журнальных и газетных статьях, а также книгах, приводятся сообщения, что верфь на Ингуле была заложена 21 июля 1788 г. (18, с. 127, 106, 107). По-видимому, авторы этих работ опираются на ордер Г. А. Потемкина от 21 июля 1788 г., которым он предписал М. Л. Фалееву заготовить леса для двух 56-ти пушечных кораблей и начать постройку верфи на Ингуле (6). В комментарии к документам (27) также говорится о том, что в конце июля 1788 г. были заложены эллинги на Ингуле (27, с. 253). Однако так ли это?

Известно, что Г. А. Потемкин придавал большое значение нововозводимой верфи: шла кровопролитная война, требовалось много военных судов, необходим был их ремонт, и существовавшие верфи, вместе с Херсонской, уже не справлялись с новыми задачами. Князь Потемкин, понимавший, что без флота нельзя решить ни ближайшие тактические задачи (взятие Очакова), ни тем более стратегические, торопил с постройкой новой верфи. К этому его побуждали и недостатки Херсонского адмиралтейства, и привлекательное место для новой верфи на Ингуле. Поэтому он опережал иногда события и сообщал в Петербург Екатерине II о делах, которые только намечались к исполнению, как уже о решенных.

Из фактических материалов следует, что, форсируя создание новой верфи, Потемкин одновременно заставлял М. Л. Фалеева заниматься реальными делами еще до постройки эллингов. Так, в середине 1788 г. он велит ввести в устье Ингула трофейную турецкую галеру для ремонта и переделки (п. 1) и вскоре сообщает Екатерине, что на Новой Верфи заложены два корабля (п. 2), однако через несколько дней пишет М. Л. Фалееву, что здесь он еще только собирается строить корабль и два катера (п. 3), а М. И. Войновичу указывает, что суда в 1788 г. строятся только в Херсоне, на Дону и на Хопре, не упоминая, естественно, о постройке судов на Ингуле, поскольку там верфи еще не было (п. 4). Вот так разворачивается историческая канва Новой Верфи в 1788 г.

А что же в 1789 г.? Вернемся снова к приведенным выше отрывкам из документов.

Через две недели после своего письма М. И. Войно-

вичу Г. А. Потемкин пишет ему же, что полагает строить на Ингуле 44-пуш. корабль (п. 5). И 27 апреля 1789 г. князь снова поручает М. Фалееву «завести верфь на Ингуле» (п. 6). Вслед за этим, в начале мая он докладывает генерал-адмиралу Павлу Петровичу, что в устье Ингула готовятся пять эллингов для постройки кораблей, снова опережая события и выдавая явно перспективное число стапелей за действительно строящееся (п. 7). А через две недели — снова реальное письмо М. Л. Фалееву о том, чтобы он поскорее сделал киленбанку для ремонта судов (килевания) и кран для снятия и постановки мачт (п. 8). В конце мая князь Потемкин поручает обер-интенданту С. И. Афанасьеву разработать проект нескольких судов, в том числе и 46-пуш. корабля, который он намеревался строить на верфи в устье Ингула (п. 9).

Пока М. Л. Фалеев заготавливал материалы для постройки верфи, а С. И. Афанасьев разрабатывал проекты судов, которые предполагалось строить на Новой Верфи, князь Потемкин заставлял реально заниматься там судоремонтом, посылал на килевание и ремонт фрегат «Федот мученик» (п. 10), трофейные лансоны (п. 13), и другие суда (п. п. 12, 13). Поскольку киленбанка еще не была готова, то М. Л. Фалееву снова направляется указание о срочной постройке ее (п. 14). Вместе с тем напоминает о заготовлении материалов для постройки верфи (п. 14). И почти одновременно от генерала Меллера Потемкин потребовал прислать на стройку «искусных военных инженеров» для постройки верфи. (п. 11).

Таким образом, в середине 1789 г. к постройке эллингов практически еще не приступили. Но, желая поставить правительство перед фактом существования Новой Верфи и придать ей государственную важность, Г. А. Потемкин начинает именовать еще не существующую верфь Адмиралтейством, а окружающие ее постройки (большой частью землянки) городом. Орденом № 1065 полковнику Фалееву от 27 августа 1789 г. князь Потемкин, как уже говорилось, предписал: «Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку — Богоявленское, нововозводимую верфь на Ингуле — город Николаев (7, № 308, с. 342, с. 257).

Подводя итог, можно утверждать, что к началу ав-

густа 1789 г. верфь на Ингуле еще не существовала, а только велись предварительные работы по ее возведению. Таким образом, высказывания о постройке Николаевской верфи в 1788 г. не имеют никакого документального основания. Очевидно первоначальные чертежи верфи, о которых упоминает М. Л. Фалеев в своем письме Г. А. Потемкину от 23 августа 1788 г., не удовлетворили князя, и он потребовал их доработки или переделки. Как следует из документов, обнаруженных А. Г. Сацким в ЦГА ВМФ, окончательные чертежи эллингов были вручены С. И. Афанасьевым М. Л. Фалееву только в самом начале июня 1789 г. С этого момента и началась интенсивная постройка главной части верфи — эллингов (для закладки судов). Первый из них был готов в декабре 1789 г., строил верфь и элинг военный инженер подпоручик И. В. Соколов (27а). Так была построена новая верфь, которая вскоре превратилась в Николаевское адмиралтейство — центр судостроения и флота на Черном море.

Заметим, что к этому моменту место верфи и города не было выбрано еще окончательно. По-видимому, в первую очередь был построен единственный стапель («элинг»), на котором Г. А. Потемкин торопился заложить программный для его идеи корабль — 46-пуш. «Святой Николай». Даже в начале 1790 г., когда город получил уже от Потемкина название, вопрос о его расположении не был еще решен, что видно из следующей записки Г. А. Потемкина:

«Ордер Князеву Деволану и Старову.

Что прилагая реестр строениям города Николаева предписываю им во всем согласиться, избирая способы лутчия и кратчайшия смотреть на ползу, чтоб излишеств не было. Прежде чем зачать что строить осмотреть места в окружности где выгодней и удобней быть городу. Я с моей стороны болше наклоняюсь на урочище Спасское где была дача Фаберова: во-первых что то на Буге почему банка запирающая вход в Ингул избежится. 2-е в воде не будет недостатка имея тамо прекрасный фонтан, который я предпишу еще лутче отделать. 3-е для поставления лесов и прочего из Днепра облегчится труд. 4-е что кали будут купно и елинги. 5-е машина для поставления мачт удобней тамо будет. 6-е

суда при берегу все вдруг груз получат с каким до Килбурна ити можно. 7-е и место здоровее» (З1, с. 200).

Проанализируем этот документ. Архитектор И. Е. Старов приехал в Николаев по приглашению князя Потемкина в апреле. Думается, что в связи со срочностью работы Г. А. Потемкин сразу же поручил ему разработку генерального плана Николаева, что невозможно было сделать без точного определения места эллингам и Адмиралтейству. Следовательно, еще в апреле 1790 г., судя по приведенному выше документу, Г. А. Потемкин и М. Л. Фалеев еще колебались в окончательном выборе места для верфи, а значит и для привязки к ней города. Поскольку Николаев находился недалеко от района военных действий, то верфь предполагалось защитить крепостными стенами («строить замком») (З1, с. 200), для чего привлекались военные инженеры И. И. Князев и Ф. Деволан.

У Г. А. Потемкина были основания для колебаний: основным недостатком верфи на Ингуле было существование длинной песчаной косы — Стрелки по правому берегу Ингула при впадении его в Бугский лиман, запиравшей выход из верфи. Кроме того, Спасский вариант расположения верфи и города имел еще ряд неоспоримых преимуществ перед Ингульским, указанных Г. А. Потемкиным в его записке И. Е. Старову, И. И. Князеву и Ф. Деволану. Но, по-видимому, вопрос был решен вскоре самим Г. А. Потемкиным, понимавшим, что лучше продолжить начатые работы по сооружению верфи и завершить их, чем затевать новые; он приказал сделать судно-землечерпалку («землечерпательную машину») (12, с. 186) и «прочистить» фарватер, сняв песчаную банку для выхода судов в Бугский лиман. Такая «машина» была сделана, и через Стрелку проложили фарватер глубиной до 15 фут. (12, с. 186; 18, с. 126; 21), тем самым исполнив оптимистическое высказывание Г. А. Потемкина⁹.

Именно, принятие решения об углублении фарватера Ингула и привело к окончательной «привязке» верфи

⁹ Рассказывают, что когда М. Л. Фалеев доложил Г. А. Потемкину об устье Ингула и указал на его недостаток — песчаный бар, князь, якобы, сказал: «Ничего, потомство найдет способ устранить этот недостаток!».

и города к выбранному ранее месту. Но это случилось не ранее апреля—мая 1790 г.

Итак, решение было принято, верфь и город заложены.

Как отмечает морской историк В. Ф. Головачев, «в 1789 г. в Николаеве закладывали мы для Черноморского флота, в немногие годы его существования, уже восьмое адмиралтейство» (12, с. 149).

Разумеется, что в первую очередь был построен только один эллинг для постройки кораблей и фрегатов. Г. А. Потемкин предполагал построить в Николаевском адмиралтействе пять эллингов, но последовавшая вскоре его смерть прервала активное строительство верфи Николаева и судов. Судя по плану Николаева 1797 г., в Адмиралтействе было сооружено только два эллинга, из которых, по-видимому, первый был самым большим, второй — чуть меньших размеров. Поскольку после смерти Г. А. Потемкина судостроение в Николаеве зачало, суда фактически не строились, то с полной уверенностью можно утверждать, что эллинги были построены в первые же годы существования Николаева, 1790—1791 гг.

Помимо эллингов Г. А. Потемкин предполагал построить в Николаеве или его окрестностях также доки для ремонта судов Черноморского флота. Постройка этих доков намечалась или у села Терновки («Тарновки») или в урочище Спасском — загородном имении князя (32, с. 185; 31, с. 200; 16, с. 184; 12, с. 186). Приведем несколько отрывков из документов, относящихся к этому вопросу:

«Док сделать, если позволит глубина, в Тарновке; если же невозможно, то приискать способное место на Буге. — Для дока отыскать и делать наперед кали» (резолуция Г. А. Потемкина на докладе М. Л. Фалеева, 25 апр. 1790 г.).

«Так как доставка лесов в Севастополь сопряжена с большими неудобствами и дороговизною, то все суда для тимберовки приводить в Николаев, а близ его, в Спасском, устроить док, другой же док иметь в Севастополе для осмотра подводной части судов и небольших исправлений» (12, с. 18).

Из плана города (35) видно, что эта идея Г. А. Потемкина была осуществлена, по-видимому: в Спасском урочище показаны два дока¹⁰. Однако доки могли быть построены только после смерти Г. А. Потемкина, что видно из следующего документа, в котором изложены распоряжения Г. А. Потемкина на 1791 год:

«2. Сколько для лучшего и удобнейшего построения кораблей места, столько и для здорового воздуха и чистых вод положил адмиралтейство из Херсона перевести в Николаев, а в Херсоне оставить одни только магазейны и строение мелких судов, кои без камелей могут проходить; большие же суда и корабли все строить в Николаеве на Буге, где определил доку быть, и гавань деревянную сделать, но как по сделании сметы оказалось, что строение дорого и возможность открылась вычистить банку, препятствующую входить в Ингул кораблям... изволил приказать: быть Адмиралтейству и верфи на Ингуле, где и теперь построение кораблей производится, а на Буге, в рассуждение имеющейся там ключевой воды иметь док, в которую напускать и выпускать оную без машин» (16, с. 184).

В докладе адмирала Н. С. Мордвинова, управлявшего Черноморским адмиралтейским департаментом после смерти Г. А. Потемкина, Павлу I сказано: «... но как покойный светлейший князь Потемкин-Таврический усматривал надобность в построении дока при Спасском и превосходства сего места против находящегося на Ингуле, который мелководен и узок для пренесения кораблестроения на Буг, то сообразно оным предположениям, сочинены были планы доку и элингам. По совещанию с Гаскоинным¹¹, открылись способы к уменьшению работ и издержек превращением самих элингов в доки. При оных потребно будет устроить чертежную, кузницу, магазины лесные, пары, смоловарню и магазины для угля. Мастерские и прочие магазины непотребны,

¹⁰ На месте нынешней водной станции Черноморского судостроительного завода. Однако эти доки не обозначены в экспликации к плану, что и вызывает сомнение в их постройке.

¹¹ Шотландский инженер-металлург, президент кампании Каррон, изобретатель каронады; приглашен в Россию С. К. Грейгом, и был главным инженером артиллерийского Александровского завода.

ибо находящиеся при Ингуле достаточны и для сего нового здания, *23 февр. 1795 г. (2, с. 352—353)*.

Как видим, еще в 1795 г. доки не были построены. Но поскольку на плане 1797 г. они уже показаны, то, следовательно, оба дока могли быть построены в 1795—1797 гг. при управлении адмирала Н. С. Мордвинова. Отметим также, что мысль Г. А. Потемкина о перенесении судостроения с Ингула на Буг занимала также ум Н. С. Мордвинова, но отсутствие нужных средств не позволило ее осуществить.

И наконец, при Н. С. Мордвинове было начато перенесение всего Черноморского адмиралтейского правления из Херсона в Николаев, о чем распорядился Г. А. Потемкин в последние годы жизни. В 1794 г. в Николаев переехал Н. С. Мордвинов и поселился в построенном для него доме, а 26 апреля 1795 г. состоялось постановление Черноморского адмиралтейского правления о переводе его в Николаев (3, с. 232); переезд состоялся в 1796 г.

Необходимо отметить, что во время основания Николаевской верфи Г. А. Потемкиным основались и другие, в частности в Севастополе, Кременчуге, Таганроге, Калишах, Кичкасах и Бендерах, где строились небольшие суда, необходимые для помощи продвигавшейся на запад армии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Адрес-календарь и справочная книжка Николаевского градоначальства на 1904 год. — Николаев: Русская типо-литография, 1903.

2. Архив графов Мордвиновых. Том I. — СПб, 1901.

3. Афанасьев Д. К. К истории Черноморского флота. — Русский архив, 1902, с. 193—262, 369—458, 637—702.

4. Белехов Н., Петров А. Иван Старов. Материалы по изучению творчества. — М.: Академия архитектуры СССР, 1950.

5. Бестужев Н. А. Опыт истории российского флота. — Л.: Судпромгиз, 1961. — 172 с.

6. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, 1788—1789 гг. Сборник военно-исторических материалов. Вып. VII. — СПб.: Военно-учен. комитет Главн. штаба, 1894.

7. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, 1790—1793 гг. Вып. VIII. — Сб. военно-историч. материалов. — СПб.: Военно-учен. комитет Главн. штаба, 1895.

8. Веселаго Ф. Краткая история русского флота. Вып. I. — СПб.: Морское Министерство, 1893 — 302 с.

9. Гавриил. Хронологическое историческое описание епархии Херсонской и Таврической — Записки Одесского общества истории и древностей. Часть I, 1848.

9а. ГАНУ, ф. 243, оп. 1, д. 57, 79.

10. Ге Г. Н. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790—1890). — Николаев, 1890.

11. Генеральный план города Николаева (ок. 1832 г.) — ЦГА ВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 7239, л. 1.
12. Головачев В. Ф. История Севастополя, как русского порта. — СПб., 1872. — 260 с.
13. Дрмпельман Э. В. Записки немецкого врача в России в конце прошлого века. — Русский архив. Том I, 1881.
14. Еланский П. Местные исторические монографии (К вопросу о времени первого столетия г. Николаева). — Николаев, 1896.
15. Жуковский В. А. Дневники. — СПб.; Тип. тов-ва «Общественная польза», 1903.
16. Какие приказания его светлости были обер-штер-кригс-комиссару Фалееву о строениях в городе Николаеве и заведениях в окружности оного и намерениях в рассуждении флота, адмиралтейства и мастерских 1791 года. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 13, 1883, с. 184—187.
17. Ключевский В. Императрица Екатерина. — Русская мысль, 1896, ноябрь, книга XI, с. 130—137.
- 17а. Кнорре К. Николаев. — В кн. Новороссийский календарь на 1844 г. — Одесса: Ришельевский лицей, 1843.
18. Кумани Н. М. Николаев. — Морской сборник, 1861, № 9, с. 125—142.
19. Лобода В. В. Топонімія Дніпро-Бузького межріччя. — Київ: Вища школа, 1976.
20. Ляликов Д. И. Занятия общества по поручению правительства. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 2, 1850.
21. Материалы для истории русского флота. Части XII и XIII. — СПб.: Морское Министерство 1888 и 1890.
22. Начало города Николаева. — Северная пчела, 1832, № 8.
23. Обзорение кораблестроения на Черном море с показанием всех построенных судов. Рукопись XIX в. (ок. 1843—1844 гг.). — ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, — IV — 296.

24. Ордера князя Потемкина-Таврического. 1. Распоряжения по устройству флота и города Николаева.— Записки Одесского общества истории и древностей. Том 4, 1860.

25. Ордера светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического Новороссийского генерал-губернатора. Материалы для истории губернского города Херсона. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 11, 1879, с. 324 — 377.

25а. Павловский Е., Ильин В. Путеводитель и адрес-календарь города Николаева на 1869 год. — Николаев, 1869.

26 Письма Екатеринославского губернатора Василия Васильевича Каховского, состоящего при делах ее величества Екатерины II Тайн. сов. В. С. Попову... — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 12, 1881.

27. Письма князю Г. А. Потемкину... контр-адмирала Н. С. Мордвинова, обер-штер-кригс-комиссара М. Л. Фалеева. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 9, 1875, с. 244—254.

27а. Сацкий А. Г. Первенец: от закладки до спуска. — Южная правда, 7 и 10 января 1981.

28. Скаловский Р. Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова. Часть I. — СПб.: Морск. учен. комитет, 1856.

29. Собственноручные ордера светлейшего князя Потемкина-Таврического контр-адмиралу графу Войновичу. — Записки Одесского общества истории и древностей, том 7, 1868, с. 211—218.

30. Собственноручные распоряжения князя Потемкина-Таврического во время второй турецкой войны, в царствование императрицы Екатерины II. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 2, 1850.

31. Собственноручные черновые отпуски Г. А. Потемкина. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том. 8, 1872, с. 192—200.

32. Соколов А. Бригадир Михаил Леонтьевич Фалеев. — Морской сборник, 1855, № 8.

33. Суворовский сборник. Том I. Донесения А. В. Суворова Екатерине II, рескрипты, указы и т. п. — ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Ф. № 755.—175 л.

34. Фаберова дача. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 22, 1899, с. 21—27.

35. Чертеж города Николаева и урочища Спасского с показанием имеющегося ныне казенного и обывательского строения. Сочинен при Херсонской инженерной команде 1797-го года октября 17 дня. — ЦГА ВМФ, ф. 3/л, оп. 25, д. 414, л. 1.

36. Янко М. Т. Топонімічний словник-довідник Української РСР. — Київ: Радянська школа, 1973.

Н. А. КУХАР-ОНЫШКО

Наталья Александровна Кухар-Онышко — главный хранитель фондов Николаевского краеведческого музея. Имеет 15 публикаций. Автор глав, посвященных дореволюционному городу в книге «Архитектура Николаева», выходящей в 1989 г.

Продолжает более чем пятнадцатилетний поиск материалов к биографии М. Л. Фалеева, других исторических деятелей Николаева.

В этом выпуске выступает также составителем подборки документов «Николаев: предыстория и первые годы» (при участии А. И. Золотухина и Л. Ф. Траспова).

П Е Р В Ы Й Г Р А Ж Д А Н И Н

Погожим осенним днем в конце октября 1936 года на площади возле бывшего Адмиралтейского собора, у могилы одного из основателей Николаева Михаила Леонтьевича Фалеева, собралась группа людей. Это были представители комиссии, которой Николаевский горсовет поручил снести памятник и вскрыть могилу: от художественно-исторического музея тов. Барцевич, от горфинотдела тов. Фаермарк, от комхоза тов. Побеляцкий, от НКВД тов. Берловский.

Рабочие разобрали изящный, пирамидальной формы обелиск, и камень в тот же день свезли во двор музея. Сняли фундамент, и открылась тщательно выстланная площадка. Сбоку от нее обнаружили вход в склеп. По лестнице члены комиссии спустились вниз, в помещение довольно значительных размеров: где-то около двух с половиной на четыре метра. В одном из углов стояло

андреевское знамя, в другом — российское государственное. Между ними приставлена к стене крышка деревянного гроба. Посреди обитого черным склепа, на беломраморном постаменте, под черным же бархатным покрывалом, стоял большой дубовый гроб, внутри которого находился еще один — цинковый. В ногах положена треуголка, справа от нее морской палаш, слева — шпага. Цинковый гроб был запаян, и пришлось вызывать заводских специалистов. Они прорезали крышку.

Останки Фалесва лежали полностью сохраняя форму: с седоватыми волосами на голове, усами и малой бородкой, в парадном золотого шитья мундире, на груди и на шее — кресты. В сложенных руках заметна догоревшая до конца свеча.

Представитель НКВД сразу же изломал знамена, а треуголку выбросил наружу. Когда снимали орден, мундир на трупе стал разрушаться: ткань истлела и осыпалась (1). Когда сняли ценности (2), гроб закрыли и, уже не запаивая, обвязали проволокой и на подводе отправили на кладбище, где он был установлен в Аркасовском склепе.

А место вечного уединения одного из основателей нашего города было взорвано и завалено камнями...

Имя этого человека знакомо многим николаевцам. В городе есть даже улица Фалеевская. Но много ли мы знаем о нем? Часто этот человек прятался в тени своего могущественного покровителя, выдающегося государственного деятеля России конца XVIII века Григория Александровича Потемкина. Воплощал многие его, иногда почти фантастические, «проекты». И часть тех сплетен и наговоров, что досталась светлейшему князю, пала и на имя Михаила Леонтьевича.

Кем же он был — М. Л. Фалеев? Крупный местный промышленник, владелец фабрик и судов, обладатель 24 тысяч десятин земли в Новороссии, он первым и на свои средства производил расчистку порогов на Днепре, желая сделать эту великую реку судоходной. Современники считали его знаменитым по бесчисленному богатству и миллионному капиталу. Он был поставщиком всех казенных запасов и провианта на всю российскую армию, «...богатейшего человека почти нигде не было из числа российского купечества» (3). А в Николаеве, по существовавшему преданию, он жил в небольшом бре-

венчато́м доме, покрыто́м дра́нью, на углу той улицы, которая сейчас носит его имя.

О Фалееве, как и о Потемкине, распускались различные слухи, распространялись анекдоты. Андрей Болотов в своей книге приводит две такие истории о Фалееве. В одной из них Фалеев показан казнокрадом в деле поставки армии сена, а в другой рассказано о том, как в имении Фалеева пахали на рекрутах вместо волов. (4) Анекдоты очень злые, досталось в них и Потемкину. Трудно сказать, что здесь правда, а что досужий вымысел. Только если посмотреть завещание Михаила Леонтьевича, составленное в феврале 1790 года, то особых миллионов в нем не значится. Свои деревни Фалеев завещал немногочисленным родственникам — племянницам и воспитаннику, а также друзьям. Денежные суммы завещаны на строительство церквей в селе Вольном и других местах. (5)

И если отбросить мелочные уколы и сплетни, и судить по делам, оставленным в наследство потомкам, то нетрудно убедиться, что сделал М. Л. Фалеев немало хорошего, хотя, может быть, и был сыном своего времени.

Попытаемся же по тем незначительным упоминаниям, которые сохранили для нас документы и литература, воссоздать и прочесть исписанные таким неразборчивым почерком страницы жизни «этого первого николаевского гражданина», как назвал его в своей книге автор исторического очерка о нашем городе Григорий Николаевич Ге. (6)

Неизвестны ни дата, ни место его рождения. Иногда его называют «бывшим кременчугским купцом». Но это свидетельство не проливает света на место его рождения, а лишь указывает, что Михаил Леонтьевич был приписан к купеческому обществу города Кременчуга, в котором прожил немало лет. Называют в источниках и другое место. Д. И. Эварницкий в книге «История села Фалеевки-Садовой» пишет: «По происхождению он был купец из города Елисаветграда, Херсонской губернии». (7) Сведения эти автор получил в семье Комстадиусов, родоначальник которой, Федор Савельевич Комстадиус, был знаком с Фалеевым и получил от него

в наследство Ингульскую дачу (позднее село Фалеевка-Садовая).

Первые сведения о Фалееве относятся к периоду первой русско-турецкой войны 1768—1774 гг., когда он становится поставщиком армии Потемкина. Если верить полуполюгендарным сведениям, то знакомство их состоялось в Москве. Влияние такой своеобразной личности, каким являлся Г. А. Потемкин, сыграло решающую роль в судьбе Фалеева. При различии в происхождении и положении у них было много общего. Они даже внешне чем-то похожи, если верить сохранившемуся изображению Фалеева.

Светлейший князь умел примечать и ценить людей талантливых, одержимых большими замыслами, умевших делать полезное государству дело. Эварницкий пишет: «М. Л. Фалеев — замечательная личность в истории Новороссийского края. Это был один из деятельных, энергичных и умнейших сотрудников князя Г. А. Потемкина, умевший всегда угодить «светлейшему», вовремя «уклониться» от его частых вспышек гнева и крайней нетерпеливости, и потому всегда пользовавшийся громадным доверием «светлейшего».

Одним из первых заданий Фалееву была расчистка Днепровских порогов. Конечно, идея эта первой пришла Потемкину, но Фалеев, имея средства и обладая организаторскими способностями, был тем человеком, который мог эту идею осуществить. Можно себе представить, с какими трудностями столкнулся Михаил Леонтьевич, воплощая эту почти утопическую затею — провести канал через Ненасытецкий порог. Но, будучи купцом, Фалеев прекрасно понимал неопределимое значение искомого водного пути и для торговли, и для стратегических нужд. Борьба Фалеева с порогами была неравной, усмирить их окончательно удалось только полтора столетия спустя.

В промежутке между войнами Фалеев продолжает оставаться поставщиком Потемкина, быстро поднимаясь по ступенькам служебной лестницы. Бывший купец, по данной Потемкину власти, получил сперва штатский чин, а потом и военный. В 1781 году он майор, через два года — премьер-майор, а к 1785 году получает чин подполковника. В этот период он поставляет в Херсонское и Севастопольское адмиралтейства

лес, уголь, такелаж, артиллерию и разные припасы. Михаил Леонтьевич строит за свой счет корабли на Херсонской верфи и потом продает их казне. Строитель Херсона Иван Абрамович Ганнибал в 1781 году докладывал генерал-губернатору Новороссии о спуске на воду торгового судна «Борисфен», построенного «из лесов и протчих материалов, равно как и мастеровыми собственным коштом господина майора Фалесва...». (8)

15 июня 1787 года Потемкин сообщал одному из своих адресатов: «Кинбурнского драгунского полку подполковник Михайла Фалеев сего июня 10 дня высочайшим имянным указом пожалован в полковники и повелено определить его к наблюдению за пропуском судов через Днепровские пороги». И последний свой чин Фалеев получил в 1790 г. — адмиралтейский оберштер-кригс-комиссар для заведования всеми денежными расходами по судостроению Черноморского флота. Весной 1788 года, находясь в Елисаветграде, Потемкин приказал Фалееву отправиться в Херсон для строительства днепровско-черноморской флотилии, которая нужна была для участия в готовившемся штурме турецкой твердыни Очакова. Спустя несколько дней Фалеев уже писал своему поставщику Михаилу Шляхтину с просьбой изготовить или отыскать по два якоря на каждую запорожскую лодку. Этим лодкам, как и запорожскому войску, Потемкин придавал большое значение в предстоящих сражениях.

Но главным делом его жизни стали верфь при устье Ингула и Николаев. Им он стался верен до конца своих дней. Наш город был любимым детищем не только Потемкина, но и Фалеева, их лебединой песнью. Не одну сотню толстенных дел составляет переписка Фалеева с Потемкиным, купцами, подрядчиками по различным вопросам строительства города и верфи в архивах Ленинграда и Николаева. Стремительный рост Николаева в первые годы существования — в этом и заслуга Михаила Леонтьевича Фалеева.

Начало его деятельности по строительству верфи положил всем известный документ от 21 июля 1788 года, написанный Потемкиным в лагере под Очаковым: «Предписываю вам заготовить на Ингуле слинги для построения по апробированному рисунку двух кораблей пятидесятишестипушечных». Спустя год, 29 августа

1789 года Фалесев получит из Новых Дубоссар, где в то время стоял штаб Потемкина, ордер, дающий название нашему городу. Паписан он был за два дня до этого, 27 августа. Паходясь в Витовке, переименованной в Богоявленск, Фалеев сообщал всем своим адресатам содержание ордера. Были посланы рапорты Каховскому (из Витовки), письмо Тибенину (из Витовки), ордер графу Бернарде (из Богоявленска), письмо Пашкову (из Богоявленска), рапорт Гуровичу (из Богоявленска). На Фалеева возлагалась масса самых разнообразных обязанностей, которые он всегда с энергией и самоотверженностью исполнял. Под его руководством строились Адмиралтейский собор и кадетский корпус, он организовывал Спасо-Николаевский мужской монастырь, следил за строительством солдатских казарм, магазинов, мастерских, кузниц, токарень, турецких бань, холодных купален, канатных заводов, речных плашкоутов, мраморных бассейнов, водяных и адмиралтейских машин, оружейных заводов. Споспобствовал поискам водных источников. Ратовал за насаждение около Николаева и ближних сел лесов, садов и виноградников, сеяние хлеба, развитие земледелия «на английский манер», разведение овощей.

Утром 4 октября 1791 года, когда смертельно больной Потемкин отправился в свой последний путь из Ясс в Николаев, в одной из карет, вместе с докторами и сопровождающими князя лицами, ехал и Михаил Леонтьевич Фалеев. В этот день проехали 30 верст и остановились на ночлег в селе Пунчешты. Потемкину стало лучше, хотя он очень устал. И все стали надеяться, что если он доедет до Николаева, то там уж непременно выздоровеет. Па что и сам Потемкин очень сильно надеялся.

А на следующий день Фалеев был свидетелем кончины светлейшего, последовавшей прямо в степи близ большой горы в 40 верстах от Ясс. Смерть Потемкина была жестоким ударом для Фалеева, и наверняка ускорила кончину последнего. Пережил он князя всего па один год.

Понимая, что лишился он своего главного покровителя и защитника, Фалеев в декабре того же года обращается в Черноморское адмиралтейское правление с просьбой о выдаче ему аттестата о его заслугах перел

Черноморским флотом. (9) В аттестате отмечались большие заслуги Михаила Леонтьевича в деле заведения гребного флота и строительства кораблей в Николаеве, а также самой верфи и порта. Подчеркивалось, что снабжал он также Адмиралтейство лесами из собственных своих деревень в такое время, когда была в них крайняя нужда.

В апреле 1792 года в Николаеве проездом побывал екатеринославский генерал-губернатор Василий Васильевич Каховский, который в одном из своих писем поделился впечатлениями от посещения города: «Мы (с Фалеевым и Мордвиновым) осмотрели весь город и окрестности оного. Строений кончено и начато много. Вода в колодезях хороша, а в фонтанах отменно хороша. Деревьев насажено много... Михаил Леонтьевич показывал нам все сие будучи в восхищении. Признаюсь, что я пришел в изумление, увидя столь много строений на том месте, где два года тому назад видел я два шалаша из камыша зделанных».

За свои труды Фалеев, конечно, получал награды, и не только деньгами, деревнями, землюю, но и ордена. Находясь в лагере под Очаковым в июле 1788 года, Потемкин спешил сообщить Фалееву о награждении его орденом Святого Владимира IV степени. Орден был учрежден в 1782 году для награждения отличившихся на государственной службе. Еще летом 1787 года во время поездки императрицы Екатерины II в Крым были составлены списки достойных, которых Потемкин просил наградить орденом Владимира. Среди них значился подполковник Фалеев «из дворян доказывающих опытами о устройстве населенных мест, о размножении земледелия и торговли». Среди прочих заслуг попал он в эти списки еще и за то, что провел через Днепровские пороги караван судов и лодок, на которых находилась императрица вместе с двором и иностранными посланниками. Находясь в первой лодке, Фалеев направлял путь всего каравана. В крымском архиве, фонде начальника канцелярии Потемкина Василия Степановича Попова хранится список кавалеров ордена Святого Владимира, свидетельствующий, что статский советник Фалеев удостоен ордена Святого Владимира III степени 10 декабря 1789 года. Таким образом, он был награжден дважды. Последний орден был получен за строительство су-

дов гребной лиманской флотилии и в честь взятия Очакова.

До нас дошло только одно изображение Михаила Леонтьевича Фалеева. Существуют, правда, варианты, но гравированы они явно с одного оригинала. Видимо, этот живописный портрет до нас не дошел, хотя его поиском никто серьезно не занимался. Ведь висел же в Одесском обществе истории и древностей какой-то портрет Фалеева. На сохранившемся изображении Михаила Леонтьевича можно видеть с одним из орденов Святого Владимира — с лентой на шее.

Когда же был написан этот портрет? Ответить поможет сам орден. В уставе ордена Святого Владимира записано, что III степень носилась как раз с лентой на шее, а IV — на груди (слева) на более узкой ленте. (10) По законам того времени, при получении ордена более высокой степени, предыдущая степень сдавалась или просто не носилась. Таким образом, на портрете Фалеев изображен с Владимиром III степени, которого он был удостоен в декабре 1789 года. Значит, портрет был написан не ранее 1790 года, то есть за два с небольшим года до смерти Фалеева.

Один из вариантов портрета, гравированный Бабичевым, помещен в книжечке, вышедшей в Николаеве в 1864 году. Называется она «Михаил Леонтьевич Фалеев, или начало города Николаева». Почти все страницы этой «книжки для детей» посвящены Потемкину, биография которого и без того более-менее известна. Анонимный автор, к сожалению, не смог сообщить нам ничего нового или существенного ни о ранней истории города, ни о жизни и деятельности Фалеева. Но ценна эта небольшая брошюрка в темно-розовой мягкой обложке самим фактом обращения к личности основателя и строителя города. Автор сообщает нам полный текст надписи на могиле: «Обер-штер-кригс-комиссар флота, бригадир и кавалер Михаил Леонтьевич Фалеев — муж чести и добра, ревностный помощник князя Потемкина Таврического в деле образования Черноморского флота. Скончался 18 ноября 1792 года, в 6 часу пополудни, после 10-ти дневной болезни». Бронзовая табличка с этой надписью была снята с памятника на могиле Фалеева еще в 1920-е годы и чудом сохранилась в фондах Николаевского краеведческого музея.

О внешности Михаила Леонтьевича могут рассказать не только его портреты, но и воспоминания людей, видевших и знавших его. Интересны воспоминания доктора Эрнеста Вильгельма Дримпельмана, работавшего в Витовском госпитале в 1788 году. Вот как он описывает свой приезд в Витовку: «...я отправился к бригадиру Фалесву, дом которого мне пришлось искать недолго, потому что он отличался от прочих стенами, выкрашенными красною краской и черепичною крышею. В бригадире я нашел дородного мужчину, одетого в зеленый камчатый халат, в голубой атласной обшитой черною каймою шапочке, на верхушке которой блестела серебряная весом в несколько лотов кисть. Бригадир вооружен был длинною трубкою и занимался чаепитием, сидя на софе». (11)

Умер Михаил Леонтьевич неженатым и был похоронен в Николаеве возле алтарной стены строящегося собора Григория Великой Арменни (позже Адмиралтейский собор) — месте захоронения наиболее почетных граждан города. В составленном в 1790 году завещании говорит он о приближении болезненной старости — хотя было ему тогда лет пятьдесят, не больше. В завещании Фалеев распорядился всех дворовых людей, которые при нем служили, отпустить на волю. Заканчивается завещание словами: «Со всех тех, кои должны мне по вексям и щетам, не взыскивать денег, по смерти моей возвратить им векселя и щеты уничтожить».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Николаевский краеведческий музей, архив Каминского Ф. Т. Записка о вскрытии могилы Фалсева.

2. Николаевский краеведческий музей, архив Каминского Ф. Т. Акт о вскрытии могилы Фалсева (в акте указано, что ценностей не обнаружено).

3. Николайчик Ф. Д. Город Кременчуг, СПб, 1891, с. 69.

4. Болотов А. Т. Памятник протекших времен и сии краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М, 1875, с. 56, 57, 125.

5. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей, ф. 609 Попов В. С. № 436, л. 1—4.

6. Ге Г. Н. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула, Николаев, 1890, с. 3.

7. Эварницкий Д. И. История села Фалсевки-Садовой, СПб, 1892.

8. ЦГА ВМФ СССР, ф. 212, Дела по годам, д. 15-1769 г., л. 424.

9. ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1, е. х. 112, л. 3—4.

10. Алейников А. Г. Каталог наград России с 1698 по 1917 гг. На правах рукописи, 1980, с. 22.

11. Дримпельман Э. В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века, Русский архив, 1881.

Анатолий Иванович Золотухин по специальности инженер. Член президиума Николаевского отделения Украинского фонда культуры. Заместитель председателя Всесоюзного Далевского комитета. Автор более десяти публикаций по истории литературы и краеведению. Увлеченный исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина и В. И. Даля. Для настоящего выпуска им также подготовлена статья о Г. Н. Ге.

Тема начала литературной жизни Николаева затрагивается впервые.

НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

Вдохновение и поэзия сопутствовали нашему городу от самого его зарождения. В начале это было вдохновение основателя Николаева — князя Потемкина-Таврического, страстно желавшего сотворить город никак не хуже Петербурга. Он заразил этой идеей первого строителя города М. Л. Фалеева и академика архитектуры И. Е. Старова, который увлеченно работает над проектом и дарит городу просторную радиально-прямоугольную планировку.

Но вскоре Потемкин умирает, и Екатерина II приказом от 28 февраля 1792 г. назначает председательствующим Черноморским Адмиралтейским правлением вице-адмирала Николая Семеновича Мордвинова, снабдив его именным приказом — завершить в Николаеве все начинания Потемкина. С именем Мордвинова связан расцвет культурной жизни юга Новороссийского края. На протяжении всей своей жизни Мординов пользовался неизменным уважением передовой части русского общества. Достаточно сказать, что декабристы намеревались включить его в свое правительство. В 1824 г. Пушкин писал о Мордвинове, что он «в одном лице представлял всю русскую оппозицию». В записке, поданной Николаю I, Мординов вначале настаивал на отмене смертной казни в России, а затем, единственный

из всех членов Верховного суда, отказался подписать смертный приговор декабристам. Будучи членом Российской академии, Мордвинов голосовал за избрание в нее Пушкина. Многие поэты, в том числе Рылеев и Пушкин, посвятили ему свои стихотворения.

Просветитель и противник крепостного права, он собрал вокруг себя в Николаеве передовых людей того времени. Среди них мы видим врача Самойловича, ученых Ливанова и Суворова, писателя Захарьина, поэта Боброва, книгоиздателя Селивановского. По инициативе Мордвинова в 1796 г. при Морском кадетском корпусе в Николаеве открывается первая на юге Новороссийского края типография. В 1797 г. этой типографией заведовал Семен Иоанникиевич Селивановский, позднее известный московский книгопродавец, главный комиссионер Пушкина по изданию в 1836 г. журнала «Современник».

В 1798 г. Мордвинов открывает в Николаеве вторую, Адмиралтейскую типографию, которая долгое время снабжала юг Новороссийского края научными и литературными трудами. Чтобы понять значение этого деяния, перечислим лишь первые литературные издания этой типографии, не касаясь научных. Это — первое поэтическое произведение Николаева «Таврида, или мой летний день в Таврическом Херсонесе, сочиненное капитаном Семеном Бобровым». Книга содержит 278 страниц и по оформлению не уступает лучшим столичным изданиям.

Сама поэма описывает новоприобретенный Крым и посвящена Мордвинову, как вдохновителю. В 1800 г. была издана вторая книга Боброва «Домашняя жертва, или семейные удовольствия». Наиболее значительные произведения подготовлены Захарьиным. Среди них в 1798 г. изданы: «Афраксад. Халдейская повесть...», «Приключения Клеандра, храброго царевича Лакедемонского и Ниотилды, королевы Фракийской», «Путь к благойравию, или сокращенное наставление обучающемуся юности...», «Новый синопсис или краткое описание о происхождении славянорусского народа... до вступления на престол государя Императора Петра Великого, из разных повествователей собранное и дополненное поручиком Петром Захарьиным», а также поэма «Пожарский» в двенадцати песнях.

Таким образом, первым профессиональным поэтом Николаева был Сергей Семенович Бобров, а прозаиком — Петр Михайлович Захарьин, и по одному этому обстоятельству они заслуживают более пристального внимания.

Бобров родился в Ярославле около 1763 г. в семье священника. Воспитывался вначале в духовной семинарии, а затем — в Московском университете. В октябре 1787 г. переехал в Петербург и служил в канцелярии Сената, а затем перешел в Морское ведомство. В марте 1792 г., опасаясь преследований после ареста Радищева, уезжает в Черноморские порты. Печататься начал с 1784 г., так что в Николаев приехал уже известным стихотворцем. Здесь служит переводчиком в Адмиралтействе и особенно плодотворно работает творчески. Поэму «Таврида» написал после посещения Крыма вместе с Мордвиновым. Бобров был образованнее многих писателей своего времени. Он овладел четырьмя языками и хорошо знал зарубежную литературу. Им издано 13 книг, 4 из которых Пушкин имел в своей библиотеке. Нам интересны, кроме двух упомянутых книг, его перевод с английского «Всеобщей истории мореходства», а также — «Древний Российский плаватель или опыт краткого описания о прежних морских походах Россиян», а также ряд стихотворений, посвященных Черноморскому флоту. Стихи Боброва переводились на английский язык. В поэзии он был продолжателем традиций Ломоносова. А. Н. Радищев высоко ценил его поэтические опыты.

Задумывая поэму «Бахчисарайский фонтан», Пушкин в 1821 г. писал своему брату из Кишинева в Петербург: «Пришли мне «Тавриду» Боброва». Позднее, в декабре 1823 г., когда поэма была закончена, в письме к Вяземскому из Одессы в Москву, Пушкин признается: «Меня ввел во искушение Бобров: он говорит в своей «Тавриде»: «Под стражею скопцов гарема. Мне хотелось что-нибудь у него украсть...». Действительно, самые вдохновенные строфы «Тавриды» относятся к описанию женских красот вымышленной возлюбленной — Зарены, Пушкин, как видно, «украл» для своей поэмы имя Заремы, сделав его более благозвучным. Интересно, что в рукописи поэма «Бахчисарайский фонтан» называлась «Харемом», и только эпитафия к поэме, по соб-

ственному признанию Пушкина, соблазнил его назвать ее иначе. Так поэма «Таврида», написанная Бобровым в Николаеве, послужила Пушкину своеобразным запевом при создании одной из замечательных поэм — «Бахчисарайского фонтана»!

Захарьин был одним из популярных писателей XVIII века. Родился он в 1744 г. в селе Никольском Козловского уезда Тамбовской губернии в семье татарина-торговца. Грамоте, по собственному признанию, учился у сельского дьячка. Питая страсть к чтению книг, сам себя образовал и смолоду, как это часто бывает у писателей, упражнялся в написании всякого рода стихов. Узнав, что в Тамбове назначен гражданским губернатором стихотворец Державин, начал хаживать к нему пешком из Козлова. Державин, сам того не желая, помог прославиться Захарьину, поручив ему сказать речь при открытии в 1786 г. народного училища в Тамбове. Речь его произвела настолько сильное впечатление на современников, что быстро стала известна Екатерине II, была отмечена ею и опубликована не только в России, но и за рубежом. Когда же Державин покинул Тамбов, то многие из тамбовцев открыто стали говорить о том, что нашумевшую речь написал не Захарьин, а Державин. Захарьин оскорбился этим и уехал в 1790 г. в Москву. Там он решил отстаивать свое право на талант тем, что написал занимательную книгу в шести частях под названием «Арфаксад...». Книга имела успех и принесла ее автору известность. Понравился «Арфаксад» и Мордвинову. Будучи в 1797 г. в Москве, он предложил Захарьину переехать в Николаев. Сюда, очевидно, Захарьин приехал с женой, дочерью и сыном, получил вначале место учителя, а впоследствии и офицерский чин. В Николаеве работает очень плодотворно. Повторно издает две части «Арфаксада», «Путь ко благонравию», свою знаменитую речь, заканчивает и печатает новые, перечисленные выше произведения.

Книги Захарьина также оказали некоторое влияние на творчество Пушкина. «Арфаксад» и «Новый синопсис» имелась в библиотеке Воронцова, так что если Пушкин не прочел их раньше, то он мог их прочесть во время пребывания в Одессе. Оригинальное начало «Арфаксада», в котором автор выдает его за чуть ли не единственное произведение, сохранившееся после по-

жара знаменитой древнеегипетской библиотеки в Александрии, напоминает вступление Пушкина к «Повестям Белкина». В «Новом синопсисе» Захарьин довольно подробно описывает смутное время, упоминая предков Пушкина. Поэтому, не умаляя достоинств «Истории государства Российского» Карамзина можно утверждать, что «Новый синопсис» Захарьина мог оказать более раннее влияние на создание Пушкиным трагедии «Борис Годунов».

К сожалению, пока мало что известно о жизни Боброва и Захарьина в Николаеве. Наверняка они были знакомы. Мордвинов, после того, как ему построили в Николаеве дворец (ныне здание Музея судостроения и флота), поселился там со своим многочисленным семейством и «держал у себя открытый стол». Многие офицеры приходили обедать без особого приглашения. По воспоминаниям дочери Мордвинова, посещал дворец и Александр Васильевич Суворов. Судя по всему, вечера во дворце проходили приятно и оживленно. Однако это счастливое время было омрачено интригами адмирала Дерibasа, в результате которых Павел I в конце 1798 года вызвал Мордвинова в Петербург и отстранил его от службы. С отъездом Мордвинова литературная жизнь Николаева пошла на убыль. В начале 1799 года Николаев покинул Бобров. После восстановления на службе Мордвинова он работал под его началом в Петербурге, где и умер 22 марта 1810 г. от чахотки, оставив в бедности жену и сына. 24 марта 1799 г. в Николаеве умирает отставной капитан Захарьин. Публикация его произведений еще продолжалась некоторое время в Адмиралтейской типографии в пользу его семьи.

Итак, даже беглый обзор литературной жизни первых лет существования Николаева показывает, что она была весьма насыщенной и содержательной и, что особенно приятно, она оказала влияние на творчество А. С. Пушкина. Важно и то, что своим явлением она обязана Н. С. Мордвинову. Он был олицетворением совести своей эпохи. До конца своих дней Пушкин дорожил мнением Мордвинова. Так, сетуя на притеснение полицией его, как журналиста, Пушкин писал в 1836 году: «Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть, как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона!..» Следуя завету Пушки-

на о том, что «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно», необходимо увековечить имя Н. С. Мордвинова в Николаеве. Ему следует установить бюст либо перед зданием Музея судостроения и флота, в котором он жил, либо в начале Адмиральской улицы перед Домом офицеров флота, как первому адмиралу Черноморского флота.

Одна из страниц литературной биографии Николаева связана с именем Владимира Ивановича Даля. Выдающийся этнограф, лингвист и писатель, лучшие годы своей жизни — детство и юность — провел в нашем городе. Отец его, Иван Матвеевич Даль, служил здесь Главным доктором Черноморского флота и портов, здесь он и похоронен в октябре 1821 года. В Николаев семья Далей приехала 19 мая 1805 года. Кроме отца членами семьи были: мать Владимира — Юлия Христовна, уроженная Фрейтаг, старшие сестры Паулина и Александрина, младший брат Карл, бабушка Мария Фрейтаг. В Николаеве родились братья В. Даля, Лев и Павел. (1)

М. Бессараб в своей книге «Владимир Даль» отмечала, что семья Далей по приезде в Николаев поселилась «на главной улице». (2) Может быть и на самом деле так было, но, к сожалению, доказательств этому пока не удалось найти. После долгих поисков в архивах и библиотеках нашей страны удалось установить, что семья Далей в Николаеве не имела собственного дома, а переселялась по разным причинам из одного казенного дома в другой. Поиски осложнились тем, что улицы Николаева в то время не имели наименований (наименования введены в 1835 году), а на планах города того времени дома отмечены только именами их первых владельцев. В Центральном Государственном архиве ВМФ в Ленинграде удалось найти дело с ведомостью состояния казенных домов в Черноморских портах начала XIX века, относящейся к Николаеву. (3) В деле отмечено, что в августе 1809 года семья Далей занимала Обертасовский каменный дом, в марте 1819 года — 7-й штаб-офицерский дом, а в 1823 году семейство умершего доктора Даля размещалось в доме Ходькина в Слободке. На планах Николаева того времени (3а) все указанные дома имеются, только Обертасовских (Абертасовских)

дома было два, № 1 и № 2. Однако дом № 1 был слишком мал по размерам (в том числе и подворье), чтобы в нем по тем временам могло разместиться столь многочисленное семейство (мать с отцом, бабушка, шестеро детей, кухарка и пятеро денщиков отца). Таким образом, ориентируясь по планам Николаева 1828 года (За), можно установить нынешние адреса трех домов, в которых проживала семья Далея. Обертасовский дом № 2, в котором в 1809 г. проживали Далн, находился на углу нечетной стороны ул. Наваринской и четной — ул. Свердлова. Дом, к сожалению, не сохранился, на его месте ныне находится здание Обкома профсоюзов работников судостроительной промышленности. 7-й штаб-офицерский дом, в котором семья Далея проживала в 1819 году, также не сохранился и находился он на месте нынешнего дома по ул. Володарского, 1. Третий дом, Ходыкинский, сохранился и находится по ул. Плехановской, 115. Сопоставление его нынешнего вида и планировки с чертами Ходыкинского дома 1833 года (найлены в Центральном Государственном архиве ВМФ) показывает, что дом до наших дней дошел в перестроенном виде. Левое крыло дома отсутствует — видны следы его разрушения. Тыльная сторона дома достроена. Изменен и внешний вид, лицевой. Размеры основных, несущих стен дома совпадают. Вероятно, были еще какие-то казенные дома, в которых жили Дали в Николаеве с 1805 по 1825 гг.

Несомненно одно: где бы ни жила семья Далея, каждый их новый дом становился культурным центром города. Отец, страстный книголюб, в свое время библиотекарь Екатерины II, располагал обширным собранием книг на разных языках. Мать, отец и бабушка В. Даля владели 5—7 языками, в том числе и древнейшими. Бабушка была писательницей и переводчицей. Отец прекрасно рисовал, интересовался астрономией, историей, литературой, медициной. Мать обладала удивительным голосом, прекрасно играла на фортепьяно, была искусной рукодельницей. Детей родители, в основном, учили сами. (1) С августа 1815 г. по март 1819 г. В. И. Даль обучался в Петербурге, в Морском кадетском корпусе. Относительно года отъезда В. И. Даля на учебу в Морской кадетский корпус существуют разногласия. В. Порудоминский в своей довольно обстоятельной книге от-

мечает, что это произошло в 1814 году. (1) В послужном списке В. И. Даля и К. И. Даля отмечено, что они поступили в Морской кадетский корпус 1 августа 1815 года. (4) В «Автобиографической записке», продиктованной В. И. Далем перед смертью, сказано: «Меня с Карлом отдали в Морской кадетский корпус, это было летом 1814 году 13½ годов». (5) Здесь имеется явное противоречие. Если учесть, что В. И. Даль родился в ноябре 1801 года, то 13 с половиной лет ему было не в 1814, а в 1815 году. Существуют и другие доказательства этому. В дневнике матери Даля отмечено, что в 1815 году 13-летнего Владимира и 11-летнего Карла свезли учиться в Морской кадетский корпус. Наконец, в «Деле 28-го флотского экипажа о мичмане Дале-1м, сужденном в сочинении пасквилей», В. И. Даль записал в 1823 году: «1815 г. августа 1-го принят в Морской кадетский корпус». (6) Бесспорно, последней записи у нас есть больше оснований доверять, впрочем, как и записям послужного списка. Все это дает полное основание считать временем отъезда В. И. Даля из Николаева на учебу в Петербург 1815 год.

По дороге в Николаев, по его собственному признанию, Даль положил начало «Толковому словарю». В «Автобиографической записке» он писал: «3 марта 1819 г., после трех кампаний в Маркизовом море, мы выпущены в мичмана, и я по желанию написан в Черное море в Николаев. На этой первой поездке моей по Русн я положил безсознательное основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотоле не слышал». (5) Архивные материалы свидетельствуют, что в Николаеве В. И. Даль написал и любительски поставил две пьесы: «Невеста в мешке, или билет в Казань» (1821 г.) и «Медведь в маскараде» (1822 г.). Здесь он писал стихи, собирал не только слова, но и народные пословицы, поговорки, сказки и загадки. В Николаеве он начал изучать украинский язык и начал собирать украинские слова, которые впоследствии передал Лазоревскому для словаря малороссийского языка. Герцен считал Даля «малороссом по происхождению». Белинский заметил: «Малороссия — словно родина его». Перевод Даля повести Квитки-Оснотьенко «Солдатский портрет» Белинский назвал прекрасным. В старости Даль признавался: «Будучи родом из Новороссий-

ского края и проведя там молодость свою, я с родным чувством питаю и вспоминаю все, относящееся до Южной Руси и Украины». (1, 5). Судя по всему, время пребывания Даля в Николаеве после 1819 года было для него счастливым. Это было время долгожданной волюности и свободы после мрачных лет обучения в Морском кадетском корпусе. Вот как писал он об этом в автобиографической повести «Мичман Поцелуев»: «Душа блаженствовала и мечтала, не заботясь больше ни о чем, Смарагд (Поцелуев) помнил и понимал себя в одном только смысле; он был счастлив, сам не зная — чем и от чего; он жил со всегдашней улыбкой на устах, с каким-то отблеском самодовольствия в голубых глазах: словом — он жил, и жил впервые».

Вокруг семьи Далей в Николаеве образовался литературный кружок, в который входили: николаевский поэт и моряк Ефим Петрович Зайцевский, моряки братья Рогули (потомки запорожских казаков), Скарабелли, брат Карл, сестра Паулина и николаевский астроном Карл Христофорович Кнорре. Дружба с последним поддерживалась долгое время и после отъезда Даля из Николаева. Кнорре проработал в обсерватории Николаева около 50 лет, со дня ее основания. Жизнь в литературном кружке значительно оживилась с приездом в Николаев в 1822 году семейства Зонтагов. Егор Васильевич Зонтаг, американец по происхождению, в эти годы капитан-лейтенант, командовал яхтой «Утеха» и состоял флаг-капитаном при Главном командире Черноморского флота и генерал-губернаторе Николаева, тогда вице-адмирале, Алексее Самуиловиче Грейге. На русскую службу Зонтаг поступил в 1811 году лейтенантом Черноморского флота. (4) В 1817 г. Егор Васильевич, поехав за рекрутами в Тульскую губернию, познакомился там с Анной Петровной Юшковой, племянницей поэта В. А. Жуковского. Они поженились и остались жить в деревне.

Здесь необходимо отметить, что все детство и юность Анны Петровны, вплоть до 1815 года, прошли в одном доме с Жуковским. Через всю жизнь она пронесла светлое чувство дружбы и братства к родному дяде, как к человеку, так и поэту. В. А. Жуковский был ее первым советчиком в личных и семейных делах. Он направляет ее литературные вкусы, дает ей темы для

литературных произведений. Со временем А. П. Зонтаг стала известной детской писательницей и переводчиком.

Чтобы понять, как оказались Зонтаги в Николаеве, обратимся к переписке Анны Петровны с Жуковским. 28 января 1823 года из Николаева Зонтаг, сообщив о том, что в прошлом году она похоронила едва родившуюся дочь, писала Жуковскому: «...Вы можете спросить, за что я в Николаеве? Муж мой, привыкший с 13 лет к морской службе и к весьма деятельной жизни, не мог долго сидеть на берегу, не видеть моря и жить спокойно в деревне (село Мишенское, Тульской губернии, где родился Жуковский — А. З.). У него сделался сплин, от которого едва не лишился разума. Чтобы избавить его от этого мучительного состояния, он опять вошел в морскую службу и трудится за десятерых и с тех пор сплин его прошел». (7) В это время Жуковский из Петербурга пишет письмо Зонтаг в Севастополь и просит ее съездить в Симферополь. Там в это время поэт Батюшков, потеряв рассудок, пытался покончить с собой. Жуковский, по своему обыкновению помогавший всем, просил Зонтаг облегчить его участь. Письмо это Жуковский передал через Дмитрия Алексеевича Кавелина, ректора Петербургского университета и члена литературного общества «Арзамас», в котором состояли Пушкин и Жуковский.

В ответных письмах из Николаева в Петербург 4 февраля и 4 марта 1823 г. Зонтаг пишет: «...Уже 8 лет как мы с Вами не виделись!!! Кавелин сказывал мне, что Вы ни мало не изменились... Пришлите мне свой портрет! Я недовольна теми, которые нарисовала наизусть! Известие о Батюшкове меня огорчило и тем больше, что я теперь не могу ничего сделать. Если бы я была в Севастополе... Но здесь я живу слишком в 300 верстах от Симферополя и в теперешнее время года дорога так дурна, что я не смею предпринять этого путешествия, будучи опять брюхата. Поверьте, что я не стала бы беречь себя, но тут маленькое творение, которое и так много уже страдает от моих слез и грусти... Мы постарались бы перетянуть его к себе в Николаев, чуть конечно больше средств... Но там прекрасная природа, а здесь скучные степи... Воображение мое совсем простыло, а сердце убито горечью, которые чувствую от последней моей потери. Вот уже шестой ме-

сяц, как лишилась ее, и она так жива в моей памяти... Так, Жуковский, я все Ваша прежняя Анета, прежняя по дружбе, но как я переменялась! как упал во мне дух!.. Но полно! полно! мне очень тяжело плакать... Милое письмо Ваше и альбом со стихами очень счастливо дошли до меня в Николаев. Кавелин повстречался на дороге с одним чиновником Николаевского штурманского училища, с которым разговорившись, между прочим, узнал, что мы не в Севастополе, а в Николаеве... Альбом Ваш (который насилу разобрала) был единственным моим занятием целые две недели. Адмирал Грейг читал с величайшим удовольствием «Шильонского узника», сравнивал его с Английским и уверяет, что перевод не уступает подлиннику. Он подарил мне Ваш портрет литографированный, говоря, что делает мне жертву, но что портрет Ваш не может быть в лучших руках, как в руках друга. Я хотела бы срисовать для него Вашу рожицу, но глаза мне изменили. Портрет этот не совсем похож на Ваш... Что сказать Вам о Батюшкове? Он не пускал к себе никого... Мне еще нельзя ехать от дурной погоды, от дурной дороги и от дурного здоровья в Симферополь... (когда можно будет ехать, вряд ли Зонтаг меня пустит с моей тяжестью). Ему же нельзя ехать потому, что летом от начала марта по конец октября все плавает, ...возвращаясь однако в Николаев. Вот и теперь едва только очистилось ото льда устье Буга, как его посылают в Одесу... Муж мой также готовит к экзамену мичманов и гардемарин. Он служит по особенным поручениям при адмирале Грейге, и в самом деле никакие поручения мимо него не проходят! Он все делает хорошо за что ни возьмется и никогда не скажет много! Подобной деятельности я еще не видела! Его здесь любят и уважают». (7)

Наконец, после грустных писем, навеянных ожиданием родов, следует короткое оптимистическое письмо из Николаева от 10 июля 1823 года: «Ныне только два слова, милый друг Жуковский, которое конечно будет для Вас приятнее длинных писем, рекомендую Вам мою Машу, которая 2 числа нынешнего месяца благополучно выглянула на свет, мы обе с ней здоровы... Мой Зонтаг пожимает Вам руки и просит полюбить его дочку. Завтра он снимается с якоря и я дома его почти не

увиджу, он поручил мне сказать Вам, чтобы Вы непременно постарались побывать в здешнем краю; что Южным берегом Крыма нельзя пренебречь даже и тому, кто видел Италию и Швейцарию, что он сам возьмется показать Вам все хорошее и будет катать Вас по Черному морю на своем судне. Здесь много молодых людей, которые восхищаются Вашим дарованием и с благоговением смотрят на Ваш портрет; какое было бы счастье для них видеть Вас самих! — а мне Жуковский друг и брат! Каково будет мне, когда прижму Вас к своему сердцу! Скажите! Могут ли сбыться эти мечты?». (7)

Ответное письмо Жуковского в Николаев нашло Зонтаг только в марте 1824 года. В нем Василий Андреевич сокрушался: «...Я точно писал вам два раза по получении известия о вашей крошке — но вы не получали моих писем. Подделом мне; но за что же вам огорчение? Ибо вам верно весело было бы слышать поздравительный голос своего брата и друга. И так, хотя поздно, поздравляю вас с вашим милым товарищем. Дай бог, чтобы она долго, долго жила на вашу радость... Когда-то увидимся мы в сдешней стороне—право и надежды нет! Ваш прекрасный Крым, как будто далекая мечта для меня. Хотелось бы заглянуть в далекий край очарованный—далек! далек! Хотелось бы взглянуть на вас, на моего представителя прежних, лучших лет — но нам суждено стареться розно...».

Дальнейшая жизнь Зонтагов в Николаеве проясняется из переписки А. П. Зонтаг с В. И. Далем, хранящейся в Пушкинском Доме. В результате конфликта с Грейгом осенью 1824 г. Даль был вынужден покинуть Николаев. В письме из Николаева 3 апреля 1825 г. Зонтаг писала: «...Егор Васильевич уехал в Одессу приискывать себе квартиру. Он переведен капитаном над портом в Одессе... Думаю, что в конце мая мы совсем переместимся в Одессу. Что то бог даст на новом месте. Мне знакомо чувство, с которым Вы оставили Николаев, и я оставляла родину, родных и друзей, а и самой Николаев оставляю не без сожаления, ибо в продолжении трех лет, проведенных здесь я приобрела хороших приятелей, о которых всегд буду вспоминать с чувством истинной дружбы и уважения». (9) Дальнейшая судьба Зонтаг связана с Одессой. Там в 1841 году умирает ее

муж, и она, оставшись с дочерью в бедности, еще активнее занимается литературным трудом. Ею было написано и переведено довольно много сказок, повестей и биографий для детей разных возрастов, которые много раз переиздавались. Она прекрасно рисовала. В Пушкинском Доме хранится альбом Зонтаг с ее рисунками и автографами известных поэтов, возможно тот самый, который Жуковский прислал в Николаев. Последний период своей жизни Анна Петровна провела в дорогом для нее Мишенском, подготавливая к изданию многотомное собрание своих сочинений. (10)

А. П. Зонтаг была первой писательницей Николаева. Здесь она работала над переводом романа Вальтера Скотта «Эдинбургская темница», изданного в 1825 г. Живя в Николаеве, она не раз посещала Одессу, где познакомилась и сблизилась с Пушкиным. Это знакомство имело весьма важное значение для налаживания связей николаевцев с Пушкиным. Но главное, пожалуй, заключается в том, что Зонтаг была духовной наследницей лучших лет жизни Жуковского. Всю жизнь она гордилась этим наследием, берегла его и приумножала своим трудом. И кто знает, может быть, думая именно о ней, Жуковский писал:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет.
Но с благодарностию: были.*

Особая страница литературной жизни Николаева связана с именем Великого Пушкина. Практически все, что связано у Пушкина с Черным морем, так или иначе имеет отношение к Николаеву. В то время Николаев был столицей Черноморского флота. Здесь находился штаб и Главный командир Черноморского флота и портов, в то время вице-адмирал А. С. Грейг. Здесь бывали почти все корабли Черноморского флота и многие из них оставались на зимовку. Здесь квартировали многие моряки, с которыми был знаком Пушкин. Среди них следует выделить Ефима Петровича Зайцевского. связь которого с великим поэтом была наиболее продолжительной. Отец Зайцевского жил в Николаеве с самого основания города, был купцом-подрядчиком и занимался строительством домов в Николаеве. С 1817 г.

Е. П. Зайцевский — гардемарин Черноморского флота. (4). Вероятно с 1819 года он сближается с В. И. Далем. Оба мичмана писали стихи. Стихи Зайцевского оказались более удачными, и уже в 1824 г., возможно не без помощи А. П. Зонтаг, пять его первых элегических стихотворений были напечатаны в журнале «Новости русской литературы». (10) В 1822 г. Зайцевский служит на брандвахтенном корвете «Шагин-Гирей» в Одессе, а в 1823 году, вместе с В. И. Далем, плавал на бриге «Мингрелия». На том самом бриге, на котором летом 1820 года Пушкин вместе с семейством генерала Н. Н. Раевского переезжал из Феодосии в Гурзуф. Бриг «Мингрелия» заходил в Одессу и, вероятно, это обстоятельство помогло им сблизиться. В. И. Даль еще в мае 1823 года, т. е. в самом начале кампании, был снят с брига и отдан под суд в Николаеве по обвинению в написании пасквиля на жену вице-адмирала Грейга. (6) Это обстоятельство и помешало более раннему знакомству В. И. Даля с Пушкиным. Приходится только удивляться тому, как близко соприкасались их судьбы на юге, но так и не пересеклись. Знакомство Даля с Пушкиным состоялось в Петербурге в 1832 г. (1)

В 1824 г. Зайцевский, по его просьбе, переводится на брандвахтенный корвет «Шагин-Гирей», стоящий в Одесском порту. Здесь он сблизился также с другим поэтом, Туманским, который вместе с Пушкиным служил в канцелярии Воронцова. Благодаря этому знакомству Зайцевский публикует свои стихи в альманахе «Полярная звезда», издаваемом декабристами Бестужевым и Рылевым. Вот что писал 5 июля 1825 года Туманский из Николаева в Петербург Бестужеву: «В моих разъездах по Херсонской губернии виделся я с рифмоплетом Зайцевским, который просил меня доставить к тебе, остроумный и милый Сашенька, стишки свои для напечатания в Звездочке».

Всего Зайцевским опубликовано около 30 стихотворений, но его справедливо причисляют к поэтам пушкинского окружения, ибо его творчество несет на себе печать живого воздействия личности Пушкина. Судите сами по отрывку его стихотворения «Черное море» (1826 год):

* 5 «Именованъ — город Николаевъ»

*Как в час вечерний, милой девы
Любви веселые напевы;
Как лира Пушкина; как тень
Прохладной ночи в звездный день,
Как глас торжественной свободы
Над угнетенною страной;
Отрадны мне твой шум ночной,
Твои лазуревые воды
И тишина, и непогоды
Твоей стихии вековой!*

В 1828 году, во время Русско-Турецкой войны, Зайцевский плавал на корабле «Париж» и в августе участвовал под Варною в захвате турецких судов, а затем, в сентябре 1828 г., командуя сотнею матросов-охотников, первым ворвался в крепость Варну, и там получил тяжелое ранение в руку. Следствием этой атаки была сдача крепости Варна. За эти подвиги Зайцевский награждается орденами, золотым оружием с надписью «за храбрость», чином капитан-лейтенанта и получает деньги на излечение раны. (4)

Узнав о подвиге Зайцевского, поэт Денис Васильевич Давыдов пишет ему стихотворное послание и направляет его для публикации в «Литературную газету». Однако цензура не пропустила его.

Пушкину, заведывавшему тогда редакцией, пришлось жаловаться на самоуправство цензора. В письме, написанном примерно 4 февраля 1830 года председателю Петербургского цензурного комитета Бороздину, он писал: «Издателям «Литературной газеты» вместо К. С. Сербиновича дали недавно в цензоры профессора Щеглова, который своими замечаниями напоминает лучшие времена Бирюкова и Красовского — в доказательство позвольте привести Вам один из тысяч примеров: Давыдов в одном послании Зайцевскому и Казарскому говорит: «О будьте вы оба отчества щит, Перун вековой державы!»».

Цензор усомнился, можно ли допустить называть таковым образом двух капитан-лейтенантов, и вымарал приветствие не по чину. Издатели решились прибегнуть к Вашему покровительству и просить, если только то возможно, дать другого, менее своенравного цензора, если уже не возможно возвратить господина Сербиновича». (11) Здесь речь идет о герое бессмертного под-

вига, капитане брига «Меркурий», Александре Ивановиче Казарском, который умер в 1833 г. и похоронен в Николаеве. Конечно, Зайцевский, Даль и Зонтаг были знакомы с Казарским. Знал его, по-видимому, и Пушкин.

В 1830—1832 гг. Зайцевский находился в заграничном отпуске для излечения раны. (4) Перед отъездом и после него он побывал в Петербурге, где общался с Пушкиным. Вот свидетельства тому. В мае 1830 года помощник поэта Дельвига по редакции «Литературной газеты» Сомов пишет поэту Теплякову, также участвовавшему в боях под Варною: «Пушкин, князь Вяземский, барон Дельвиг и Зайцевский вам кланяются: все они называют вас своим знакомцем по чувствам и таланту. Последний из них оставил нас на днях и снова пустился под парусами... к теплым водам, для излечения, если можно правой руки своей, заклеянной Вернинским штемпелем». Тогда же Зайцевский поместил в «Литературной газете» ответное послание Давыдову.

О дальнейшей судьбе Зайцевского известно довольно мало. В 1846 году, находясь при миссии в Неаполе, он произведен в капитаны 2-го ранга. С 1851 по 1853 гг. он занимает должность генерального консула в Сицилии, а 28 июля 1853 года уже капитаном 1-го ранга назначен состоять при миссии в Неаполе, где и скончался 5 февраля 1861 года. (4)

Весть о смерти Пушкина застала Зайцевского в Триесте. В отделе рукописей Пушкинского Дома сохранилось довольно обширное стихотворение «Памяти Пушкина». Оно замечательно тем, что написано Зайцевским, по-видимому, на одном дыхании при получении печального известия. Все стихотворение пронизано тоской расставания с другом, оценкой его значения:

*«О Пушкин! Пушкин! Кто б Пророком
Твоей кончины ранней был!
Тебя дух юности живил
Во взоре голубом глубоком
Играла жизнь избытком сил;
.....
Ты вдохновение искусства
Своею лирой освятил,
Нам выражал России чувства,
Поэтов русских князем был...».*

Далее поэт, проклиная убийцу, дает собственную свою оценку причины гибели Пушкина:

*«...О Русь!
Многих твоя уж правит тризна,
И каждый твой пришлец, как вран,
Питается от наших ран,
От ран и язв твоих, отчизна!..».*

Наконец, следует очень важное для нас признание «Моряк-солдат, я был поэтом, Я лиру Пушкина любил, И первый Пушкин, перед светом Меня от Муз благословил, Нас всех увлек своим полетом...».

Здесь слова «первый перед светом» в сочетании со сроком первой публикации служат прямым доказательством того, что благословение состоялось на юге. Замечательна и концовка стихотворения, полная ненависти боевого моряка к убийце гениального поэта:

*«Тебя уж нет для нас, Поэт!
Мы в сиротстве остались грустном;
Но мой заряжен Пистолет,
И на твоём убийстве гнусном,
России мщением зажжен,
Он будет мною разряжен...».* (13)

В кратком очерке невозможно подробно исследовать все нити, связывающие гениального поэта с нашим городом. Поэтому считаем целесообразным осветить те обстоятельства, которые привели Пушкина в Николаев.

Время не властно над гениями. Ираклий Андронников как-то заметил: «Мы знаем о Пушкине больше чем о самих себе». Это действительно так, ибо сегодня мы знаем о Пушкине больше, чем вчера. И в этом неустанным противоборстве со временем для нас важны любая деталь, любое событие, любой факт о поэте, вырванные у забытия.

История нашего города сравнительно невелика, но она украшена пусть мимолетным, но все же реально существовавшим свиданием с Пушкиным. Во время южного изгнания Александр Сергеевич по крайней мере шесть раз проезжал и несколько раз останавливался на ночлег в Николаеве.

Первый раз это случилось в один из дней между 14 и 16 сентября 1820 года (даты по старому стилю) (14). Поэт ехал из Симферополя в Кишинев. Он воз-

вращался из трехмесячного путешествия, предпринятого из Екатеринослава через Кавказ и Крым, вместе с семейством прославленного генерала Николая Николаевича Раевского. В Николаев Пушкин въезжал вместе со своим крепостным дядькой Никитой Козловым через Восточную заставу. Он был болен лихорадкой, как тогда называли простуду, и потому не задерживался в пути. Гостиниц в городе еще не было, ночевали на почтовой станции. Утром выехали в Одессу. Дорога шла от Малой Коренихи через Янчекрак (Каменку) к Красному трактуру (село Красное). (15)

Вторично Пушкин посетил Николаев в последних числах февраля 1821 года, по пути из Каменки (ныне Черкасская обл.) в Кишинев. (14) Это была продолжительная, почти пятимесячная отлучка, разрешенная ему генералом И. Н. Инзовым. Из Николаева Александр Сергеевич на день или на два заезжал в Херсон, который интересовал его как город, построенный его дедом Иваном Абрамовичем Ганнибалом. Судя по всему, он не торопился и, вернувшись в Николаев, задержался, чтобы осмотреть город.

Четвертый приезд Пушкина в Николаев связан с известной поездкой «на саранчу».хлопотами друзей в июле 1823 года поэт был переведен из Кишинева в Одессу, в канцелярию нового начальника — Новороссийского генерал-губернатора, графа Воронцова. (14) Последний, однако, хотел видеть себя благодетелем «опального поэта», ждал бесприкословного подчинения, прилежания, лести и усердия. Но Пушкин не оправдал этих надежд, чем и вызвал лютую ненависть Воронцова. Вельможа строчил жалобы, доносы и просил удалить поэта из Одессы. Пушкин отвечал меткими эпиграммами. Наконец, Воронцов, воспользовавшись своей властью, послал его «на саранчу». Александр Сергеевич оскорбился, начал писать письмо об увольнении со службы (формально он числился чиновником 10-го класса по Министерству иностранных дел), но по совету доброжелателей все же отправился в дорогу. Воронцов рассчитывал надолго, по крайней мере на месяц, удалить поэта из Одессы. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы: предписание графа, в котором говорится, что с целью сбора сведений по возрождению и истреблению саранчи коллежскому секретарю Пуш-

кину надлежало посетить уезды и уездные города Херсон, Елисаветград и Александрию; расписка Пушкина в получении 23 мая прогонных денег, которых хватило бы на путь вдвое больше, чем это необходимо по предписанию. (16, 17)

Ранее считалось, что в связи со скорым возвращением поэта, командировка ограничилась поездкой в Херсон и Николаев. Но возрожденные писателем-краеведом Григорием Зленко воспоминания 1895 года, опубликованные им заново в «Литературной России» 4 февраля 1977 года, говорят о том, что Пушкин провел день-два в Сасовке (25 и 26 мая) в имении Льва Леонтьевича Добровольского, в 20 верстах от Елисаветграда. Это позволяет по-новому представить себе, как складывалась вся поездка «на саранчу». Любопытно, что легендарный стихотворный отчет, поданный Пушкиным по возвращении из командировки Воронцову:

«Саранча летела, летела —

И села.

Сидела, сидела, —

Все съела

И вновь улетела...»

действительно имел место. Об этом увлекательно рассказал известный пушкинист Натан Эйдельман в своей книге «Въеварум». (19)

Можно только догадывается, что во время этой поездки Пушкин наверняка заезжал к семейству Зонтагов. Однако попробуем выяснить: где же в Николаеве находилась Почтовая станция и где жили Зонтаги?

Как известно, улицы Николаева получили названия только в 1835 году. Планов Николаева, приходящихся на 1820—1824 гг. найти не удалось. Основным документом, подтверждающим местоположение почтового дома и то, что он использовался для постоя, является дело, найдено в Госархиве Николаевской области. Оно приходится на 22 апреля — 30 мая 1824 года, то есть на время поездки Пушкина «на саранчу». В деле имеется рапорт городской думы военному губернатору Грейгу о том, что в публичную продажу поступил «дом состоящий в городе Николаеве, занимаемый почтовой станцией» и содержится предложение о покупке его за счет городских доходов: «...дома, занимаемого почтовой станцией потому, что здание состоит в одной линии с

городовым общественным домом и сзади харчовой шофы и весьма необходимо для города по удобности и обширности онаго как для постоя, так и для других городских надобностей, ибо харчовая шофа и местом довольно стеснена и встретится надобность со временем распространить оную...» Из дела следует, что Дума купила дом почтовой станции у ее содержателя купца Любвицкого. (23)

На планах Николаева середины 1790-х годов и 1797 года соответственно под № 42 и № 43, на указанном выше месте отмечен «каменный почтовый» дом, ориентированный большей стороной по нынешней ул. Шевченко (24, 25). Таким образом, этот дом был первой почтовой станцией Николаева. По архивным данным 1797 года он представлял собой: «Почтовый двухэтажный дом, нижний этаж каменный, длиной 10,5 шириной 4 сажень (32×8,5 м — А. З.), в нем покоев три, сени одни, верхний деревянный вокруг с галереями разделен на 7 покоев и одни сени...» (26). Таким образом, дом был построен по типу «молдованского дома» и имел 10 покоев для постоя.

На плане Николаева 1828 года смежно с подворьем указанного дома отмечено «гостинные ряды» (27), а на плане 1834 г., экспонирующемся в нашем Музее судостроения и флота, дом сохраняет свое положение, а на территории его уже указано — «шофа». Шофа или шопа — по толковому словарю В. И. Даля навес или сарай для торговли продуктами. Таким образом, этим подтверждается соседство почтовой станции с шофой, а заодно и то, что дума, как и намечала (23), распространила шофу.

Подтверждается указанное местоположение почтовой станции и по расположению ее «в одной линии с городовым общественным домом». Из исследований Г. Н. Ге (28) следует, что в 1821 году Городовой комитет выдал деньги «на покупку у морского ведомства дома на Соборной улице (квартал, где ныне дом Диковского)». По Адрес-календарям г. Николаева на 1833 и 1900 гг. на время написания книги (28) нетрудно установить, что дом Диковского находился на четной стороне ул. Соборной (на квартале, где сейчас расположен кинотеатр им. Ильича), т. е. на одной линии с почтовой станцией.

Наконец, необходимо отметить, что на планах Николаева 1828 года и 1834 года на углу ул. Адмиральской и Декабристов указана также «Почтовая контора». Однако, найденные в ЦГИАЛ материалы на период 1802 — 1844 гг. показали, что почтовая контора не использовалась для поста и служила для приема и развозки почтовых отправок (29).

Таким образом, дом, в котором останавливался Пушкин, находился на углу четных сторон нынешних улиц Шевченко и Советской. 2 октября 1987 года на углу дома со стороны ул. Шевченко была открыта бронзовая доска с надписью: «На этом месте был дом почтовой станции, где проездом останавливался в 1820 — 1824 гг. А. С. Пушкин». Ее авторами являются заслуженный художник УССР Ю. А. Макушин и архитектор О. П. Попова. Их замысел воплотил в металле литейщик художественно-производственного комбината В. Ф. Тищенко.

Итак, во время поездки «на саранчу» Пушкин должен был заехать на почтовую станцию для того, чтобы отметить подорожную и заказать лошадей для продолжения пути. В переписке 1823 года поэт упоминает имя Анны Петровны Зонтаг, следовательно, у нас есть все основания предполагать, что на этот раз он останавливался у нее дома.

Некоторое представление о том, что делал поэт в Николаеве дают рукописи, которые поэт брал с собой в дорогу. По зарисовкам на двух страницах так называемой «второй масонской» тетради портретов вице-адмирала Грейга и его супруги (18) можно предположить, что сразу по приезде в Николаев Пушкин побывал в зимнем дворце адмирала (нынешнее здание Музея судостроения и флота), где доложил о своем приезде. С четой Грейгов он познакомился у Воронцова двумя месяцами раньше. На этих страницах, по тексту, расположенному рядом с портретами Грейгов, Пушкин записал XXX и XXXI строфы 3-й главы «Евгения Онегина», начало письма Татьяны к Онегину до слов «Но говорят — Вы нелюдим...», а также строфу «Я помню море пред грозою...», которая, очевидно, явилась следствием его беседы с Грейгом. Впоследствии Пушкин поместил эту строфу в первую главу (18).

Где же находился дом Зонтагов? По материалам Центрального Государственного архива ВМФ по состоя-

нию на декабрь 1823 года в «Ведомостях домам, состоящим при Черноморских портах, с показанием чего оные стоят исправлению в прежние два года» отмечено, что капитан-лейтенант Зонтаг занимал Архитекторский дом, и что дом этот требовал исправления (3). По плану Николаева 1828 года этот дом находился на углу нечетной стороны нынешних улиц Розы Люксембург и четной Гражданской (13а). Дом сохранился, но значительно перестроен. Вероятно, в начале 1824 года Зонтаги переехали в другой казенный дом. Николай Рогуля в письме В. И. Далю в декабре 1824 г. говорит о том, что в связи с переездом Зонтагов в Одессу их дом полиция намерена передать Агищеву (30). Из планов Николаева (3а) видно, что дом Агищева находился на углу нынешних улиц Набережной и нечетной стороны Пушкинской. Сейчас на этом месте разбит Пушкинский сквер и установлена парковая скульптура поэта работы заслуженного художника УССР Ю. А. Макушина и архитектора О. П. Поповой. Скульптура отлита во Львове. Открытие памятника состоялось 3 сентября 1988 года, в День города Николаева.

❁ ❁ ❁

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Порудоминский В., Даль, ЖЗЛ, М., Молодая Гвардия, 1971.
2. Бессараб М., Владимир Даль, М., Современник, 1972.
3. ЦГА ВМФ, ф. 243, оп. 1, № 1047, л. л. 22 об, 20 об, 91, 191.
- 3а. ЦГА, ВМФ, ф. 326, оп. 1, № 7239.
4. Общий Морской Список, ч. VII, Спб., 1893.
5. ПСС В. Даля, т. 1, изд. тов. М. О. Вольф, Спб., М., 1897.
6. ЦГА ВМФ, ф. 33, оп 1, № 1907, л. 27.
7. Пушкинский Дом, ИРЛИ АН СССР, архив Зонгар А. П., № 28.055.
8. Там же. Архив Грота, № 16000.
9. Там же. Архив Даля, № 27.320.
10. Черейский Л. А., Пушкин и его окружение, Л., Наука, 1975.
11. Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 тт. Т. 10, М., Худ. лит., 1977.
12. Там же. Т. 7.
13. Пушкинский Дом, ИРЛИ АН СССР, ф. 488, № 76.
14. Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. 1, М., АН СССР, 1951.
15. Карманный почтовый атлас Российской империи, разделенный на губернии, Спб., 1820.

16. Щеголёв П. А. С. Пушкин и граф Воронцов, журнал «Красный Архив», т. 38, с. 173—185, 1930.
17. Пушкин О. С. Статті та матеріали АН УССР, К., 1938, с. 195.
- 17а. Муравьев-Апостол И. М. Оливия. Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году, Спб., 1821.
18. ИРЛИ АН СССР, Пушкинский Дом, Отд. рукоп. ф. 244, оп. 1, № 831, л. 4, 4 об.
19. Эйдельман Н. Вьеварум, М., Детск. лит., 1975.
20. Одесский год Пушкина, литературно-краеведческий сборник, изд. 2-е, Одесса, Маяк, 1979.
21. Гейченко С. С. У Лукоморья, изд. 2-е доп. Лен-издат, 1977.
22. ГАНО, ф. 230, оп. 1, № 208.
23. Там же. № 91.
24. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, отд. рукописей, ф. 342, картографический материал, № 158.
25. ЦГА ВМФ СССР, ф. 3, оп. 25, № 414.
26. ГАНО, ф. 243, оп. 1, № 126, л. 20.
27. ЦГА ВМФ СССР, ф. 326, оп. 1, № 7239.
28. Ге Г. Н. Очерк столетнего существования города Николаева на Ингуле, Николаев, 1890, с. 14.
29. Центральный Государственный Исторический Архив Ленинграда, ф. 1289, оп. 15, № 466.
30. ИРЛИ АН СССР, Пушкинский Дом, отд. рукописей, архив Даля, № 27.379.

Е. С. АВЕРБУХ

Ева Семеновна Авербух до выхода на пенсию работала учителем. Состоит в членах историко-революционной секции областного общества охраны памятников истории и культуры, занята обширной лекционно-пропагандистской деятельностью. Имеет несколько публикаций в местной печати. Многие годы увлечена поиском материалов о связях декабристов с нашим краем, изучением истории семейства Аркасов и другими краеведческими проблемами Николаевщины.

В соавторстве подготовила книгу о декабристах «Все желания — к Отечеству моему», которая находится на рассмотрении в издательстве «Маяк».

НИКОЛАЕВ И ДЕКАБРИСТЫ

О первенцах свободы — дворянских революционерах — написано немало захватывающих страниц, но еще неисследованные архивные материалы и появляющиеся в прессе публикации дают возможность добавить несколько штрихов к биографии этого непокорного поколения, среди которого есть и те, чья жизнь и деятельность связана с нашим краем.

Истинно великое не исчезает, сквозь годы и века передается оно грядущим поколениям, для которых оно бывает более необходимым, чем для современников. Связь времен не прерывается, покуда живут люди.

В 20-х годах прошлого века среди прогрессивной интеллигенции Николаева нелегально распространялись журналы «Мнемозина» и «Полярная звезда», в которых печатались произведения Пушкина, Грибоедова, Рылева, Кюхельбекера, Одоевского, Бестужева-Марлинского, нашего земляка Зайцевского. Передовая Николаевщина жила единой жизнью с прогрессивной Россией. А среди декабристов мы находим уроженцев города Николаева Иосифа и Александра Поджио, воспитанника Николаевского штурманского училища, участника вос-

станции на Сенатской площади Николая Алексеевича Чиждова, Николая Ивановича Лорера, князя С. Г. Волконского, жизнь и деятельность которых также связана с нашим краем, интересны эпизоды пребывания в Николаеве на излечении детей декабриста М. А. Фойвизина — Дмитрия и Михаила. Сюда же под надзор адмирала Грейга были сосланы мятежные моряки — В. Романов, Ф. Лутковский и другие. Вот некоторые из этих судеб...

БРАТЬЯ

Каменка. Ноябрь 1823 года. Поместье Давыдовых. На именины Екатерины Николаевны Давыдовой съехались родные, близкие, друзья: старший сын от первого брака, прославленный герой Двенадцатого года генерал Николай Николаевич Раевский, его дети, среди которых Маша Раевская, будущая княгиня Волконская, последовавшая в Сибирь за своим мужем. Здесь же другой сын Екатерины Николаевны — Василий Давыдов, член Южного общества. Здесь же — Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин.

Обращает на себя внимание стройный штабс-капитан в отставке Иосиф Поджио. У Давыдовых он и познакомился с Марией Андреевной, дочерью сенатора Бороздина. И полюбила она многодетного вдовца, пылкого красавца с итальянской фамилией.

А в одной из комнат идет заседание тайного общества. И уже в апреле 1824 г. Иосиф Поджио принимает предложение В. Л. Давыдова стать членом общества. Произошло это в Телепине—имении Марии Бороздиной.

Отец Иосифа, выходец из старинного рода, флорентийский врач Виктор Поджио перебирается из Италии в Россию одновременно с Дерибасом. Совместно с ним, герцогом Ришелье, Ланжероном становится устройтелем Одессы, почетным ее гражданином.

Иосиф родился в Николаеве, по нынешнему обозначению в доме № 34-а по улице Розы Люксембург. Получив образование в петербургском пансионе, в 1811 г. вступает в Преображенский полк, а через год уже участвует в Бородинском сражении. В память о войне 1812 года награжден серебряной медалью на голубой ленте.

Вскоре Иосиф Викторович женится на дочери действительного статского советника Челищева — Елиза-

вете. При родах четвертого ребенка Елизавета Матвеевна умирает, оставив мужа с детьми на руках. Таким и предстал он перед Марией Андреевной Бороздиной, которая через год дала согласие на брак. В начале 1825 года они обвенчались в Одессе. А 14 декабря произошло восстание на Сенатской площади.

Начались аресты. Врывались на старинные дворянские усадьбы тройки с фельдъегерями и одного за другим увозили членов тайного общества в Петербург. Иосифа арестовали в том же 1825 году в имении Яновка (ныне Ивановка Кировоградской обл.), а 21 января 1826 г. он уже давал первые показания. «Посадить и содержать строго, но хорошо» — таково было решение Николая I.

Следственному комитету стало известно, что в 1823 году готовилось покушение на Александра I, для чего несколько офицеров должны были переодеться в солдатские шинели и стать в караул в Белоцерковском павильоне, где находился император, а также и то, что Иосиф Поджио сам вызвался повести заговорщиков.

Но было известно и другое: «И. Поджио, кроме участия его в разговорах с членами общества, собственного действия в пользу оногo никакого не оказал и в действиях других членов участия не принимал». Тем не менее он был отнесен к четвертому разряду преступников и приговорен к лишению чинов и дворянства и пятнадцатилетней каторге.

По примеру своей кузины Марии Николаевны Волконской и других жен осужденных Мария Андреевна Поджио направила письмо царю с просьбой разрешить ей последовать за мужем, ибо «...сама вера и законы повелевают мне разделить тяжкий жребий его...». Сенатор Бороздин пытается всеми средствами разлучить супругов навсегда, царь убажывает сенатора, и по высочайшему повелению декабриста вместо Сибири тайно отправляют в Шлиссельбургскую крепость и водворяют в одиночную камеру.

Более шести лет Мария Андреевна ничего не знает о судьбе своего мужа. На все прошения, которые она посылает на имя государя, один ответ — молчание. Отец угрожает ей вечным проклятием. И добивается своего обманом, сообщая о смерти мужа. Мария Андреевна Поджио выходит за другого...

Восемь лет Иосиф был оторван от мира. Силы покидали его. В далекой Сибири декабристы жили дружной, сплоченной семьей. Они были вместе — он был один. На вопрос: «Какой сегодня день?» ему отвечали: «Не знаю».

Лишь в 1834 году для него открылись двери каземата, и он был отправлен на поселение в Усть-Кудинское, Иркутской губернии.

М. Н. Волконская писала о нем: «...По выходе из заключения он оказался совсем разучившимся говорить: нельзя было ничего разобрать из того, что он хотел сказать». «Ни годы, ни крепость не умалили его любви к жене, и он ехал в Иркутск уверенный, что он найдет ее там, а если нет, то выпишет немедленно к себе, — вспоминал воспитанник декабристов Н. А. Белоголовый. — Пришлось некоторое время обманывать его и мало-помалу подготовить к удару».

В мучительной тоске проводил он свои последние годы. 8 января 1848 года И. В. Поджио скоропостижно скончался в доме Волконских в Иркутске.

Царь был злопамятен. В 1845 году — через 20 лет после восстания декабристов — третья отделенка задержала дагерротип, посланный Сонечке — дочери И. В. Поджио.

Иосиф Поджио был из тех, кто вписал несколько светлых строк в историю декабристского движения. Жизнь его была принесена в жертву великой идее свободы. И жертва эта была благородная.

...И снова Каменка. Осень 1882 года. Вот уже два месяца гостит здесь Петр Ильич Чайковский. Сегодня день рождения всеми любимой Натальи Андреевны Плесской, большого друга сестры композитора Александры Ильиничны. Наталья Андреевна принимает поздравления. К роялю подходит Петр Ильич: «Я играю не просто вальс, а Ната-вальс». Так родилось известное произведение, посвященное Н. А. Плесской, внучке Иосифа Поджио. Так переплелись эти судьбы...

Человеком-титаном назвал Герцен Александра Викторовича Поджио, активного участника декабристского движения.

В 14-летнем возрасте был причислен подпрапорщи-

ком к лейб-гвардии Преображенскому полку, откуда в чине майора был переведен в Днепровский пехотный полк и вскоре подполковником вышел в отставку, поселившись в имении своей матери Магдалины Осиповны Поджио — Яновке.

В тайное «Южное общество» Александр Викторович был принят в 1823 году. Этот шаг в его жизни закономерен. Он сам пробуждение вольнодумства относит к 1820 году. Ему пришлось видеть, как ветеран 12-го года с медалью на груди пришел к помещику просить — чего же? — Хлеба! «Я сам был в мундире и, признаюсь, мне горько было»...

Александр Поджио стал связующим звеном Южного общества с Северным. В приговоре уголовного суда записано:

«Умышлял царубийство собственным вызовом к свершению оного; умышлял на истребление императорской фамилии; участвовал в восстановлении деятельности «Северного общества»... Советовал и убеждал князя Волконского возмутить вверенное ему войско».

Арестованного в своем имении, его доставили в Петербург и заключили в Кексогольмскую крепость. Он был отнесен к обвиняемым 1-го разряда, «присуждаемым к смертной казни отсечением головы». Сам Николай, выслушав ответы Поджио, пришел в бешенство и приказал судить его военным судом и расстрелять в 24 часа. Позже этот приговор был заменен пожизненной каторгой. В июле 1826 года вместе с другими Поджио был отправлен в Сибирь. Впоследствии срок каторжных работ был сокращен до 13 лет. Каторгу Александр Викторович отбывал в Нерчинских рудниках. В 1839 году обращен на поселение в село Усть-Кудинское, Иркутской губернии.

Живя на поселении, Поджио первым стал выращивать огурцы на открытых грядках, а дыни, арбузы, спаржу и цветную капусту в парниках. Он рисовал, занимался педагогической деятельностью и был одним из организаторов Большой и Малой артели. Задача их сводилась к оказанию помощи отъезжающим на поселение. Наряду с политическими ссыльными оказывалась помощь и ссыльным солдатам. Сумма, которою артель распоряжалась, составлялась из добровольных взносов и пожертвований. Как правило, обеспеченные отказыва-

лись от помощи артели. Таким образом, А. Поджио способствовал зарождению новых отношений, своеобразного культа братства, человеческой солидарности, дружбы.

Находясь уже вдали от России, Поджио тепло вспоминал Сибирь, где так много пережил. Он писал своему другу, доктору Н. А. Белоголовому, который издал «Записки Поджио»: «Где моя молодость? Будь она в руках моих, я клянусь, был бы прежде в Сибири, а не в Швейцарии».

За месяц до смерти Александр Викторович возвратился в Россию, поселился в имении своих союзников Волконских. Скончался на руках дочери Волконских Елены Сергеевны 6 июня 1873 года в деревне Воронки Черниговской губернии.

Память наших земляков увековечена в Николаеве. На фасаде дома № 34а по улице Розы Люксембург установлена мемориальная доска, на которой выгравировано: «В этом доме родились два брата Поджио, Иосиф Викторович (30.08.1792 г.) и Александр Викторович (27.04.1798 г.) — члены Южного общества декабристов».

А в поселке городского типа Усть-Куде на Ангаре сохранился дом братьев Поджио, их именами названа улица: «улица братьев Поджио названа в честь проживания на поселении декабристов Александра Викторовича (1839 — 1856) и Иосифа Викторовича (1834 — 1848)».

В Иркутске установлен памятник Иосифу Поджио, который скончался в иркутском доме Волконских.

К 150-летию со дня восстания декабристов в Воронках Бобровицкого района Черниговской области открыт мемориальный комплекс, где рядом с М. Н. и С. Г. Волконскими увековечена память и нашего земляка А. В. Поджио.

«В МЯТЕЖНОМ СПОРЕ НЕПОГОД»

«Образование и благородные чувства снискали ему у всех нас уважение и приязнь».

(Из воспоминаний о Н. А. Чижове польского революционера Констанция Волицкого)

В начале прошлого века одно из лучших военных учебных заведений России—Николаевское штурманское училище. В отличие от Морского Кадетского Корпуса, где учатся исключительно дворяне, сюда принимают и детей разночинцев. Но офицером может выйти только дворянин, остальные становятся штурманами и шкиперами, хотя и обучаются все по одной программе. Принимают с 8—10 лет, «казеннокоштных» — на казенный счет, «бескоштные» перебиваются кто как может. Живут мальчики в частных пансионах, по ночам видят себя адмиралами: им сняты фрегаты и горящие турецкие корабли; наутро спешат в классы, зубрят математику, языки, историю.

Любимые науки — специальные, по мореплаванию. Облечив огромный астрономический глобус, учатся определять курс по звездам (старинный глобус этот — ценнейшая реликвия Николаева — экспонируется ныне в музее судостроения и флота).

Преподаватели — в прошлом боевые офицеры, ученые, бывалые путешественники. Возглавляет училище генерал-майор Иван Григорьевич Бардаки, один из первых «строителей» города и порта Одессы. Инспектор—известный путешественник Павел Иосифович Скарабелли. Среди преподавателей — математик Латышев, участник штурма о. Корфу, Борисов — отец двух будущих декабристов.

Покроют себя славой выпускники училища. Имена трех — Казарского, Прокофьева, Спиридонова будут навечно связаны с героическим подвигом брига «Меркурий». На старом николаевском кладбище найдут они вечный покой.

Войдет в историю еще один выпускник Николаевского штурманского училища — декабрист Николай Чижев.

Родился он в Петербурге в 1803 году. «В малолетстве моем отправился я из Петербурга с родителем моим в город Николаев, главное место управлением Черноморским Флотом. Там воспитывался я в благородном пансионе, который содержал с 1813 по 1817 год учитель черноморского штурманского училища господин Голубев».

Летом 1813 года начались первые морские походы юного гардемарина, сначала на яхте, потом на бриге «Алексей» в Очаков, Одессу.

Через пять лет следует чин мичмана и перевод на Балтику. Начинаясь самый счастливый и романтический период жизни молодого моряка. В 1821 году он отправляется в одну из ранних арктических экспедиций — на остров Новая Земля. Командует экспедицией уже известный мореплаватель, молодой капитан-лейтенант Федор Петрович Литке.

В 1823 году в апрельской книге «Сын Отечества» появляется статья о Новой Земле, подписанная никому не известным именем — Николай Чижев. Это не только эмоциональный рассказ о красотах Северного Острова, это и гордость за отважных русских первопроходцев — древних новгородцев, ходивших сюда на промыслы, это горечь обиды, что нынче не балуют вниманием этот край. Какие неисчислимы выгоды могла бы принести суровая Арктика!

По представлению Федора Литке мыс в Кольском заливе назван именем Чижева. А было ему в ту пору лишь двадцать лет.

После успеха первой публикации рука снова тянется к перу. Воспев дикие красоты северного края, Чижев создает «южный» очерк об Одессе. Лирический «Одесский сад» публикуется в том же «Сыне Отечества».

После новоземельской экспедиции Чижева переводят в Кронштадт, во второй флотский экипаж. Наступали тревожные времена. Заговор существовал не только в армии, брожение охватило и флотских офицеров.

«Рукописных книг или сочинений я не читал; наиболее к поселению во мне свободных мыслей способство-

вало сообщество людей, которые умели овладеть умом и поселить во мне собственные мнения».

«Собственное мышление» формировали прежде всего братья Бестужевы, с которыми он близко сошелся в Кронштадте. Все началось с обоюдных литературных интересов. Пробовавшему свои силы в творчестве Чижову было дорого мнение Александра Бестужева (Марлинского), уже известного в ту пору литератора, Николая Бестужева — остроумнейшего собеседника, весельчака и оптимиста. «Приносил ему свои статьи, он исправлял их и подавал свои советы: таким образом, привыкнув уважать его как своего наставника, я нечувствительно заимствовал у него и образ мыслей».

Осенью 1825 года адъютант Главного командира Кронштадтской крепости мичман Петр Бестужев предложил лейтенанту второго флотского экипажа Николаю Чижову вступить в Северное общество.

— Единственно из любви к благу моих соотечественников, именем священного чувства этого — я готов!

До восстания оставалось меньше месяца... Чижов не принял участия ни в одном из совещаний заговорщиков. Полем его битвы, воплощением его надежд сразу станет Сенатская площадь.

Одно из ключевых мест в планах восстания отводилось Гвардейскому Морскому экипажу — 1100 штыков и четыре орудия, сила; на которую штаб восстания возлагал немало надежд. Гвардейцев-моряков на Сенатскую площадь вывел капитан-лейтенант Николай Бестужев. За ним шли офицеры из других флотских экипажей, среди которых и Николай Чижов.

После разгрома восстания Чижов ушел на Васильевский остров, к своему дяде, профессору Д. С. Чижову. Здесь его и арестовали. С собственноручной запиской императора — «присылаемого при сем Чижова посадить особо на гауптвахту» — отправили в Петропавловскую крепость.

Хлопот следственному комитету дело Чижова не доставило. В деятельности тайного общества участия он принять не успел, и в первую очередь комитет интересовало поведение лейтенанта 14 декабря. Определив вину лаконичной фразой — «принадлежал к тайному обществу с знанием цели оною и соглашался на мятеж»,—

его отнесли к восьмому разряду преступников, постановили лишить чинов, дворянства, сослать в Сибирь.

...Церемония разжалования «по обрядам морской службы» продумана до изощрения. Июльским днем в сопровождении «должного караула преступников морского ведомства» выводят из Петропавловской крепости и на шхуне «Опыт» доставляют в Кронштадт на корабль «Князь Владимир». На адмиральском корабле под грохот пушек поднимают черный флаг. На черный флаг этот от каждого военного корабля, что стоит на рейде, прибывают по одному старшему по команде офицеру, по одному лейтенанту, мичману. На «Князе Владимире» у борта выстраивают преступников. В присутствии команды зачитывают сентенцию Верховного уголовного суда. Над головами коленопреклоненных моряков ломают шпаги, с них срывают эполеты, награды, чернеет вода за бортом от морских мундиров...

В сентябре 1826 г. Николай Чижов был уже в Якутии, в городе Олекминске: «...место пустое и безлюдное... и самое прожитие в нем сопряжено множеством неудобств и затруднений». Поселился вместе с декабристом Андреем Николаевичем Андреевым. Захаживал к ним исправник Федоров, заглядывала на огонек и местная «знать» — купцы, чиновники. Вели нескончаемые беседы, слушали стихи Чижова.

Якутский городничий доносил генерал-губернатору: «В Олекминске исправник Федоров составил шайку дружков». Федорова арестовали. А вскоре трагически погиб Андреев. Чижов остается один.

*«Зачем во глубине души таимый
Ты рвешься вон, как узник из тюрьмы?
Покорен будь судьбе непримиримой,
Умри среди молчания и тьмы».*

В 1832 году произошло невероятное. Восьмой номер журнала «Московский телеграф» опубликовал балладу «Нуча» — таким именем якуты называли русских. Старого якута, торопливо погоняющего коня, тревожит тень Нучи — погибшего молодого русского.

Ничего крамольного в балладе не было. Крамола заключалась в имени автора. Началось следствие. У Чижова отобрали тетрадь, исписанную стихами.

Издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой на запрос шефа жандармов Бенкендорфа отвечал, что

«помянутое стихотворение получено им по почте из Иркутска от неизвестной ему особы».

Есть основания полагать, что «неизвестная особа» не кто иной, как Александр Бестужев-Марлинский. В 1829 году, отправляясь рядовым на Кавказ, он заехал в Олекминск, захватил понравившуюся ему балладу и отправил ее издателю «Московского телеграфа», разумеется скрыв свое имя.

Николай Чижов был в числе первых поэтов, кто обращался к якутской тематике. Якутские сказания и легенды, полные трагизма и высоких чувств, отвечали душевному состоянию Чижова. Предание о девушке, ветром занесенной на луну, ставшей хозяйкой луны, поразило воображение Чижова. Он словно воочию различал на ясном звездном небе силуэт «Воздушной девы», лишившейся своей земли, своей родины.

«Забята и одна

На волю ветров отдана,

В мятежном споре непогод

Несусь назад, несусь вперед,

Обширен мой воздушный дом,

А я одна скитаюсь в нем,

Одна везде, одна всегда,

Чужда небес, земли чужда».

Одиночество в Олекме все более тяготит его. Он дважды обращается к императору с прошением о переводе его в Якутск. Мать хлопочет о военной службе. Летом 1833 года бывший флотский лейтенант поступает рядовым в один из линейных сибирских батальонов 29-й пехотной дивизии, что стоит в Иркутске. В том же году его переводят в Тобольск. Из ссыльных декабристов он здесь первым. В Тобольске служат ссыльные поляки, отданные в солдаты за участие в восстании 1830 — 1831 гг. Поляки с интересом приглядывались к нему — с декабристами они еще не встречались.

«Из русских находился там Николай Алексеевич Чижов, бывший лейтенант флота, который за участие в восстании при вступлении на престол Николая...» — музыкант Константин Волицкий в своих воспоминаниях отдает должное высокой образованности и благородству русского революционера.

В 1836 году после окончания Петербургского университета в Тобольск приезжает Петр Петрович Ершов, ав-

тор «Конька-Горбунка». Вместе с Чижовым они сочиняют «куплеты» для водевиля, которые позже попадают к В. М. Жемчужникову, одному из творцов Козьмы Пруткова. Веселая история отставного гусара занимает со временем достойное место в сочинениях этого «непревзойденного мыслителя».

У Ершова крепкие связи с издателями в России. В центральной печати одно за другим появляются стихи Чижова: «Русская песня», «Воздушная дева», «Гробница». Сказывается и благосклонное отношение к поэту генерал-губернатора и командира Сибирского корпуса князя Петра Дмитриевича Горчакова. В 1839 г. Горчаков переезжает в Омск и берет с собой Чижова. А в следующем году в одном из писем декабрист Иван Иванович Пущин сообщает: «...Чижов произведен в прапорщики и правит должность старшего адъютанта в штабе...»

В 1843 году приходит отставка. Сорокалетний Чижов управляет имением княгини Горчаковой в селе Троицком Орловской губернии. Живет под секретным надзором.

12 апреля 1848 года Чижова не стало. Его похоронили здесь же, в селе Троицком. «Состоящий под надзором земской полиции прапорщик Николай Алексеев Чижов по нахождении его управляющим в имении княжны Горчаковой в селе Троицком, Пушкино тож, 12 числа умер, о чем вашему сиятельству земский суд имеет донести», — сообщает орловскому губернатору исправник земского суда.

*«Свободны вы, как ветер непостоянный,
Как лоно зыбкое морей,
Как мысль, летящая к стране желанной,
Вы чужды участи моей.
Земного раб, окованный страстями,
Подъяв слезящие глаза,
Напрасно я хочу вспорхнуть крылами
И унести под небеса».*

Академик М. В. Нечкина сказала о нем: «Чижов был извлечен из забвения. Прекрасный поэт этой плеяды, как Бестужев, Рылеев. Активный участник восстания 14 декабря 1825 года, он заслужил бы и более подробного освещения».

Жизнь Николая Алексеевича Чижова была совсем недолгой. Молодой, но уже опытный моряк, тонкий лирик, он мог бы стать и гордостью русского флота, и знаменитым поэтом, и ученым-этнографом. Мог бы стать...

Двадцатидвухлетним вышел он на Сенатскую площадь «доброе дело» делать, и самодержавная Россия этого «дела» ему не простила.

Память о Н. А. Чижове увековечена в Николаеве. В 1984 году его именем названа улица в Соляных.

ВЕСЕЛЫЙ СТРАДАЛЕЦ

Пенаты добрые, отчизны берег милый...

В. Ф. РАЕВСКИЙ.

Перезвон колоколов сельской церквушки, что в семи верстах от Водяного, нарушил знойную тишину июльского дня 1843 года. Сорокавосемилетний Николай Лорер венчался с юной Наденькой Изотовой.

«Шаг делаю важный, но обдуманый. С характером кротким Наденьки я буду счастлив — я не сомневаюсь — воспитание ее самое чистое и нравственное», — так писал он о переменах в своей судьбе старым друзьям Нарышкиным. Лорер из тех, кто не успел обзавестись семьей ни до 14 декабря, ни во времена изгнания.

Водяное Херсонской губернии — унылое степное место, в 60 верстах от Николаева. Когда-то называлось оно Громоклеей по имени речушки, и владела им Екатерина Евсеевна Лорер, урожденная княжна Цицианова.

Господский дом каменный, одноэтажный, выкрашенный в желтый цвет и крытый железом, стоял у большой дороги. За домом бил ключ, через который переезжали вброд по большой дороге в Одессу. На сарай, что сутулился неподалеку, перед заходом солнца садились журавли. Один из них поднимал красную лапу и хрипловато, не прерываясь, трещал, вздернув к небу такой же красный нос.

«Самое замечательное... ничем не прерываемая тишина, которая в ней царствовала, особенно, когда в де-

ревушке замолкал лай собак и водворялась синяя, как бархат, теплая почва. Звезды зажигались вокруг с незаметной быстротой. Окна были открыты настежь, воздух неподвижный, казалось, входил в домик, по деревне стлался легкий пушистый запах, вероятно от топлива бурьяном. Крестьяне ужинали, и все погружалось в сон», — писал Николай Лорер.

«Если бы Гоголь стал описывать Грамаклею, не знаю, что бы он мог сказать о ней особого, разве только то, что у въезда в деревушку бил ключ самой холодной и серебристой воды, да что речка, которая протекала около сада, была темная, глубокая и катилась так медленно меж тростника, что казалась неподвижной», — таковы воспоминания Сашеньки Россет, племянницы Лорера, которая провела здесь детские годы.

Грамаклея¹ войдет в историю уже потому, что связаны с нею имена декабриста Николая Лорера и одной из прекраснейших женщин пушкинской эпохи — Александры Осиповны Смирновой-Россет.

Предки отца Лорера были французами, переселившись в Германию, онемечились. Иван Иванович Лорер уже родился в России. Женится на грузинской княжне Екатерине Цициановой. Будучи коллежским советником Вознесенского губернского правления дал описание Одессы, все строения ее указал, торговые связи, да какие народы живут в этом разноязычном городе, и кто чем занимается. Коллежский советник был помещиком бедным — всего 50 душ крепостных да земли 4500 десятин, «а сверх того, в казну незаплаченных податей и долгов частным лицам до 5 тыс. рублей, притом же и имение по неурожайным годам не представляет никакой возможности к уплате сих сумм, кроме разве с потерей самого имения». Таково описание имущественного положения Лореров в донесении Новороссийского генерал-губернатора.

Семнадцатилетним покинул Николай Лорер родные места, а вернулся лишь весной 1842 года. «Моя жизнь будет постоянная на Водяной и очень одинокая и уединенная; многое меня пугает и тревожит насчет будущей жизни моей», — пишет он М. Нарышкину в июле 1843 г.

¹ Ныне совхоз «Червона Украина» Еланецкого района Николаевской области.

Михаил Михайлович Нарышкин — бывший полковник Тарутинского пехотного полка, «северянин», с Лорером находился в далеком родстве. Обоих осудили по четвертому разряду, вместе отбывали каторгу в Читинской тюрьме, в Петровском заводе, в 1837 году отправились рядовыми на Кавказ.

Потекли месяцы и годы размеренной жизни в Водяном. Счастливые и уютные, скучные и тягостные от отсутствия друзей. Он родился веселым, веселым и неунывающим был и в счастливые, и в трагические свои годы. «Он никогда не унывал, — вспоминает декабрист А. Е. Розен, — он был весьма приятный собеседник, богатый запас анекдотов, рассказываемых им мастерски, с примесью слов из языков французского, английского, немецкого, с особенными оборотами, .. заставляли часто смеяться от всего сердца».

В 1813 году Лорер сражался при Дрездене и Кульме, участвовал в битве под Лейпцигом, был среди тех, кто брал Париж. А через несколько лет князь Евгений Петрович Оболенский принял его в члены тайной организации. Закончил службу в чине майора Вятского пехотного полка, командиром которого был Пестель. Арестован в конце 1825 года и отправлен в Петропавловскую крепость с запиской императора: содержать под строжайшим арестом. Затем восемь лет каторги.

...Жаркие деревенские вечера сменяет унылая слякотная зима. «Мы еще в Николаеве, ждем марта месяца, чтобы переехать в деревню, теперь у нас ужасная распутица, и снег, и дождь, и моросит, и тает, что заставляет всех сидеть дома, ждать лучших дней», — пишет Нарышкину. Но вот наступает душное лето, и вновь он бродит по окраине села, прислушивается: не нарушает ли спящую тишину стук колес? Не покажется ли экипаж с долгожданным гостем?

Удивительно! Сонная Грамакля умеет все-таки навевать неизгладимые впечатления, и тем, у кого протекало здесь детство, западать в душу на всю жизнь. «Я уверена, что настроение души, склад ума, наклонности... зависят от первых детских впечатлений: я никогда не любила сад, а любила поле, не любила салон, а любила уютную комнатку, где незатейливо говорят то, что думают», — писала Сашенька Россет.

Александра Осиповна Смирнова-Россет! Какие доб-

рые, восхитительные чувства вызывает в его душе это имя, имя его племянницы.

Отец ее — Осип Жозеф де Россет оказался на юге России вместе с Ланжероном и дюком Ришелье. Ришелье был давним родственником Россета и стал крестным отцом новорожденной Александры. Женат Россет был на Надежде Лорер — сестре декабриста. Имя отца Александры можно найти в списках Георгиевского зала в Кремле: он был удостоен почетного ордена по представлению самого Суворова после штурма Измаила. Служил он также при штабе Потемкина, командовал яхтой, бомбардирским катером, участвовал во многих сражениях на море и Дунае под началом генерал-майора Дерибаса и адмирала Мордвинова. Закончил карьеру в мирной должности инспектора одесского портового карантинного поста, борясь с эпидемией, умер от чумы вскоре после рождения дочери.

После смерти отца мать вторично вышла замуж, а Сашеньку отдали на воспитание бабушке — Екатерине Евсеевне Цициановой, владелице Грамаклеи. Сашенька Россет станет одной из удивительных женщин своей эпохи. Хороша собой, умна, высокообразованна, она увлекалась искусством, литературой, философией. Фрейлина императрицы, она была другом декабристов, Жуковского, Вяземского, Гоголя, Лермонтова, Аксакова. Долгие годы связывали ее с Пушкиным. Блистательная придворная дама и добрый гений государственного преступника... Именно она вызволила Лорера из Мертвого Култука, при воспоминании о котором на него вновь накатывается чувство цепенеющей тоски...

В 1832 году он выходит на поселение, генерал-губернатор Восточной Сибири М. В. Лавинский бросил жребий между ними — кого куда отправлять. Для Лорера эта игра закончилась печально.

— Нехорошее место вам досталось, — с сочувствием вздохнул генерал-губернатор. — Мертвый Култук, за Байкалом, там живут одни тунгусы и самоеды, и ежели вы найдете рубленую избу, то можете считать себя счастливым. Зато природа красивая. Не отчаивайтесь.

Нарышкины снабдили его книгами, сам кое-что закупил и тронулся в путь. Забытый богом кусок земли, ни на одной карте Азии его не отыщешь — Мертвый

Култук... Хозяин, у которого он поселился, прожил здесь сорок лет, и основным занятием его было — ловить в лесу соболей. При мысли о том, что наступит пора охоты, и он останется один, в этой могиле, и лишь варнаки, эти беглые каторжники, могут наведаться в его ветхую избушку, кровь стыла в жилах.

Произошло чудо: в Мертвый Култук прискакал фельдъегерь с посланием к ссыльному поселенцу: «Дорогой Н... Прнезжайте как можно скорее, мы будем спокойно жить в Кургане (Тобольской губ.) на 4000 верст ближе к нашему отечеству!» — звала Елизавета Петровна Нарышкина. Кому обязан он такой милостью? Конечно же ей, своей очаровательной племяннице. По просьбе фрейлины Россет царь разрешил поселить ее дядю вместе с Нарышкными.

...Ужасно угнетало безденежье. Никогда он не был богат, а после ссылки в Сибирь все состояние перешло к брату. Ротмистр Дмитрий Иванович Лорер большой добротой и состраданнем особым не отличался. Кое-как поддерживал опального брата в Сибири. По возвращении встреча братьев была трогательной. С восторгом прижимал к груди старший брат младшего. И опять помогал орудно.

Николай писал Нарышкину: «Он (Д. И. Лорер) человек благородный, добрый, но самоуправный и тяжел в семейной жизни. К несчастью он меня не понял, во мнениях мы с ним несходны, но он видит во мне не брата и друга, а бедного родственника. Благодаря моему тихому и спокойному характеру я переношу все невзгоды и утешаю Наденьку. Брат мой дает мне на содержание 1500 рублей ассигнациями в год, кроме стола и квартиры. Конечно, сумма так ничтожна, что я не только прежние долги не уплатил, но с прибавлением семейства сделал новые и довольно значительные, судя по моим средствам, болезнь жены умножила долги, а доход все один и тот же».

В 1849 году, летом свалилось горе: умерла 29-летняя жена Наденька. Сестра Вера Ивановна Мазараки увезла к себе троих сирот, и подступило безысходное, глухое одиночество. Он взялся за перо. Это стало его спасением, вторым его дыханием, словно проснулся в нем молодой Лорер. Со страниц его записей повеяло молодостью и удалью прежних лет. Он писал воспоми-

нания участника заграничного похода, о невероятных его приключениях, об удали русских гренадеров, о падении Парижа, по-лореровски весело, с прежним юмором. Потом он откладывал перо, в окна моросил дождь, и унылый вид Водяного заслонял чудесную картину былых времен. С новой силой охватывала тоска по друзьям и детям. «Троих сирот моих я перевез к себе... Теперь они при мне, и я неразлучен с ними».

Однажды звон бубенцов разбудил Водяное, и Лорер крепко прижал к груди Левушку Пушкина, с которым крепко сдружился на Кавказе. Он был удивительно похож на брата, хотя и блондин, но локоны были те же, пушкинские.

«Лев Пушкин — один из приятнейших собеседников, с отличным сердцем и высокого благородства. В душе поэт, а в жизни страшный. Много написал он хороших стихотворений, но из скромности ничего не напечатал, не дерзая стоять на лестнице поэтов ниже своего брата... Пушкин имел много странностей, но все они как-то шли к нему... он был самым беспечным, милый человек...» — напишет Лорер.

Они вспоминали Кавказ и свою службу. Пушкин служил адъютантом у генерала Н. Н. Раевского. Лорера сослали рядовым в Тенгинский пехотный полк — из Сибири вырвала его все та же Смирнова-Россет.

По мнению императора Николая Теигинский полк, как никакой другой на Кавказе, умел выветривать крамольные мысли из сумасбродных голов.

«Пойду воевать с бедными горцами, которые мне ничего не сделали и против которых я ничего не имею». Вскоре был произведен в унтер-офицеры, через год — в прапорщики.

Четыре года на Кавказе богаты на знакомства и дружбу с людьми любопытными и известными. Сблизился с генералом Раевским, Львом Пушкиным, поэтом Одоевским, с прославленным генералом Ипполитом Александровичем Вревским.

А однажды явился к Лореру молодой человек в мундире офицера Тенгинского полка, переведенный недавно из Лейбгусарского полка.

— Поручик Лермонтов, — и вручил Лореру письмо от Смирновой-Россет и книжку.

Фамилия поручика ничего Лореру не говорила, со-

чинений его в ту пору он еще не читал. Лермонтов казался чрезмерно холодным и желчным. Они распрощались вежливо, но без обоюдного тепла. И позднее мягкий, добродушный Лорер чувствовал какую-то неловкость рядом с этим казавшимся гордым, скучающим от всего окружающего офицером. Общего языка они так и не найдут.

Декабристы-кавказцы не понимали гордого индивидуализма Лермонтова, а он в ответ на это непонимание прятал истинную свою природу за желчной холодностью.

15 июня 1841 года Россия потеряла Лермонтова. За гробом шли офицеры Тенгинского полка, среди которых был и Николай Лорер. «Отечество наше лишилось славного поэта, который мог бы заменить нам покойного А. С. Пушкина, который также, как и Грибоедов, и Бестужев, и Одоевский все умерли в цветущих летах, полные душевных сил, и не своею смертью», — запишет Лорер на старости лет.

Отставка, как и многое в его жизни, свалилась неожиданно. Племянница пересылает ему записку от генерал-адъютанта Клейнмихеля: «Спешу поздравить А. О. Смирнову. Сегодня подписана государем отставка дядюшки вашего Н. И. Лорера по болезни».

«Отставка моя довольно оригинальна тем, что по исчислении моих подвигов на Кавказе как рядового начальство не поместило моей военной службы до ссылки в Сибирь, и в графе о происхождении прописало: «Из государственных преступников» и запретило въезд в обе столицы, подчинив меня надзору местной полиции. И тут еще не полное прощение, не полная свобода».

17 апреля 1842 года отставной прапорщик Тенгинского полка Николай Лорер, пожав руки друзьям, выехал в Херсон. Его принимает гражданский губернатор Владимир Иванович Пестель. Через двадцать лет жизнь его снова сталкивает с Пестелем! Но какова же пропасть между братьями: «На второй день после казни старшего брата — Павла, младший был назначен флигель-адъютантом».

«Таким образом, и на своем родном пепелище я не нашел той свободы, о которой мечтал так детски всю мою жизнь, да вряд ли она есть где-нибудь».

...И вот оно, родное пепелище. Кусты разрослись в

деревья, поумирали старые слуги, из шести сестер — в живых одна. На могиле матери он горько плакал, «о потерянных счастливых днях своей юности». Съездил в Одессу, чтоб сменить мундир на гражданское платье.

Так и потекли годы в Водяном. «...Покоряюсь без ропота моему трудному положению. Еще должен сказать, что с нынешнего года мое крепкое здоровье начинает мне изменять, я чувствую приближение недугов... Этот год я поседел и чувствую, что физика моя заметно разрушается», — пишет он Нарышкину в 1849 году. Впрочем, обещает не унывать и даже на будущую зиму приехать: «Клянусь, я помолодею и берусь рассмешить Елизавету Петровну своими рассказами и своим воображением».

Начало пятидесятых — полоса покоя, светлой радости, толком необъяснимой, и неожиданных удач. В конце 1851 года брат Дмитрий Иванович, отставной ротмистр Ордынского кирасирского полка, соблаговолит написать духовное завещание, по которому имение его после смерти перейдет в потомственное владение брату Николаю. Через год его освобождают от полицейского надзора, разрешают приезжать в Москву, а через четыре года — в Петербург.

А он не писать уже не может. Стол завален рукописями: стихи, рассказы, очерки. Зимой 1862 года садится за мемуары. Работает быстро и легко. Порой с присущей ему иронией, а то и озорством, порой с болью пишет он о давно минувшем и пережитом. И встает со страниц мемуаров дворянская Россия, идут в заграничные походы русские армии, мечтают офицеры-гвардейцы видеть Отечество счастливым. «Записки» Лорера отличаются живостью изложения, в котором проступают черты увлекательной устной манеры и являются истинным кладом для исследователей. Лорер пишет о деятельности Южного общества, ибо сам был одним из активнейших его членов, дает характеристику Пестелю и другим «заговорщикам». А потом Сибирь — тюрьмы, остроги и высший декабристский дух, держащий все испытания.

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина хранится «Альбом, подаренный Александре Алексеевне (списки и выписки стихотворений, писем декабристов, своих воспоминаний и др. ма-

териалов 1827—1860 гг.) рукою Н. И. Лорера». Александра Алексеевна — дочь Алексея Васильевича Капниста, бывшего гвардейца-измайловца, отсидевшего три месяца по делу декабристов. Лорер часто навещал Капнистов в их имении Обуховке Полтавской губернии.

В альбоме Лорер скопировал и некоторые из произведений своих товарищей, в том числе рассказ Н. Бестужева «Похороны», который и стал известен благодаря Лореру.

Летом 1867 года он дописывает последние строки «Записки декабриста» завершаются стихами:

*«Конец. Все, что знал, все, что любил,
Я невозвратно схоронил,
И в области веселой дня
Ничто уж не живет меня.
Без места на пиру земном,
Я только лишний гость на нем.»*

Сельцо Водяная, августа 5-го 1867 г.»

Жизнь приближалась к закату. В мае 1873 года 78-летний Николай Иванович Лорер скончался.

«Я не был ни якобинцем, ни республиканцем, — это не в моем характере. Но с самой юности я ненавидел все строгие насильственные меры!».

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

ПОДЖИО И. В.

1. Восстание декабристов, т. XII, М., 1969.
2. Сергеев М. Верстами не измерить, Советская культура, 05.02.1982.
3. Семевский В. Н. Иосиф Викторович Поджио, Галерея шлиссельбургских узников, ч. I, СПб, 1907.
4. Эпизод 1827 года в имени Поджио, Юбилейный сборник памяти академика Д. И. Багалая, Киев, 1927, ч. I.
5. Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи, М., 1901.
6. Волконская М. Н. Записки, Л., 1924.
7. Музей А. С. Пушкина и П. И. Чайковского в Каменке, Киев, 1986.
8. Добринская, Тайна Иосифа Поджио, Смена, декабрь 1975.
9. Павлова Л. Декабристы — участники войны 1805—1814 гг., М., 1979.
10. Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании, М., Наука, 1986.
11. Скальковский А. Первое тридцатилетие города Одессы, Одесса, 1837.
12. Шкалиберда М. А. Ната-вальс, газета «Трудовая слава», 01.04.1978, Каменка, Черкасской области.
13. Декабристы на поселении, М., 1926.
14. Записки А. В. Поджио, Мемуары декабристов, Южное общество, МГУ, 1982.

15. Старая Одесса. Исторические очерки и воспоминания, Одесса, 1903.

16. ЦГА ВМФ СССР, ф. 326, оп. 2, д. 986 и 1120 («Поджиевский дом» на карте г. Николаева 1841 г.).

17. ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 27, д. 3922 (Метрические свидетельства о рождении И. В. и А. В. Поджио).

ПОДЖИО А. В.

1. Восстание декабристов, т. XI, Госполитиздат 1954.

2. Декабристы на поселении, М., 1926, с. 53—54.

3. Эйдельман Н. Я. Обреченный отряд, М., Советский писатель, 1987, с. 121.

4. Междуцарствие 1825 и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи, М., 1926, с. 100.

5. Записки Поджио А. В. Мемуары декабристов. Южное общество, МГУ, 1982.

6. Декабристы в Забайкалье, Чита, 1925, с. 26.

7. Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи, М., 1901.

8. Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951.

9. Гессен А. Во глубине сибирских руд, Минск, 1978.

10. Герцен А. И. ПСС, т. XXVIII, с. 8.

11. Вентури Ф. Движение декабристов и братья Поджио, 1956.

12. Лорер Н. И. Записки декабриста, Иркутск, 1984.

13. Нечкина М. В. Декабристы, М., Наука, 1982.

14. Матханова Н. П. Декабрист А. В. Поджио и его воспитанники братья Белоголовые, Сибирь и декабристы, Иркутск, 1978.

15. Эйдельман Н. Я. Лунин, М., Молодая гвардия, 1970.

ЧИЖОВ Н. А.

1. Общий морской список, ч. III, Царствование Екатерины II, с. 117—119.

2. Восстание декабристов. Документы, т. XV, Дела Верховного Уголовного суда и следственной комиссии под ред. М. В. Нечкиной, М., Наука, 1979, с. 280—285.

3. Чижов Н. Сын отечества, № 4, 1823.

4. Чижов Н. Сын отечества, № 12, 1823, «Путешествия», «Одесский сад», отрывок из воспоминаний о Черном море.

5. Восстание декабристов. Материалы, Алфавит декабристов, Л., Централархив, 1925, с. 204, 420.

6. Гастфрейд Н. А. Декабристы во флоте. Всемирный вестник, 1903, с. 299—332.

7. Кубалов Б. Г. Декабристы в Восточной Сибири. Очерки, издание Иркутского губернского архивбюро, 1925.

8. Омский альманах, кн. 5-я, Омск, 1945.

9. Бакай Н. О литературных занятиях в Восточной Сибири. Сибирские огни, № 3, июль 1922, с. 60—65.

10. Герцен А. О развитии революционных идей в России, гл. V, Литература и общественная мысль после 14.12.1825.

11. Декабристы. Поэзия, т. I, составитель В. Орлов, Л., ХЛ.

ЛОРЕР Н. И.

1. Лорер Н. И. Записки декабриста, Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984.

2. Друзья Пушкина, переписка, воспоминания, дневники, т. 2, М., Правда, 1984, с. 520.

3. Розен А. Е. Записки декабриста, Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984, с. 301.

4. И образ незабвенный, М., Советская Россия, 1974.

5. Марченко А. М. С подорожной по казенной надобности. Лермонтов. Роман в документах и письмах, М., Книга, 1984, с. 262, 315.

6. Зильберштейн И. С. Художник-декабрист Николай Бестужев, М., издательство изобразительного искусства, 1977, с. 188—189.

7. Рассказ Н. Бестужева «Похороны». Публикация и вступительная статья И. С. Зильберштейна. Литературное наследство, т. 60, кн. II, АН СССР, М., 1956, с. 171—190.

8. Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., Книга, 1976.

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ

es

ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ГЕ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СТОЛЕТНЕГО
СУЩЕСТВОВАНИЯ ГОРОДА НИКОЛАЕВА
ПРИ УСТЬЕ ИНГУЛА

ВИДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
НИКОЛАЕВА

В дореволюционной истории нашего города не было более видного культурного и общественного деятеля, чем Григорий Николаевич Ге. Вся его жизнь после переезда в Николаев с сентября 1879 года и по самую смерть 1 ноября 1911 года (даты по старому стилю) была посвящена бескорыстному служению интересам города. Деятельность его личности удивительно разнообразна и во всем талантлива (1, 2, 3). В молодости он был первоклассным кавалеристом. Рисовал с детства и вслед за своим младшим братом Н. Н. Ге, впоследствии известный художник-передвижник, готовился поступать в Академию Художеств (3а). Помешала смерть отца, пришлось вступить в управление его владением. Задолго до реформы он освободил своих крестьян и 10 лет, по его словам, «чрезвычайно счастливейшей жизни» всего себя посвятил делу реформы 1861 года. В 1865 году, продав наследное поместье, Ге переехал в Херсон, где служил чиновником в Акцизном управлении. Здесь, «томясь у несродного дела», он занялся общественной деятельностью. Организовал общественную библиотеку, писал пьесы, на страницах газет выступал как журналист и театральный критик. С 1874 года часто наезжает в наш город и через газету «Николаевский вестник» принимает участие в общественной жизни. В 1879 году (4), выстроив свой дом, ныне ул. Наваринская № 25 (5, 6), переехал в Николаев. Вот как он объяснял причины переезда: «Я жаждал возвратиться к самостоятельной общественной жизни. Только в таком самопосвящении интересам общества я признавал удовлетворение своей духовной потребно-

сти. Между тем накопилось у меня жизни на глазах николаевского общества 6 лет. Я мог уже рассчитывать здесь на успех своей кандидатуры в гласные» (7). В 1880 году его избирают гласным Николаевской городской Думы на первый (5), а в 1884 — на второй срок. Городская буржуазия и купечество превратили Думу в свою вотчину. Объединив вокруг себя городскую интеллигенцию, Ге повел с ними борьбу, подробно освещенную «Николаевским вестником». Он действовал личным примером. В городе не было приличной бани и Ге, терпя убытки, открыл в своем доме бани с лечебными грязями (8). Видя, что в Думе тайное голосование проходит с подлогом, Ге разрабатывает баллотировочный ящик с автоматическим подсчетом голосов, получает на свое изобретение привилегию и впервые в России внедряет его в Думе (9). Город утопал в грязи, а купцы на протяжении многих лет жалели денег на заможность улиц, и тогда Григорий Николаевич предложил Думе ввести полукопеечный сбор с каждого пуда ввозимых в город товаров. Вокруг предложения развернулась ожесточенная борьба, о которой Ге писал: «...сплетня, ложь, брань, клевета, подлог, револьвер — даже вот это все было испробовано против меня. Однако и перед этим не уступил, вел борьбу до конца, пока не выяснилась верность моих расчетов. Город получил свое и будет долго еще пользоваться достигнутой экономией» (7).

По инициативе Г. Н. Ге в 1881 году организована общественная библиотека, ныне областная научная библиотека им. А. М. Гмырева (8). Газеты «Николаевский вестник» и «Южанин» буквально переполнены театральными рецензиями, обзорами художественных выставок, фельетонами, выступлениями в Думе и просто публицистическими статьями Г. Н. Ге по актуальным для города вопросам. Острота критики и талантливость суждений, изящество стиля и высокая эрудиция выказывают авторство Ге даже в статьях, подписанных псевдонимами. К этому следует добавить еще и обширную просветительскую деятельность, в которой практически не было перерывов.

За свои прогрессивные взгляды Г. Н. Ге числился в картотеке губернской жандармерии человеком «крайне

вредного в политическом отношении направления». В 1883 году была арестована младшая из его 4-х дочерей Зоя и посажена в Петропавловскую крепость за участие в народовольческих кружках Николаева и Одессы, распространение революционных изданий и укрывательство Веры Фигнер. В доме Ге по улице Наваринской, 25 перебивали многие народовольцы, безусловно, наличие во дворе дома бани общего пользования облегчало визиты. Хлопотать об освобождении дочери при своей репутации Григорий Николаевич конечно не мог — за дело принялся его брат Н. Н. Ге. При содействии Л. Н. Толстого Зоя Григорьевна была освобождена и в 1884 году выслана на хутор к Н. Н. Ге под гласный надзор полиции (10).

Активная позиция Ге в Думе встретила мощное сопротивление со стороны имущих классов. В 1887 году при чествовании 50-летия со дня гибели Пушкина Ге сделал «пространный доклад собственного сочинения» и предложил установить бюст поэта перед Пушкинской школой, ныне дом ул. Розы Люксембург № 71, а также учредить Пушкинскую премию Николаевской городской Думы за лучшую пьесу о мещанстве. Нечего говорить — второе предложение Думой было провалено. Через месяц была забаллотирована его кандидатура и на пост секретаря Думы. Оппозиция победила и 19 мая 1887 года в газете «Южанин» Г. Н. Ге выступил с обширным открытым письмом к своим избирателям, в котором объявил о досрочном выходе из Думы и объяснил причины своего решения. Невозможно без восхищения читать эту разоблачающую исповедь борца за социальную справедливость, выше приводились цитаты из этого письма. В заключении письма говорится: «Совсем смущенный схожу я с поприща общественной деятельности, к которой тянуло меня всю жизнь. Но я все-таки не сдаюсь врагам русского общества. Поэтому, прощаясь, взываю к тем из вас, господа, которые тоже не дают себе разменяться на служение только личным своим интересам. Я взываю к понимающим, что общие интересы есть наши первейшие, что без удовлетворения общих, личные есть непременно призрачные...» (7).

15 июня 1887 года Ге продал за бесценок свой дом на Наваринской, 25 и выехал в Петербург. Но автори-

тет его в городе, как общественного деятеля, был велик. На следующий день 93 избирателя через газету выразили публичное сожаление по этому поводу и заверили Ге, что начатое им дело будет продолжено. В конце 1888 г. освободилось место секретаря в Думе и Г. Н. Ге заочно был избран на эту должность, после чего избирался еще четыре раза. В Николаеве вернулся с радостью и поселился в доме, ныне ул. Шевченко, 44. До конца жизни Ге уже не имел собственного дома в городе и только снимал квартиры. В 1899 году числился в доме по нынешней ул. Шевченко, 42, а в 1902 — по Наваринской, 4. Последний адрес по Инженерной, 1 уже известен, но так до сих пор и не отмечен мемориальной доской (2, 3).

В творческом отношении 90-е годы были особенно плодотворными для Ге. В Петербурге он написал объемный роман «Софья Малич», в котором описал жизнь молодой революционерки, вероятно прообразом послужила Вера Фигнер. В Николаеве Ге вместе с С. Соколовским разработал и издал в Одессе карту-диаграмму «Течение всемирной истории», в которой проследил трансформацию наций и народов с отметкой выдающихся личностей за 5500 лет развития человечества. В 1890 году в Николаеве издана его книга «Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула», которую трудно переоценить, ибо написана она на архивном материале, который большей частью погиб, а то, что осталось, говорит об исключительной добросовестности Г. Н. Ге, как историка. Театр был наибольшей страстью этого увлеченного человека. Им написаны пьесы «Каникулы», «Кухня ведьмы» и множество театральных рецензий. В 1890 году в Николаеве вышла малым тиражом небольшая книжка «О драматическом искусстве». В ней на основе многочисленных зарубежных и отечественных источников разработаны основы теории сценического реализма и это, по меньшей мере, за 15 лет до создания Станиславским своей знаменитой системы! (11). Книга представляет собой запись лекций, читанных им при создании Николаевского Артистического кружка, председателем распорядительного комитета которого он был много лет. Кружком проведено в Николаеве множество литературно-музыкальных

вечеров, выставок художественных произведений, театральных представлений. Любовь к театру Ге заразил и своего единственного сына Григория. По окончании гимназии в Николаеве, он направился было к И. Е. Репину для обучения живописи, но тот, заметив в нем недоженный талант артиста, посоветовал идти в театр. С благословения Репина Г. Г. Ге, уже в советское время, стал заслуженным артистом.

До конца дней своих Григорий Николаевич находился в гуще общественной жизни, был агентом общества русских драматических писателей и оперных композиторов, членом комитета народных чтений и учредительного совета общественной библиотеки (13, 14). В последний путь его провожал чуть ли не весь город. Он был ярким представителем своей эпохи — эпохи совети. Его жизнь является подлинным примером честного и преданного служения общественным интересам, интересам родного города. Безусловно, память о Г. Н. Ге должна быть увековечена в Николаеве. Прежде всего нужно сохранить для потомков единственный собственный дом его по ул. Наваринской, 25. Дом находится в настоящее время под угрозой сноса!

Не так уж много осталось памятных домов в нашем городе. Нужно установить мемориальную доску и организовать в нем музей общественного движения или театрального искусства, а со временем и мемориальный музей Г. Н. Ге. Необходимо уже сегодня начать собирать его обширное творческое наследие с тем, чтобы Григорий Николаевич, вслед за своим братом, занял должное место в истории культуры нашей страны. Совершенно недопустимо, чтобы провинциальное действие таланта было эквивалентно небытию. Нужно восстановить памятник Ге на старом кладбище и подумать об установлении памятника в городе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Топоров А. Летописец города Николаева, «Южная правда», 2 дек., 1961.
2. Топоров А. Первый летописец Николаева, «Южная правда», 5 апр., 1972.
3. Чунихин В. Особняк на Инженерной, «Южная правда», 6 марта, 1977.
- За. Ге Г. Воспоминания о Н. Н. Ге, как материал для его биографии, журнал «Артист», ноябрь 1894 г., № 43, кн. 11—12.
4. Николаевский обл. гос. архив, ф. 222, оп. 1, № 1713.
5. Календарь и справочная книжка города Николаева на 1882 год.
6. Николаевский обл. гос. архив, ф. Р-985, оп. 1, № 973, л. 33.
7. Газета «Южанин», № 105, 19 мая 1887.
8. Николаевский календарь и справочная книжка на 1892 год. Н., 1891.
9. Николаевский обл. гос. архив, ф. 216, оп. 1, № 1965, л. 4
10. Стасов В. В., Ге Н. Н. Его жизнь, произведения и переписка. М., 1904.
11. Ге Г. Н. О драматическом искусстве. Николаев, 1890.
12. Ге Н. Н. Письма статьи. Критика Воспоминания современников. М., 1978.
13. Адрес-календарь и справочная книжка гор. Николаева на 1900 год.
14. Адрес-календарь и справочная книжка гор. Николаева на 1902 год.

ВВЕДЕНИЕ

Город Николаев явился одним из множества последствий того исторического дела, которое начали вести восточные славяне, живя еще врозь, и которое, по соединении их политического существования в одно могущественное государство, пошло у них ходчее. Это вытеснение азиатцев с исконных славянских земель (1) в наши дни доведено почти уже до конца, а в прошлом веке, представляя еще только раздвигание южной границы России, завершилось Ставучанской победой. По Белградскому миру, в 1740 году наша граница между Бугом и Днепром определилась следующей вогнутой линией. Начавшись от Буга, — верст 40 ниже Ольги, ставшей у нас Голтой, — дуга пересекла реки: Мертвовод (верстах в 30 выше теперешняго Вознесенска), Грэмоклейку, Ингул, (близ теперешняго села Привольнаго), Висунь и Ингулец (у Белаго Брода, теперь — Давидов) и кончилась эта дуга у Днепра в том месте, где теперь Бизюков монастырь, значит верст 30 выше Берислава. На новой границе тотчас же было построено 14 укреплений. От бугского конца она продолжалась на северо-запад самым Бугом до реки Синюхи, за которую была уже Уманская козацщина, принадлежавшая Польше¹⁾.

Прибужье в то время не представляло глухой степи, как думают многие. Напротив, этот край был довольно густо заселен татарами (2), считавшимися под властью Турции. Оно и естественно. Россия, подвигая свою границу вперед, этим самым сгущала за ней татарское население.

¹⁾ Описание границы сделано по карте того времени. Ея заглавие на языках польском, французском и турецком представляет следующее: «Границы Польши от Балты до реки Синя-Вода, обнимающая территорию Козаков Уманских и Запорожских; стены Татар Очаковских, Бессарабских, и Ногайских с их Ордами, какия находились в конце 1767 г. под властью Хана Крымскаго. Кроме того, здесь обозначены течения Буга и Днепра, а также Борисфена от его порогов до его владения в Черное море». Надписи на этой карте польская и турецкая. Место издания не показано. Гравировка прекрасная. Эта библиографическая редкость принадлежит А. И. Косякову.

Рассматривая карту того времени и вчитываясь в названия татарских поселений, убеждаемся, что между ними очень много было южнорусских, не говоря уже о таких, как Воскресенск, Арбузино, Костовата, Андриевка и т. п. Между татарскими названиями попадаются очевидно персводные с южно-русских. И на оборот, в некоторых из теперешних наших названий узнаем татарския, которыя мы переименовали по своему: Каранья-Кир стал Коренихой; Киль-борн стал Кинь-бурном и т. д. Одним словом, край при низовьях Буга, Ингула, Ингульца и Днепра в прошлом столетии был довольно густо населен крымскими татарами (3), среди которых были и турки (4), а также поселки выходцев из польской Руси. Северная же часть этой степи, называвшаяся уже Новою Русью и уже принадлежавшая России, была очень пустынна, так как на место вытесненной азиатчины еще не прибывало новых поселенцев. Эти раздольныя местности позади укрепленной границы занимали тогда только запорожцы, еще гнездившиеся на своем Днепре. То были степи: Днепровская, Ингульская, Бужская и (у Синюхи) Степь Мертвых.

Вот положение, в каком находился в 1740 году теперешний наш привиколаевский край. Затем, в царствование Елизаветы Петровны, у верховьев Ингула, была построена крепость, названная по имени Царицы, ставшая потом Елисаветградом; пустынная степь начала заселяться, — преимущественно выходцами: сербами, хорватами, болгарамн, молдаванами. А когда наступило блестящее царствование Екатерины II, то движение нашего исторического дела возобновилось. И первая же екатерининская война с Турцией явила еще неслыханную, поразительную мощь России. Заключенный в 74 году Кучук-Кайнарджинский мир смутил, сильно встревожил Австрию. Однако наша граница такн подвинулась днепровским концом вперед и вся легла по течению Буга до лимана. Азиатство ушло за Буг. Оставшиеся на левом берегу русские поселки представили уже очень редкие оазисы среди этой степи. Правительство Царицы спешило обселить приобретенный край. А молва о силе и славе русской державы, разгромившей Турцию, громким гулом расходилась во все стороны. В Польше тогда переживалось очень

смутное время. «Первый раздел» ее уже был совершен и в ее Руси, среди низших классов населения, явилось движение в эмиграцию. Целая волна мещан и сельчан хлынула в опустелое прибужье, где эти люди надеялись получить от сильной русской власти обезпечение желанному спокойному житию. Сохранившееся распоряжение новороссийского губернатора Муромцева (от 11 июня 1776 года)¹⁾ показывает, что местность теперешняго Николаева в то время представляла именно ту, которую хотели поскорее заселить. Сюда-то направлял Муромцев выходцев из польской Руси. Между ними были и евреи. О принятии их ходатайствовал балтокий кагал. Муромцев не отказывал их просьбам, но при этом требовал, чтобы поселяющийся еврей привел с собой пять христиан. Можно сказать с уверенностью, что между выходцами из Польши много было католиков. Объясняется это тем соображением, что происходившее тогда в Польше порождало именно для этих католиков тягость обязательных для них проявлений польскаго патриотизма, котораго у мещан Руси, хотя бы и католиков, не могло быть много, так как они в сущности были людьми русскими, да и дело спасения распадавшагося государства считалось у них делом дворянским. Что же касается выходцев православнаго вероисповедания, то это были сплошь земледельцы и потому они сажались у Ингула и Буга особыми поселками и хуторами.

И так, вскоре после Кучук-Кайнарджинскаго мира началось образовываться разнородное поселение на теперешнем николаевском полуострове. К нему стали прибывать люди и из Великой Руси. Между этими поселенцами были разные сектанты.

Но вот открылся поход русских войск в Крым, который в силу Кучук-Кайнарджинскаго мира уже не зависел от Турции. Военныя и политическяя действия Потемкина в этом походе завершились в 83 году присоединением Крыма к России, что породило удаление в Азию уже целой массы татар. А еще четыре года спустя, князь Потемкин Таврический уже опять вел войну с самой Турцией. Разбив неприятеля за Бугом, Потемкин осадил крепость Очаков. Осада эта затяну-

¹⁾ Архив Екатер. губ правл. и журн. «Восход» за 1887 г.

лась. Необходимо было придать армии содействие флотилии. Судостроение кипело в Александр-Шапце, преобразованном в крепость, верфь и город Херсон (5), по местность этой верфи оказывалась совсем не сподручной. Деятельный подчиненный Потемкина, ставший уже его правой рукой, Фалеев, нашел для верфи несравненно лучшее место (6): при устье Ингула. Потемкин-же, осмотрев это место, пришел в восхищение. И у него вдруг создался проект постройки именно здесь, а не в излюбленном Херсоне, — грандиозного адмиралтейства со всевозможными мастерскими, фабриками и заводами. От Херсона, на который уже были затрачены громадные суммы, Потемкин стал отворачиваться. Здесь, у устья Ингула, решил он свить гнездо будущего русского Черноморского флота. Взять Очаков ему не удавалось. Но он глубоко был убежден, что уже никакие Очаковы не остановят исторического русского дела; что оно уже направляется к самому Константинополю. И Потемкин все, что только видел кругом у устья Ингула, все это велел приписать к проектированному им адмиралтейству. А вместе с тем он требовал образования здесь новых поселений. Здесь все должно было работать в адмиралтействе и на его фабриках, а также вести и полевое хозяйство для прокормления себя и матросов. Село Витольд-Гаммани¹⁾, прозванное нашими сейчас-же Витовкою, Потемкин наметил для постройки в нем госпиталя, разведения аптекарского сада и учреждения «училища практического земледелия», поручив это дело профессору Ливанову (7). Отдаваясь засветившейся идее создания могущественной морской силы России у Константинополя и Кавказа, но видя кругом голые степи, Потемкин распорядился, чтобы каждое поселение разводило у себя лес и чтобы даже производились засеваы желудей, ради приготовления хоть для будущего времени дубового матерьяла. Энергичский Фалеев старался не только выполнять по мере возможности желания Потемкина, но и предупреждать, предвосхищать их. А потому верфь на Ингуле стала развиваться в довольно серьезное поселение (8). На другой же год по взятии Очакова, кн. Потемкин из лагеря при Новых Дубоссарах прислал Фа-

¹⁾ Литовский князь Витольд (Витовт) в 1299 г. занял земли у Буга. Гаммани по-татарски значит бани

леёву следующий «ордер» от 27 Августа 1789 года: «Фаброву дачу именовать Спасск, а Витовку — Бого-явленск, нововоздвигаемую верфь на Ингуле — город Николаев». Если взять во внимание, что Очаков был взят 6 декабря, в праздник св. Николая, и что «нововоздвигавшаяся верфь» понималась Потемкиным, как гнездо будущего Черноморского флота, то наименование этого нового города Николаевом станет понятно (9).

Но как не был могущественен кн. Потемкин, он не мог в этом деле обойтись без санкции Императрицы. В Новороссийском крае все города основывались не иначе, как по Высочайшим повелениям. А потому, по всему вероятно, кн. Потемкин в ближайшую затем бытность свою в столице докладывал Императрице о своем распоряжении касательно верфи на Ингуле. А так как это распоряжение не было отменено, то надо понимать, что Императрица утвердила его. Указа об этом в полном собрании законов нет. В Николаеве ни в городском, ни в портовом архиве не находится такой ссылки на указ об этом, из которой можно было-бы узнать, когда именно он состоялся. Возможно допустить, что в то время, при множестве чрезвычайно важных дел, возникших из одновременного ведения двух войн: шведской и турецкой, произошло упущение по выполнению формальной стороны Высочайшего повеления. В литературе этого вопроса мы встречаем упоминания о том, что Высочайшее повеление о наименовании нового города Николаевом последовало в 1790 году.

А в архивных делах находим еще лучший документ, опять-таки ордер кн. Потемкина Фалееву от 24 октября 1790 года, в котором читаем следующее: «Желая вас вывести из штатского чина, представил вас в оберштерн-кригс-комиссары адмиралтейские, на что последовала Высочайшая резолюция. О Николаеве утверждено, как об адмиралтействе, так и о верфи. Теперь к строениям приступлено с основанием¹⁾. Если же Фалеев, имея постоянныя и прямыя сношения с кн. Потемкиным, в первый раз узнал от него в октябре 1790 года о том, что уже «о Николаеве утверждено», то можно с уверенностью сказать, что не в 1789 году Им-

¹⁾ Порт арх

ператрица дала свою санкцию распоряжению касательно основания города Николаева, а в 1790 году. К тому же война держала кн. Потемкина при армии до самой зимы и в Петербурге он был в 1790 году, откуда и писал Фалееву о Николаеве.

Что же касается месяца, в котором началась жизнь города Николаева, то в разрешении этого вопроса мы уже не в состоянии держаться того же самого принципа, — монаршей санкции (10). Тут приходится опереться на другой, а именно: Николаев — гнездо Черноморского флота. Это его значение оставалось за ним в течение всего столетия. Если и не отменится перенесение гнезда в Севастополь, то все же перенесение еще не состоялось. Следовательно в столетней жизни Николаева дело спуска в нем на воду первого военного корабля должно считаться делом чрезвычайной важности. То было первым заявлением этого города о своей жизни на пользу и славу России, для чего именно и был он основан. Спуск же первого выстроенного на его верфи военного 44-пушечного корабля «Святого Николая» совершился в том же 1790 году в месяце августе¹⁾. Но так как в августе есть день, в который всегда вся Россия празднует перенесение честных мощей Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, а теперь и тезоименство царствующаго Государя Императора, то Николаевская Дума, выбирая три августовские дня для посвящения их празднованию столетнего городского юбилея, выбрала дни: 29, 30 и 31.

I

Основанный распоряжением князя Потемкина в 1789 году и соизволением на то Императрицы Екатерины II в 1790 году, город Николаев не задолго перед тем посетил немецкий врач Дримпельман, который и оставил довольно любопытное описание его. Но касательно цифры населения, Дримпельман или преувеличил ее, или же сделал хронологическую ошибку (11). Он показывает, что в 1789 году в Николаеве было уже 2¹/₂ тысячи жителей²⁾. Из позднейших же сведений мы узнаем, что даже в 1792 году в Николаеве было: церквей 1, общественных домов 4, частных 158, хат мазанок 209, землянок 61, хлебных магазинов 13, лавок 149 и погребов 23, а жи-

¹⁾ Порт. арх.

²⁾ Записки немецкого врача о России в конце прошлого века. Русск. Арх. 1881 г., кн. I, стр. 48—49.

* 8 «Именованъ — город Николаевъ»

телей обоого пола постоянных 1566 да временных (рабочих) 1734¹⁾. Между тем надо думать, что при горячем желании Потемкина как можно скорее осуществить свой план, и при тех средствах, которыми он располагал, наконец при том исполнителе его распоряжений, которым был Фалеев, прогресс дела в первые два года должен был проявляться очень серьезный. Таким образом население Николаева в 1790 году не могло превышать тысячи душ обоого пола (12), если не считать стянувшихся рабочих. О составе того населения по народностям и религиям не сохранилось никаких документальных сведений. Но можно сказать, что католики, если и не составляли тогда большинства, то представляли наиболее состоятельную среду. Из церквей, построенных самими прихожанами на свои средства, прежде всех в Николаеве, в 1794 году, появилась Католическая (13), а через пять лет, в 1799 году, началась строиться и православная, во имя Рождества Богородицы (теперешней Купеческий собор). На средства же казны была заложена Фалеевым православная церковь еще в 1789 году,— во имя Св. Великомученика Григория Великия Арменини (впоследствии Адмиралтейский собор²⁾).

Начиная говорить о первом времени города Николаева, следует сказать о его строителе, обер-штерн-кригс-комиссаре флота, Михаиле Леонтьевиче Фалееве. Эта личность — замечательная. Простой кременчугский купец³⁾, ездивший с товарами за армией, сильно вдохновился делами правительства того времени, тем народно-государственным движением, которое сказывалось ярче и ярче с каждым годом. Фалеев взялся на свой счет сорвать днепровские пороги и устроить свободное судоходство к новому городу Херсону. Самая смелость затеи уже показывала всю простоту этого человека, полное непонимание его громадности дела, за которое он брался, а вместе с тем и силу его патриотизма. Трудился Фалеев над этой затеей сильно, с увлечением; потратил денег много; серьезного результата, разумеется, не мог достигнуть. Но в 1783 году пробралась-таки барка с железом из Брянска в Херсон, а другая с провиантом. Фа-

1) Зап. Одес. Общ., II, с 772.

2) «Справочная книжка» Ильина изд. в Николаеве

3) «Колониз Новорос Кр» проф. Багаляя и брош аноним. автора «Фалеев».

леев был награжден золотою медалью и возведен в дворянское достоинство¹⁾. Потом Потемкин, выручаясь во всем этим человеком, представил его к новой награде и Фалеев был произведен в бригадиры и назначен оберштерн-кригс-комиссаром флота. Как и свойственно талантливому государственному деятелю, Потемкин не ошибся в своем выборе. Фалеев оказался способнейшим, неутомимым и честнейшим исполнителем, а при том чрезвычайно скромным и горячим патриотом. Он всецело отдался службе, выполнению всевозможных распоряжений Потемкина. А когда в 1787 году (14) принялся он за устройство верфи у устьев Ингула, получив в сотрудники: Варезета, Бестужева, Старова, Девояна и др. (15), то тут он окончательно выявил всю необыкновенную гражданственность своего благородного духа. Громадное государственное предприятие — устройство Новороссийского края в необозримых голых степях, вырванных из татарских и турецких рук, требовало употребления в дело массы энергии, знаний, труда и денег. И вот в это самое время при устье Ингула распоряжался бывший простой купец Фалеев, как самый бережливый скупой хозяин, не думая о себе, а думая только о планах и целях государственных. Он, не только как исполнитель правительственных распоряжений, но и как страстный любитель садоводства и всякого хозяйства, раздавал земли, выговаривая разведение сада, либо постройку мельницы, либо устройство кирпичного завода и т. п. Но по сколько же? по несколько десятин. Он и себе самому отвел под разведение сада тоже несколько десятин. А жил он и умер в Николаеве, на углу Немецкой и Никольской улиц, в небольшом собственном домике, крытом дранью (16). К сожалению, не долго тут действовал этот достойный гражданин: два года до основания города и два года после его основания. Но в эти четыре года он много сделал, израсходовал массу государственных денег, при чем ни себе и никому не позволил нарушить интересы государственного. Таким образом в основании города Николаева лежит честный и неуспынный труд гражданина, всей душой отдававшегося тому государственному делу, которое было ему по-

¹⁾ Русск. арх. 1867 с. 1213—1215.

ручено. Останки этого первого николаевского гражданина, умершего 18 ноября 1792 года, погребены в ограде выстраенного им Адмиралтейского собора¹⁾ (17). За год перед смертью Фалеев уже видел, что по Ясскому миру азиатство было вытеснено и из забужья, и что русская граница протянулась уже по Днестру.

¹⁾ Намогильная надпись.

II

В 1791 году, 5 октября, значит годом раньше смерти Фалеева, умер кн. Потемкин. Его заменил граф Зубов.

А со смертью Императрицы Екатерины II в 96 году совсем уже не стало сторонников князя Таврического. Но еще при жизни Императрицы, в 95 году, вышел указ об образовании Херсонского округа (уезда) Вознесенской губернии, к которому и был Николаев причислен в административном отношении¹). Но это обстоятельство во не имело для Николаева серьезного значения. При управлении Черноморского ведомства существовала тогда «дивильная канцелярия»²), которая и ведала городские дела. Но и она в сущности не вела их. Городские дела в действительности велась ратушей и городничим. А учреждение Вознесенской губернии вышло неудачным. Чрез год, в 1796 году, она была упразднена, а Новороссийская восстановлена. Спустя семь лет, эта была раздроблена (в 1802 году) на три новых: на Екатеринославскую, Таврическую и Николаевскую³). При этом города Херсон и Одесса «для пользы торговли» были выделены в отдельные портовые и получили разные привилегии. Но Николаевская губерния не просуществовала и полного года. 15 Мая 1803 г. последовал новый административный пердел, при чем образовалась Херсонская губерния⁴). Николаев остался в Херсонском уезде. А 20 Марта 1805 г. было учреждено Николаевское губернаторство, которое и дожило до наших дней.

Чтож делалось в Николаеве во время всех этих административных разделов и переделов?

До смерти князя Потемкина его идея касательно значения Николаева существовала только три года да и все это время Потемкин пробыл на юге, только навещаясь в Петербург, где дни, недели и месяцы проходили в празднествах и торжествах. Таким образом создавшееся значение Николаева не успело утвердиться в высших правительственных сферах. А потому, когда не стало князя Таврического, на Николаев в столице смотрели только как на новую верфь. Не был даже решенным вопрос: какая верфь лучше, Николаевская или Херсонская. И

¹) Поли. собр. зак. 1795 г. XXIII № 17300

²) Дело Ратуши, Полиция и градоначальн.

³) Поли. собр. зак. 1802 г. № 20449

⁴) Поли. собр. зак. 1803 г. № 2076

до 95 года (18) Главный командир Черноморского флота и все портовые учреждения держались Херсона. А когда дело Николаевской верфи, говоря само за себя, взяло, наконец верх и Главный командир флота переехал с портовыми учреждениями в Николаев, то и после этого особенной заботы о Николаеве еще долго не замечалось. К тому же до ревизии (переписи) 1795 г. Николаев, хотя и управлялся ратушей, но легального городского общества в нем еще не было. Все его купцы были людьми иногородными, а мещане — либо тоже иногородными, либо ни к какому городу Российской империи не приписанными. Но вот жители, пользуясь производившеюся переписью, стали ходатайствовать, чтобы их приписали к Николаеву. И в 96—97 году николаевские жители сделались легальным николаевским городским обществом. Новороссийское губернское управление распорядилось о введении в Николаеве екатерининского Городового Положения 1785 года, т. е. шести-гласной думы и словесного суда¹⁾. Но эта реформа улучшила собственно городское управление, а не быт города. Средства городской кассы были ничтожны и собирались туго.

III

Положение Николаева сильно изменилось к лучшему в 1802 году, когда Главным командиром Черноморского флота был назначен маркиз де-Траверзе (19). При немто и была организована Николаевская губерния, ради прекращения зависимости Николаева от посторонней административной власти. Но вскоре оказалась не соответствием должности командира флота с обязанностями начальника губернии. Маркиз де-Траверзе стал искать выхода из своего неудобного положения. И 20 марта 1805 года управление губернией было переведено в Херсон, а Николаев — объявлен особым губернаторством, при чем должность Николаевского губернатора была присвоена Главному командиру Черноморского флота²⁾. Это преобразование уже само по себе совсем изменяло направление, по которому шло развитие жизни Николаева. С одной стороны город окончательно ста-

¹⁾ Журнал ратуши 1797 г.

²⁾ Пол. С. З. 1805 г.

новился флотским; его гражданская общественность отодвигалась на задний план, а при ином Главном командире могла и совсем атрофироваться. С другой же стороны город становился несравненно ближе к высшему правительству. Опека государственная могла сделаться для него несравненно более ощутительною. Понятно, это положение молодого города должно было видоизменяться под влиянием личных свойств Главного командира флота. На первый раз судьба Николаева сказывалась чрезвычайно счастливою. Маркиз де-Траверзе горячо принялся блюсти интересы города и при том оказался прямо насадителем гражданской общности в сборном разнохарактерном населении города, в котором каждый человек уже стремился только к устройству своих личных интересов во что бы то ни стало. Первый Николаевский губернатор начал с того, что разом пресек расхищение пригородных земель. Мало этого, Маркиз исходатайствовал Высочайшее повеление, в силу которого следовало отобрать назад все те земли, на которых владельцы не выполнили условия отвода им этих земель. Таким образом страшное зло могло быть вырвано с корнем. Пригородные земледельцы, узнав об этом, благодарили Бога. Кроме того, маркиз новым ходатайством пред Императором поднял в Николаеве всеми уже забытый, а может быть никогда и не сознававшийся вопрос о праве общества на прилежавший городу земли. Князь Потемкин относительно Николаева задавался исключительно интересами флота, потому в Николаеве, можно сказать, не замечал собственно городского общества. Князь видел здесь только адмиралтейство, корень будущей черноморской русской силы. И он ни разу не вспомнил о том, что по закону следовало рождавшемуся городу. На основании существовавших межевых законов, Херсону, при объявлении его городом, было отмежевано около 40,000 десятин земли. Николаеву же не отмежевали ни одной десятины. Все кругом земли были признаны либо адмиралтейскими, либо казенными, — даже и те, на которых усаживались земледельческие поселки. Маркиз де-Траверзе настойчиво ходатайствовал о восстановлении законности, — об отмежевании Николаеву следовавшего ему¹⁾. И состоялось Высочай-

¹⁾ Дело Канцелярии Николаевского Военного Губернатора № 388.

шее повеление о наделении Николаева «двумя четырехверстными пропорциями земли». Но приведение в исполнение этого закона породило целый ряд процессов, длившихся слишком двадцать лет и закончившихся для Николаева печально.

В освобождение Николаевских граждан от Херсонского магистрата, маркиз де-Траверзе основал для них свой Николаевский. Маркиз завел составление статистики города. При нем же были утверждены штаты полиции¹⁾. Он помог Думе упорядочить городской бюджет. Наконец, при переходе винного откупа к казне, маркиз де-Траверзе исходатайствовал (в 1808 г.) пожалование городу Николаеву «четырёхлетней откупной суммы», а именно 240,000 руб., проценты с коей должны были составлять ежегодно 14,400 руб., что вдвое превышало получавшийся городом доход с откупа²⁾. Маркиз рассчитывал, что таким образом город будет иметь возможность выстроить казармы в освобождении домов граждан от постоя, — школы, — пристань и т. п. В то же время этот просвещенный и любимый Государем деятель, — несомненный авторитет в глазах каждого из жителей города, как частных лиц, так и начальствовавших, — постоянно словом и делом поднимал в обществе нравственные его силы, втягивал людей в заботу об общих интересах, вызывал чувство гражданственности и уважение к закону. Но недолго досталось маркизу де-Траверзе сеять добро в Николаеве. Только четыре года он губернаторствовал в нем. В 1809 году, призванный Императором в столицу для занятия поста морского министра, маркиз сдал город адмиралу Языкову (20), — уже с организованным вполне городским обществом, хорошо узнавшим свои права и обязанности в прекрасном финансовом положении.

IV

В «инструкции межевщикам» и «инструкции межевой канцелярии», почти без изменения вошедшим в 3 ч. X тома свода законов, изъяснено: как отводимая городом выгонная земля в верстных пропорциях должна быть определяема. Для Николаева были определены две четырех-верстных пропорции. Это количество не могло

¹⁾ Дело Канцелярии Николаевского Военного Губернатора 1805 года № 18 и 1810 г. № 43.

²⁾ Там же, № 116 и дела Городского Комитета.

быть отведено вокруг города, расположенного на полуострове, поэтому отвод земли был проектирован главным образом за перешейком. Из статистического отчета, представленного адмиралом Языковым высшему начальству в 1811 году, видно, что собственно город занимал тогда площадь длиною в 1500 саж. и шириною в 620 саж. Цифры эти не соответствуют данным плана, составленного в 1796 г. «канцелярией строения города Николаева». Но если даже допустить, что во время губернаторства Языкова городския строения действительно занимали только ту площадь, которую он определил в своем отчете, то все-таки одна четырех-верстная полоса вокруг такой площади составляет 10,200 десятин, а две пропорции — 20,400 десятин. Николаеву же, как это видно из межевой книги, было отведено всего 17,337 десятин и 560 сажень. Первоначальное обмежевание состоялось в 1812 году. В состав городского выгона вошли Лески, Спасск с прилегающей землей и правый берег Ингула до земли поселения Терновки. А восточная и южная границы земельного владения Николаева были значительно дальше, чем указано в выданной городу в 1830 году межевой книги. Это обмежевание Николаева породило протесты Богоявленска, Вознесенска и некоторых частных лиц. Возник довольно сложный процесс, длившийся, как уже сказано, около двадцати лет. С городом спорили также адмиралтейские поселяне, следовательно и морское ведомство. Дело несколько раз восходило до сената. Сенат каждый раз повторял одно и то же, что адмиралтейские поселяне должны быть наделены землей по закону 1810 года, а город Николаев должен получить полностью свою пропорцию. Затем это дело усложнилось новым обстоятельством. Адмирал Грейг, став (21) Главным командиром флота и губернатором Николаева, нашел нужным исключить из городской дачи в пользу адмиралтейства правый берег Ингула (287 десятин) и Лески со Спасском (737 десятин)¹⁾, а касательно адмиралтейских поселян адмирал Грейг ходатайствовал, чтобы их наделили землей не по числу ревизских душ, а по действительному их числу, или же оставили бы за ними те земли, которыми они фактически пользуются, но которые по обмежеванию отнесены к городским. Дело опять

¹⁾ Там же, № 388.

дошло до сената и перешло в Государственный совет, который определил удовлетворить ходатайство адмирала Грейга, но с тем, чтобы городу Николаеву взамен отчужденных от него земель было бы отведено такое же количество земли из казенных. Это мнение Государ. совета получило Высочайшее утверждение. Но — свободных казенных земель близ Николаева не оказалось, а потому вопрос о вознаграждении его остался и по настоящее время открытым. Между тем явившийся на место землемер сделал свое: исключил из городской дачи 956 десят. в пользу Воскресенска, 1668 десят. — в пользу Богоявленска и 737 д. + 287 д. (Лески, Спасск и правый берег Ингула) — в пользу адмиралтейства; всего 5648 десятины²). Между прочим, было признано право собственности за неким Вавиловым (22) на такой участок земли, без которого городу даже нельзя было обойтись. Этот участок примыкал к городским кварталам и чрез него шла дорога к переправе чрез Буг¹). А потому город вынужден был купить за 20,000 руб. этот хутор, что он и сделал в 1833 году, после чего хутор немедленно был разделен на кварталы и введен в план города. К настоящему сказанию о земельном деле Николаева следует прибавить, что отвод участков под разведение садов и под устройство кирпичных заводов продолжал практиковаться шестигласной думой с тою только разницей, что эти участки раздавались не в собственность, а в пользование за известную чиншевую плату. Но в сущности разницы не выходило, так как с течением времени чиншевые платы прекращались и право пользования превращалось в право собственности.

Из чувства долга относительно нужд государственных, город в 1863 году отчуждил инженерному ведомству, для военных надобностей, безвозмездно 16¹/₂ десят. и за плату (по 20 рублей) 172 десятины. В настоящее время, по миновании всякой надобности инженерного ведомства в этих землях, город, хотя и безуспешно, но продолжает ходатайствовать о возврате ему этих участков.

Разростание города привело его у западной погра-

¹) Там же. 1832 г., № 324.

²) Там же.

ничной межи к захвату земли, исключенной из его владения адмиралом Грейгом, а потому в 1866 году состоялось распоряжение правительства об исправлении этой межи согласно сложившейся действительности. Но приведение в исполнение этого распоряжения совершилось только в семидесятых годах во время губернаторства адмирала Аркаса (23). При этом, кроме исправления западной межи, было сделано изменение северной посредством выключения из владения города бульвара, всей Набережной улицы, части Адмиральской улицы, всей Соборной площади и Аркасовского сквера. Дело это и по настоящее время остается не выясненным как со стороны надобности такого изменения северной межи, так и со стороны правовой.

V

И так, по землевладению Николаев не был счастлив. Но все же землю, этот прекрасный фонд материальных средств, город получил, а кроме того у него был и капитал. Бюджет же у него представлял превышение доходов над расходами. И это — не считая дохода с «питейнаго» капитала. Следовательно, что ни вышло у него с межами, во всяком случае для развития его благосостояния средства у него были хорошие. Но видно для общества, как и для отдельного лица, одни материальные средства еще не обеспечивают благосостояния. Расставшись с маркизом де-Траверзе, город уже не мог вести свои дела по данному им направлению. Во-первых, маркиз сеял на почве не возделанной, не оплодотворенной духовными интересами, а потому посеянное дало только местами ростки да и те быстро заглохли под бурьянами. Во-вторых, с уходом маркиза, губернаторы в Николаеве уже не волновались, как он, интересами города. Можно сказать, что вплоть до шестидесятых годов, до губернаторства адмирала Глазенапа, город Николаев прожил на послугах у Черноморского флота и его адмиралтейства. Даже несомненно просвещенная и преисполненная добра личность адмирала Грейга и та влияла на преуспение города Николаева только оказыванием поддержки его ходатайствам пред высшим правительством. Думать же о городе, печалиться о нем, заботиться о его нуждах, устраивать его, подымать нравственные и материальные его

силы, развивать в его обществе дух гражданственности, — этим не занимался и адмирал Грейг (24). А сам собою Николаев еще не мог двигаться вперед, развиваться, устраиваться и просвещаться. К тому же екатерининское Городское Положение представляло только зародыш права городских обществ на самостоятельность. Однако, пока еще не выдохлись в Николаеве внушения маркиза де-Траверзе, а именно в 1810 году шестигласная дума по собственному почину подняла ходатайство о выдаче ей из городского «питейного» капитала 60 тысяч рублей на постройку здания для городских присутственных мест, так как здание, выстроенное для этого Фалеевым (у Адмиралтейского собора, где ныне гаубтвахта) вскоре было отобрано и обращено для нужд морского ведомства. Ходатайство было поддержано губернатором адмиралом Языковым и вскоре явилось хорошее здание Городского Дома. На этом и остановилось общественное строительство. Городской капитал находился тогда в распоряжении Черноморской казначейской экспедиции, которая раздавала его в ссуды адмиралтейским подрядчикам. Ни со стороны общественного управления, ни со стороны губернатора ничего не делалось средствами этого капитала на пользу города. Вся деятельность шестигласной думы мало помалу сосредотачивалась в канцелярской работе да на собирании окладных повинностей для покрытия обязательных расходов. А в городе еще не существовало ни одной школы. На это обратил наконец внимание директор школ Екатеринославской и Херсонской губерний. Получив толчок, общество посоветовалось и представило ходатайство об отпуске ему из городского капитала 40 тысяч рублей, чтобы 10 из них употребить на постройку школы, а 30 раздать купцам на проценты, и таким образом обезпечить содержание школы. Но министр финансов не согласился на такое устройство школы. А потому еще десять лет прожил Николаев без нея. Наконец, в 1820 году, в лице городского головы Ивана Кустова (25) сказался умный и горячий общественный деятель, в каком нуждался город. И вот начал он подавать рапорт за рапортом губернатору, адмиралу Грейгу¹⁾. В этих рапортах мы видим сильную гражданскую скорбь

¹⁾ Дела Канцелярии Ник Восн Губернат, №№ 46, 116, 141 и 142.

человека, который не может мириться с косностью своего общества и с равнодушием начальства к царящему в городе невежеству. Кустов указывал в рапортах на то, что «прочие города и даже казенные селения, на основании Высочайшего повеления, таковыя училища давно уже имеют, находя в сем изобретении и устройстве училища всеобщую пользу¹⁾». Кустов не ограничился подаванием рапортов. Он заказал строителю обсерватории, Фон-Дер-Флиту (26), план. И тот составил проект училищного дома со сметой расходов на сумму 49.774 руб. Кустов мечтал воздвигнуть это здание «на Магистрацком плацу», — теперешняя площадь у Адмиралтейского собора и Городского Дома. И он добился, что на общественном сходе было решено ходатайствовать об отпуске требующейся суммы из городского «питейного капитала»²⁾. Губернатор поддержал это ходатайство города. Но дело перешло из министерства внутренних дел в министерство духовных дел и народного просвещения, и там было решено: строить в Николаеве училище на средства министерства. Но свободных средств у министерства не оказалось, а потому решение и осталось без исполнения. Кустов поднял ходатайство сначала. Этот почтенный городской голова стал домогаться разрешения строить училище на счет города. Если нельзя, объяснял он, трогать городского капитала, то город сделает заем. И Кустов доказывал, что город в состоянии будет погасить этот долг бюджетными остатками. Адмирал Грейг оказал поддержку, и дело было уже почти и налажено. Но директор школы воспротивился постройке нового здания и стал домогаться покупки готового. Дом, на который директор указывал, находился на конце города, старый, ветхий, маленький. Кустов, а за ним и Дума стала в свою очередь противиться покупке этого дома. А это привело дело к неожиданному повороту. Директор школы, опираясь на закон, воспротивился вообще учреждению проектированного училища и объявил, что в Николаеве, городе не губерньском и не уездном, может быть открыто только приходское училище на 25 учеников. И пришлось Кустову смириться. Таким образом в октябре 1827 года было открыто в Николаеве в нанятом доме первое училище — приход-

¹⁾ Там же.

²⁾ Там же.

ская школа с одногодичным курсом на 25 учеников и с отделением для девочек¹⁾. Но Кустов продолжал хлопотать об учреждении училища с более широкой программой курса. Адмирал Грейг поддерживал это желание городского головы и чрез три года, когда Кустов уже не был головой, а именно в 1830 году, министерство народного просвещения отпустило 49.774 руб. на учреждение в Николаеве уездного училища²⁾. Прошло еще три года и наконец, после эпизодов самого печального характера, обнаруживших полную деморализацию общественных деятелей, — при новом губернаторе адмирале Лазареве (27), в замену приходской школы было открыто в 1833 году 21 сентября уездное училище в купленном для него доме (на Никольской улице, где теперь, после перестройки, помещается реальное училище³⁾). Это преобразование приходской школы оставило учение девочек. Но дело учения мальчиков в трехклассном училище расшевелило умы граждан и вскоре заговорили в Николаеве о необходимости открытия нескольких приходских школ в разных местах города, да кроме того и об устройстве девичьего училища. В этом смысле подано было прошение в думу и новому губернатору Лазареву. Но собственно Дума, вообще те граждане, которые заправляли городскими делами, уже не в состоянии были отдаваться общественным интересам. Кустовых между ними уже не было. Даже закал кустовский не пользовался в думе популярностью. Из личного расчета люди помогали друг другу, но о городе, о нуждах общих тогда уже не думалось. Только спустя девять лет, в 1843 году, удалось кое-как адмиралу Лазареву основать в Николаеве второе училище, именно: девичье, преобразованное впоследствии в женскую прогимназию. А дело приходских школ совсем замерло до времени губернаторства адмирала Глазенапа.

Так шло гражданское, вообще интеллектуальное развитие Николаевского городского общества, со времени губернаторства маркиза де-Траверзе. Что же касается матерьяльных средств города, то история их вышла довольно оригинальной. Из всего, что устроил для города в этом отношении маркиз де-Траверзе, общество ус-

1) Там же.

2) Там же.

3) Там же.

пело вскоре соорудить в своем городе здание для городских присутственных мест, издержав на это 60 тыс. руб. Этот расход не составил ущерба капитала, так как Черноморская казначейская экспедиция, служа им подрядчикам адмиралтейства, мало по малу, увеличивала его взиманием процентов, а о пропажах ссуд следов нет. Однакож, адмирал Грейг решительно не соглашался признать нормальным такое положение и такое назначение городского капитала. Поэтому адмирал был уже готов отослать городской капитал в Петербург, в заемный банк. Но городской голова Кустов отклонил адмирала от этой мысли. Он просил устроить для города местное же кредитное учреждение. В то время ничего подобного еще не существовало ни в одном из областных городов империи, а потому адмирал Грейг затруднялся сразу стать за проект городской головы. Когда же Кустов собрал общество и затем представил дельный, касательно пользы местного кредитного учреждения, общественный приговор, то адмирал Грейг уступил и начал хлопотать об осуществлении желания города¹⁾. В министерстве финансов это ходатайство не встретило сочувствия. Но в это время Государь был на юге (28). Адмирал Грейг лично изложил Государю дело Николаева и Государь, благосклонно отнесясь к ходатайству адмирала, оговорил только, чтобы проектированное кредитное учреждение действовало по инструкции, утвержденной министерством²⁾. Таким образом в Николаеве в 1821 году был основан свой банк, под названием Городового Комитета, которому и был передан «питейный» капитал, представлявший тогда уже 266 тыс. руб. слишком³⁾. Комитет тотчас же, с разрешения адмирала Грейга, выдал на постройку пристани почти 64 тыс. руб., на покупку земли Вавиловой 20 т. р., и на покупку у морск. вед. дома на Соборной улице (квартал, где ныне д. Диковского) 14 т. р. Но так как Комитет сейчас же получил обратно свыше 28 т. р. вырученных за дом на Соборной улице и за места, отведенных из Вавиловой земли, то для кредитных операций у него осталось около 190 т. р., что на серебро составляло 54 тыс. руб.

¹⁾ Рапорт адм. Грейга Морскому Министерству от 9 января 1820 года № 13.

²⁾ Уведомление нач. Глав Штаба от 17 августа 1820 г.

³⁾ Рапорт Кустова от 18 апреля 1821 года, № 162.

В состав этого Комитета вошли лица избранные из местных купцов и мещан. К сожалению, между ними ни сначала, ни после не оказывалось личностей подобных тогдашнему городскому голове Кустову. Да и сам Кустов служил головой не долго, всего-то два трехлетия. Из сохранившихся следов видим, что лица, находившиеся в составе Городового комитета, никогда не понимали законной цели своего учреждения. Система помощи друг другу нашла себе в этом комитете широкое применение. Ни интересов торговли, ни интересов производства, ни даже городоустройства Комитет не имел в виду. Конечно, и торговец, и промышленник находили в Комитете поддержку; но главным то образом служил он кредитом людям, которые никакими делами не занимались. И ссуды производились не под залоги, а просто под заемные письма с поручительством¹⁾. В сущности это был вовсе не банк, а благотворительная касса ссуд. Впрочем, при всей незаконности действий Городового комитета, дела его велись вообще старательно и честно. А потому, пойдя сразу неправильным путем, комитет шел им 48 лет, страшно запутал свои счета, но — не обанкротился. За время своего существования он принял от города до 150 тыс. руб., а выдал на разные общественные благотворительные учреждения свыше 400 тыс. руб. Но надо сказать, что не только Городовой комитет, а и те ревизионные комиссии, которые посылались к нему, когда явилось сомнение в целостности вверенного ему капитала, в своих докладах начальству заслоняли незаконность действий Комитета трогательными картинками благотворительности этого учреждения. Ревизоры докладывали, что если бы Городовой комитет действовал по закону, то совсем изменилась бы «благая цель этого учреждения, спасающего многих от тяжких испытаний бедственной жизни, давшего другим возможность укрыться с многочисленным семейством под собственным кровом, иным же послужившего к избежанию от конечного разорения, и на последок не допустившего при том того нравственного падения во многих из граждан, в какое часто ввергает человека борьба его с нуждой и лишениями всякого рода». Из этих же

¹⁾ Доклад ревизион. комиссии. Дело Канц Ниж. в губернат., 1857 г., арх. № 4593.

докладов узнаем, что Городовой комитет выдавал ссуды и «по предложению начальства, безусловно, без всякаго решительно соображения».

Итак, этот Городовой комитет 48 лет шел по пути к банкротству, к загублению городского капитала. На этом пути он втягивал в свои обороты средства не только частных людей, но и разных учреждений и обществ, именно: думы, богодельни, уездного и девичьяго училищей, сиротскаго суда (вклад этого учреждения иногда доходил до 100 тыс. рублей), местнаго мещанскаго общества и пригородов. При этом он уплачивал учреждениям и пригородам не какой-нибудь процент, а все, что извлекал из оборотов их вкладами. Счеты свои он до того запутал, что назначенная начальством комиссия из бухгалтеров вместе с министерским чиновником целых три года напрасно старалась уразуметь, распутать их. И однако-же, при всем том, этот Городовой комитет, ликвидируя свои дела во исполнении воли начальства, совершенно исправно рассчитался на все стороны (исключая разумеется городской кассы) да выдал 15 тыс. руб. на основание новаго городского банка. Кроме того, он сдал городской управе портфель слишком в 200 тыс. рублей. Портфель считали тогда не имевшим никакой ценности. Но управа в следующем же году (в 1877 г.) получила 18 тыс. руб., да и потом ежегодно что нибудь получала от должников Комитета. Всего по текущий 1890 г. она получила 51,392 р. 43 к., а выдала истцам и разным кредиторам 37,498 р. 17 к. Остается у ней 13,894 р. 26 к.¹⁾ А это вместе с полученным для основания городского банка составляет 28,894 р. 20 к. Таким образом, если взять во внимание, что Городовой комитет имел в своем распоряжении городской капитал в 54 тыс. руб. (190 тыс. ассигнац.) и потом разновременно принял до 150 тыс. руб., а выдал на разные городские расходы и благотворительныя учреждения свыше 400 тыс. руб.²⁾ и в конце концов возвратил слишком 28 тыс. руб., то выйдет, что Комитет ничего не потерял, а еще выиграл для города около 225 тыс. руб. Следовательно нельзя не признать, что идея Ивана Кустова была настолько разумна и прекрасна, что даже осуществленная самым неправильным образом никому не позре-

1) Справка бухгалтера.

2) Вывод из счетов.

дила, а многим принесла добро. Это дело ясно доказало, что общественное кредитное учреждение, действуя не ошупью, а по строго обдуманному плану, могло-бы отлично и вечно действовать, служа не только капиталу, но всему обществу, как учреждение именно благотворительное.

VI

О зарождении и первоначальном ходе николаевской торговли сведений сохранилось чрезвычайно мало. Между прочим находим документ, из которого видно, что в 1810 году, следовательно тотчас по окончании губернаторства маркиза де-Траверзе, было вывезено из Николаева зернового хлеба на 24 тыс. руб., а привезено в Николаев 80 тыс. пуд. соли, из коих две трети пошло за город, в край¹⁾). Кроме того попадаются кое-какие сведения, из которых можно заключить, что Николаев в первое время развития своей жизни обладал довольно значительной каботажной флотилией²⁾, как рефлексом правительственного дела ново-заведенной верфи. Этот каботаж работал, плавая к Херсону и к Одессе. Брал и сдавал он грузы в Николаеве у «военной пристани» на Ингуле (что ныне под бульваром) (29), вынося все тягости тесноты и почти полного отсутствия места на берегу для склада грузов. Ясно, что даже дело торговли являлось в Николаеве не самостоятельным, а как-бы придаточным, кое-как лепившимся возле военно-морского. Начальство, можно сказать, не препятствовало жителям извлекать для себя выгоды из торговли. Но вот в городские головы был избран Иван Кустов. Этот общественный деятель, при своем кругозоре, не мог смотреть на торговлю города, как на не бесполезные дела кое-каких промышленников. Он смотрел на нее как на залог общественного благосостояния и потому считал необходимым заботиться о наилучшем ее устройстве. И мы находим его рапорт адмиралу Грейгу, свидетельствующий нам до какой степени этот городской голова проникнут был служением обществу города. В этом рапорте говорится: «Город Николаев, имея свое положение между реками Бугом и Ингулом и будучи окружен селениями, занимающимися хлебопашеством и ско-

1) Дело канц. в губ. 1810 г № 69.

2) Рапорты Кустова см. выше и ниже.

товодством, производит довольно значительную торговлю хлебом, солью, рыбою и сверху Днепра доставляемым лесом. На сей предмет жители г. Николаева имеют свои суда и производят разныя перевозки, а в особенности занимаются перевозкою хлеба в Одессу и доставлением сюда соли и лесов. Нередко также приходят и иногородние со своими судами. Но по неимению нигде по реке Буг пристани, суда с лесом и солью должны обходить реку Буг и Спасский мыс под разными ветрами с напрасным затруднением и потерием времени и входить без всякой надобности в р. Ингул, да и тут останавливаться в военной гавани, и по неимению мест и магазинов для складки своих товаров, суда с солью принуждены стоять в сей гавани до того времени, пока представится возможность продать соль, а леса перевозятся сухопутью; и торгующие, плати за такую перевозку лесов кроме водяной доставки, делают надбавку цен при продаже оных. На соль также возвышается цена по мере простоя судов, а большая мореходная суда, занимающаяся перевозкою хлеба в Одессу, с равным затруднением и остановкою получают груз и, выходя из военной гавани разными ветрами в Буг, теряют столько времени, что могли-бы нагружаться в Буге и сделать скорее рейс в Одессу, чем при поворотных ветрах дойти Бугом до Поповой балки (30), и если исчислить син их бесполезные переходы, то верно теряют они вместе по крайней мере половину своих оборотов. По всем сим причинам водоходная торговля Николаевского порта жителей и иногородних теряет ощутительныя выгоды свои и городския¹⁾. К этому рапорту Кустов приложил план и смету расходов проектированной им коммерческой пристани на Буге у южнаго берега городского полуострова и от имени Думы просил губернатора Грейга исходатайствовать разрешение на отпуск суммы из городского капитала.

Совет министров в принципе одобрил проект Кустова, но нашел более целесообразным соорудить пристань не деревянную, а каменную²⁾. Николаевская дума стала доказывать непрактичность каменной пристани при условиях избраннаго места, но можно предположить, что Кустов опасался либо самой стоимости каменной при-

1) Дело канц. Ник. воен. губ. 1823 г., № 141.

2) Там же.

стани, либо — затянуть на долгое время осуществление проекта. И наконец 26 марта 1821 года проект думы был одобрен, а 7 июня т. г. последовало о том Высочайшее повеление¹⁾.

За год-же перед этим был уже основан в Николаеве Городовой комитет, в который и поступил городской «питейный капитал», а потому собственно финансовая сторона дела пристани не встретила затруднения. Построенная в бужском заливе у Поповой балки деревянная пристань обошлась в 63.921 р. 12¹/₂ к. ассигнац. Пользование ею и ее берегом оплачивалось сначала так: за нагрузку и выгрузку взималось с каждого фрахтов рубля по 1%; за место на берегу для склада товара, со своих — по 5 р. с сажени в год, а с иногородних — по 10 р.; за постройку судов у берега — по 1 р. с фута по килю; за поставку мачт и за клеевку, — 50 коп.; за привал плотов к берегу — по 18 руб.; а за привал барок — разное, смотря по товару. К сожалению, не сохранилось записей этих сборов, следовательно нельзя проследить ни за развитием портового дохода, ни за развитием морской торговли Николаева того времени. Но, судя по слабости роста города и не начинавшемуся благоустройству его, приходится признать, что все в Николаеве в течение большей половины его столетнего существования развивалось чрезвычайно туго и даже с приостановками всякого развития в области жизни собственно городского общества. Это положение вещей обусловилось решением правительства дать Николаеву значение исключительно военно-морского порта. Такое решение окончательно сложилось именно в двадцатых годах этого столетия, значит после того как Николаев просуществовал всего лишь 30 с небольшим лет. И это решение соблюдалось до такой степени строго, что не только иностранные суда ни в каком случае не могли войти в Никол. порт, но и приезд иностранца в Николаев был обставлен очень затруднительными условиями²⁾. Затем в силу указа 20 ноября 1829 г. начались выселения из Николаева евреев, которых здесь с самого-же основания города было много в среде ремесленников и торговцев и конкуренция которых быстро осилила здесь торговлю греков, так что местность, называвшаяся «Гре-

1) Дело канц. Ник. воен. губ. 1823 г., № 141.

2) Арх. Полещ. Д. 1821 г.

ческим базаром» (где теперь казначейство и здание Одесск. учетн. банка) была уже еврейскою. Распоряжение о выселении евреев произвело для прочих купцов и ремесленников сильную перемену обстоятельств. Цены на дома упали, на квартиры тожс. Домостроительство остановилось. В оставшихся лавках и в промышленных заведениях христиан выручка усилилась, а с этим и продажные цены на товары в лавках стали подыматься. Дошло даже до стачек, что еще больше увеличило необыкновенную прибыльность лавочной и базарной торговли¹⁾. Многие хлеботорговцы бросили свои дела и открывали лавки с товарами. Губернатору Грейгу пришлось ходатайствовать о продлении срока, назначенного для выселения евреев, на что и последовало Высочайшее соизволение и даже с указанием необходимости «производить это дело без потрясения»²⁾. Таким образом окончательное исполнение этого мероприятия состоялось только в 1837 году, на четвертом году губернаторства адмирала Лазарева³⁾. Однакоже, сделанное нарушение в сложившемся строе экономических условий николаевского общежития еще долго давало себя чувствовать и адмирал Лазарев, хоть несравненно менее своего предместника был склонен к занятию интересами собственно города, но он повидимому сильно задумывался над изысканием средства возвращения жизни города к нормальному ея течению. И он нашел наконец необходимым увеличить численность оставшихся николаевских купцов и ремесленников. Для достижения этой цели адмирал ходатайствовал о предоставлении николаевским купцам льгот в уплате сборов за право торговли. В своей докладной записке адмирал, свидетельствуя, что с выселением евреев из Николаева и Севастополя торговля в этих городах упала, просил о предоставлении обоим городам тех-же льгот, какими пользуются и «знатные торговые города: Одесса, Керчь, Таганрог и Феодосия». Затем 7 января 1838 г. именным указом Государя Николая I было предоставлено николаевским и севастопольским купцам в течение 16 лет платить за гильдейския свидетельства половину следемаго, а купцов вновь поселяющихся в Николаеве (и Сс-

1) Дело Канц. Н. в губ. 1838 г. № 262.

2) Там же

3) Полн. собр. закон. 1838 г.

васт.) и выстраивающих дома указ этот совсем освобожден на 3 года от всяких денежн. повинностей. Что же касается ремесленников, то они были освобождены на 3 года от всяких натуральных и денежных повинностей в пользу города. Кроме того, причислявшиеся к николаевскому купечеству иногородние купцы получали означенные льготы даже и в том случае, если продолжали проживать в других городах¹⁾). Но не только эта последняя, а и означенные выше льготы, уменьшив доход казны и города, не породили заметного переселения купцов и ремесленников в Николаев. Нет данных утверждать, но можно думать, что это мероприятие только побудило многих купцов окольных городов, не трогаясь с места, перечислиться в николаевское купечество. А купцы отдаленных городов, надо думать, не поднимались и на это при тогдашних путях и средствах сообщения. Не льготы, а превосходное географическое положение Николаева могло сделать его даже очень важным портовым городом, если бы с одной стороны не лишали его свободы торговли, а с другой стороны, если бы многими искусственными средствами до порто-франко включительно не создавались тогда громадные шансы Одесского порта. Русское купечество и в настоящее время чрезвычайно туго развивает в себе дух предприимчивости и в особенности по морской торговле, а в Одессе три четверти столетия даже названия улиц надписывались латинскими буквами. Так было заглушено развитие Николаевской торговли. А когда в шестидесятых годах сняли с него всякие запреты, то средоточие капиталов в Одессе уж слишком было закреплено за нею. В Николаеве хлебная торговля сейчас же закипела, но — за счет отсутствовавших капиталов. А до шестидесятых годов николаевский торгово-промышленный класс почти исключительно тяготел к подрядам и поставкам на адмиралтейство (31). Этого рода дела устанавливали норму интересов николаевского торгово-промышленного мира. Отсюда сложились и для хлебной николаевской торговли своеобразные основания, чрезвычайно умалившие хлебный район Николаева. При всей скудности следов прошлого, видим ясно, что сложившийся характер деятельности николаевского населения держал околицу до шестидесятых годов в экономическом оцепенении. Кругом

¹⁾ Там же.

земледелие велось почти что для удовлетворения лишь первых потребностей жизни земледельца. Предметом же торговли у при-николаевского сельского населения были скот и шерсть. Но то и другое сбывалось не на николаевском рынке. Скот гнали в Елисаветград, Вознесенск, а шерсть доставляли в Херсон. Только после Крымской войны — с наступлением шестидесятых годов, по почину Главного командира Черноморского флота, Б. А. фон-Глазенапа (32), могуче поддержанного покровительством Его высочества великого князя Константина Николаевича (о чем будет говорится ниже) город Николаев был избавлен от созданной для него замкнутости; к нему приплыли иностранные корабли; в него прислали консулов, агентов, поверенных; в нем появились такие-же, как и везде торгово-промышленные люди; его жизнь потекла на таких-же как везде основаниях, а при том деятельность по подрядам и поставкам на адмиралтейство сократилась до небывалаго еще минимума (33) и город возродился как в гражданском, так и в торговом значении, соответственно собравшимся общественным силам, а также условиям своего географического положения в крае.

VII

Екатерининское Городское Положение имело в виду главным образом интерес фиска — организацию раскладки и сбора государственных повинностей; другая же сторона городского самоуправления, касавшаяся интересов самого города, была в этом законодательном акте очень мало разработана и потому не представляла верного залога преуспевания. Развитие благоустройства города по прежнему осталось в полной зависимости от администрации. И слишком много надо было сочетания благоприятных обстоятельств в личных свойствах администраторов и общественных представителей, — в их отношениях к городу, чтобы благоустройство Николаева безостановочно подвигалось вперед. Фалеев, закладывая город, уже строил Адмиралтейский собор и прекрасное двухэтажное здание ратуши, в котором поместились все городовые присутственные места, а в одноэтажных его крыльях за колоннами — лавки. Но не стало Фалеева и — это здание было отобрано у общества. Городские присутственные места были перемещены на

другой конец города, в кой-какие домишки. В 1810 году общество исходатайствовало разрешение и выстроило на средства своего капитала тот Городской Дом (34), в котором и по настоящее время помещаются городския общественныя юрисдикции. Очень полезное и довольно крупное сооружение представляет служащая до сих пор, так называемая, городская канава. И достаточно взглянуть на топографию Николаева, чтобы признать, во-первых, что без этой канавы городу пришлось бы разрастаться только полосой на запад и восток и, во-вторых, что улучшить ее возможно только увеличением уклона, а это заставило бы направить канаву не к берегу, а ко дну Буга, о чем в прошлом столетии таким городам, как Николаев, нельзя было и думать. Но кто соорудил эту канаву? Даже и на этот вопрос не отвечает архив (35). Однако, именно потому и можно сказать, что канава задумана была и устроена администрацией, — по всему вероятно, трудом арестантским, или же еще при самом начале распоряжением Фалеева, который регулировал даже течение Буга, ниже Николаева. Старая карта этого края, о которой уже упоминалось, показывает, что Буг, при впадении в Днепровский лиман, образовывал в некотором роде дельту. Считать это невероятностью карты нельзя, так как крупнейшие из показанных на ней островов обозначены названиями их, а на двух даже показаны укрепления. После-же Фалеева ни при одном из распорядителей Николаева не производилось никаких работ в русле Буга, а сама-собой река не могла собраться в одно чистое и глубокое теперешнее русло. Фалеев устраивал в Николаеве и общественные колодцы¹⁾; построил и Ингульский мост, перешедший в ведомство адмиралтейства в 1799 г.²⁾. «Переправа через Буг» Фалеевым была устроена ниже Николаева, у Богоявленска. Адмирал Мордвинов перенес ее к Николаеву, в «Лески» против сел. Коренихи, а в конце сороковых годов она была передана земству, которое перенесло ее еще выше, — к Спасску³⁾. Места под дома в городе отводились сначала двойным порядком

¹⁾ «Путеводитель по Николаеву» Павлавскаго и анонимная брошюра «Фалеев».

²⁾ Дело канц. и. воен. губерн. Арх. 1857 г. № 5359 1830 г. № 309.

³⁾ Дело канц. и. воен. губерн. Арх. 1857 г. № 5353.

служившим в морском ведомстве и семейным солдатам — их начальством с разрешения Главного командира, а вольным людям — Думой с разрешения губернатора¹⁾. Но после Высочайшего утверждения плана города в 1836 г. 26 февраля право отвода дворовых мест было представлено исключительно Думе с сохранением ее обязанности испрашивать каждый раз разрешение губернатора²⁾. Улицы получили свои названия по проекту полиции в 1835 г., утвержденному согласием губернатора, адмирала Лазарева³⁾ (36). Названия эти были отмечены на Высочайше утвержденном плане города, который в пятидесятых годах был для справки вытребован в морское министерство, где и затерялся⁴⁾. Освещение улиц фонарями началось в 1823 году по предложению Главного командира, адмирала Грейга. В адмиралтействе было сделано 48 фонарей. Из них 22 были поставлены на Адмиральской улице, начиная от дворца (37) и до штурманского училища, а 26 поставлены по Соборной улице, — от Ингульского моста до Базарной площади. Фонари на Адмиральской улице оснащались на счет казны, а на Соборной — на счет города, под надзором полиции. В то-же время адмирал Грейг поднял вопрос о мостовых и тротуарах. Он отнес на счет морского ведомства устройство тротуара и всякую заботу об Адмиральской улице, а благоустройство всех прочих возложить на обязанность Думы (38). Но Дума не смогла сладить с жителями и потому было решено ограничиться устройством мостовой только на Соборной улице от Ингульского моста до Базарной площади. Принуждение к этому домовладельцев производилось разными полицейскими мерами. Но обыватели, собравшись на сходе, составили приговор, которым и выразили вопль своего отчаяния. Убедившись в несостоятельности домовладельцев по осуществлению этого проекта, адмирал Грейг возложил на них расход только на матерьял, а расход на работу отнес на счет казны. Тогда обыватели на новом сходе постановили приговор о переложении этой натуральной повинности в де-

1) Отводные листы, имеющиеся и по ныне в обращении у домовладельцев.

2) Дело канц. губ. 1836 г. без номера.

3) Там же.

4) Дело в стр. отд. город. управы.

нежную и о разверстке ее между членами всего общества. Принимая во внимание, что мостовой будут пользоваться и служащие в морском ведомстве, собрание общества постановило привлечь и этих лиц к участию в мостовой повинности. Но дворяне отозвались, что добровольно участвовать в уплате мостового налога они не желают, а принуждать их к тому нельзя. После этого адмирал Грейг во всех городских делах стал действовать без посредства Думы, своими личными распоряжениями, иногда лишь пользуясь средствами Городового комитета. И так как содержание лесков и Сласска вызывало некоторые денежные расходы, а городское общество уклонялось от них, то адмирал исходатайствовал исключение из городской территории обих этих местностей и оне перешли в распоряжение морского ведомства. Занявшись таким образом приведением в порядок части города находившейся уже в полном его распоряжении, адмирал задумал провести воду из Сласска во дворец (потом — из «сухаго фонтана») (39) по Адмиральской улице, а затем и в другие пункты города в водоразборные колодцы и резервуары. Но при осуществлении первого и второго проекта, оба оказались не исполнимыми, а потому были брошены (40). Удачно устроен (вернее сказать, восстановлен) был тогда только фонтан в Сласске, который и предоставил адмирал в общее пользование. Точно так же адмирал Грейг устроил и бульвар у Ингула на счет морского ведомства, после чего и это место было выключено из территории городского общества. Вообще понятие того времени о городском обществе, отразившееся и в Городовом Положении 1785 года, лишало это общество в морском городе серьезнаго значения. Бедное мещанство и малочисленное не богатое купечество расселившееся по окраинам широко раскинутого города морских офицеров и чиновников, служивших и отдыхавших на пенсии, — действительно не в состоянии было нести за всех тягло городского благоустройства.

Городовое Положение Александра II определило городское общество составом всего населения, а в составе думы ввело 72 городских представителя, которым и предоставило право полного самоуправления. К тому же число жителей Николаева ко времени новаго Городоваго Положения учетверилось, а средства города

возросли еще больше, так как он стал открытым коммерческим портом. И однакоже после всей этой перемены он все-таки не был в состоянии на собственные средства мостить свои улицы. Поэтому ни малейшего упрека не может сделать историк мещанству и купечеству Николаева двадцатых годов за то, что оно как бы не соответствовало благим стремлениям адмирала Грейга. Мещанство и купечество того времени нашло в своей среде Ивана Кустова и избрало его в городские головы. Значит, приходится признать, что оно соответствовало прекрасным стремлениям адмирала Грейга. И можно быть уверенным, что Иван Кустов вместе с шестигласной думой собирал с мещан и купцов на добро города все, что только они в состоянии были дать на это. Адмирал Грейг любил Николаев. Он интересовался даже каждою мелочью общественной жизни. А он был умный, просвещенный, талантливый и добрый человек, следовательно его нравственное влияние на Николаевское общество без сомнения было очень велико, но о будущем собственно города адмирал, повидимому, не задумывался. Он заботился о потребностях каждого дня, день за днем, и готов был сделать для каждого просителя все, чем только мог ему помочь. Но правовое и экономическое положения города, чрезвычайно неблагоприятны для развития его средств, как-бы не замечались адмиралом Грейгом. Впрочем, в то время и в особенности с 1825 года высшее правительство все больше и больше проникалось желанием дать Николаеву значение исключительно военно-морское. Следовательно даже и невозможно было адмиралу Грейгу из-за усиления городского благоустройства идти в своих ходатайствах в разрезе с видами правительства. А собственно правовая сторона городского управления и общественный строй населения не составляли вопросов того времени. Наконец, адмирал Грейг в кругу главной своей деятельности, как начальник южных морских сил государства, был слишком занят, чтобы горячо отдаваться интересам городишки, кое-как существовавшего при адмиралтействе. Только этим и можно объяснить, почему при нем, с прекращением общественной деятельности Ивана Кустова, сейчас же умалилась забота губернатора об интересах города, и до такой степени, что в то самое время, когда по вине землемеров Николаев ли-

шился большей части своих земель, именно в 1830 году, адмирал Грейг ходатайствовал непосредственно пред Государем только о сложении с Николаевских обывателей недоимки и об уменьшении для них сбора с гильдейских свидетельств. Конечно, это ходатайство, как касавшееся личного интереса почти каждого обывателя, вызвало с их стороны восторженно-благодарное отношение к любимому градоправителю. И они тоже совсем упустили из виду дело городской земли. В адресе, преподнесенном тогда адмиралу Грейгу, городское общество в заключение высказало следующее:

«А дабы деяния высокочтимого начальника, пекущегося неуспынно в пользу блага Государственного о счастья предводимаго и покровительствуемаго им сословия преимущественно отличить, дерзанием оное в сем усерднейшем приношении своем изобразить в подробности все благодеяния Вашим Высокопревосходительством ему дарованныя:

1) Значительное умножение городских доходов и выгод благоразумным распоряжением Вашим из источников промышленности.

2) Устроение коммерческих в Николаеве пристаней для приточной и отпускной торговли.

3) Устроение тротуаров с аллеями для исправления улиц, служащее украшением городу и облегчением пешеходам.

4) Усерднейшее старание о проведении внутрь города воды, доселе с затруднительностью добываемой.

5) Испрошение дарованной от Его Императорского Величества откупной питейной суммы, которую до прибытия Вашего Высокопревосходительства город не имел надежды воспользоваться. Ныне же возвращается она в распоряжение его с надлежащими процентами. Какое исходатайствование сопряжено с пользою всех граждан, а наипаче для коммерции городской, которая восчувствует вскоре несомнительныя свои выгоды, получая под установленныя законныя обеспечения и за умеренные проценты благовременныя пособия и прибыли от скоротечных оборотов торговых, через что трудолюбие ея поощрится. Город распространившийся в бытность Вашу, вяще увеличится, и благодарные вздохи бедных отзовутся из сердец их.

6) Освобождение жителей города от военного по-

стоя. Сия неизгладимая из благодарной памяти статья благотворительности Вашего Высокопревосходительства сохранит спокойствие всякого хозяина, каждой сирой вдовы и детей их, сберегая состоянье всеобщее и частное, так что ничем-бы не могло оно вознаградиться.

7) Отеческое попечение Ваше о устройении народной ландкастерской школы для научения и образования в вере и в нравственности детей наших.

Все сии и другия неисчислимыя благодеяния Вашего Высокопревосходительства, впечатлеваясь глубоко в душах и сердцах искренно высокопочитаемого и любящего вас сословия города Николаева, перейдут к потомкам нашим, а нас заставляют каждого возсылать к Всевышнему провидению тсплейшня моления о благоденствии Вашем»¹⁾ (41).

В 1833 году адмирала Грейга заменил в Николаеве вице-адмирал Лазарев, который собственно на интерес дела благоустройства города, кажется усвоил взгляд своего предместника, но шел в этом к цели, совсем оставляя в стороне общественное управление. Михаил Петрович Лазарев даже почти не имел переписки с Думой. Все, что находил он нужным устроить в городе, устранивал через своих подчиненных на счет казны, а затем уже приказывал Думе внести расход в размере, какой считал справедливым возложить на городское общество. Так, был устроен и вымощен спуск к Ингульскому мосту. А спуск к переправе через Буг адмирал устроил исключительно на счет сбора, взывавшагося за пользование водой из Спасского бассейна. Впрочем, это сооружение, по передаче его на другой год в ведение города, общественному управлению пришлось переделать все наново. Вообще адмирал Лазарев к городским общественным учреждениям относился кажется с недоверием и особенно холодно. Кроме этих маленьких дел по городскому благоустройству, ни на что больше нельзя указать в области управления Николаевом ни в тридцатых, ни в сороковых, ни в пятидесятых годах—вплоть до назначения николаевским губернатором в 1860 году генерал-адъютанта Богдана Александровича фон-Глазенапа.

До какой степени мало было в Николаеве данных благоприятствующих развитию городского благоу-

¹⁾ Дело канц. и воен. губер. 1822 г. Арх № 155.

ройства, т. е. до какой степени все время николаевское городское общество было бедно, наилучшее видно из следующего. Трудно найти в России город равный с Николаевом по населению, в котором-бы было также мало церквей и в котором-бы церкви были так-же убоги. В настоящее время жителей в Николаеве до 80 тысяч, а церквей общественных православных 8, католическая 1 и лютеранская 1, домовых православных церквей 3, молитвенных домов православных 5 и часовня 1. Затем еврейских синагог 2 и молитвенных домов 5. Наконец магометанская мечеть 1. Всего мест для общих молитв 27. Значит 1 на 3.370 чел.

VIII

Губернаторствование адмирала Лазарева (1833—1851 гг.) завершило первую половину столетнего существования Николаева и захватило первое десятилетие другой половины. Из настоящего беглого очерка всего этого шестидесятилетнего прошлого жизни города, можно прийти к следующему выводу.

В царствование Екатерины II, по мысли знаменитого князя Потемкина, был основан при устье Ингула город Николаев в видах исключительно военно-морских интересов государства. Строил этот город простой русский человек, Фалеев, — разумно, честно, усердно, вполне соответственно указанной ему цели, при чем не упускал он из виду и интересов закладывавшагося городского общества, — ни религиозных, ни гражданских, ни экономических. Потом, после непродолжительного промежутка времени, начал устраивать этот город и его гражданственность высокопросвещенный француз, отдавшийся службе нашему Государю и государству, маркиз де-Траверзе. Он успел провести законодательным порядком право города на земельный надел в 40 тысяч слишком десятин и пожалование городу капитала в 260 тысяч рублей, при чем наметил обществу программу дальнейшего устройства города. Затем, еще спустя десяток лет, когда созданная в Николаеве военно-морская сила России уже представляла могущественный, покрытый славою, Черноморский флот, находившийся под командой боевого авторитетнейшего адмирала Грейга, город, уже заглухнувший, обрел в этом адмирале своего добродушнейшего покровителя. В то

же время купец Иван Кустов неусыпной, настойчивой, прекрасной деятельностью старался возстановить преуспеяние городского общественного хозяйства и умственного развития. В течение шестилетней своей службы в должности городского головы успел он основать в городе три дела первостепенной важности: школу, коммерческую пристань и кредитное учреждение. — И если б в городском обществе было тогда побольше Кустовых, или по крайней мере нашедшийся один действовал дольше, то под покровительством светлой и сильной личности губернатора Грейга, юридическое право города на 40 тысяч десятин земли, вытекавшее из закона империи, подтвержденного особым Высочайшим повелением Государя, было бы без сомнения осуществлено всецело. А это дало бы Николаеву прекрасный фонд для развития у себя благоустройства и производства. Между тем, лишенный более половины своего земельного надела и замкнутый в круг интересов военноморского поселения, он переживал год за годом в полной неподвижности своего быта, существуя только от адмиралтейства и от корпуса флотских офицеров.

Седьмой десяток существования Николаева, с 1850 по 1860 год, не оставил по себе уже никаких следов чьей бы то ни было горячей деятельности в городе на пользу его благоустройства. Все, что стоит сказать про этот период прошлого Николаева, будет касаться только Крымской войны. Так как первоначальный театр войны 1853—1856 гг. был за Дунаем, то на выручку к Севастополю вся наша армия от Дуная и ратники некоторых губерний с севера спешили в Крым через Николаев. Во время этого перехода громадных вооруженных сил страны все дома в Николаеве постоянно были битком набиты солдатами и ратниками. Из Крыма раненых доставляли в ближайшие города. Таким образом свозились они в Николаев. Каждый отряд, проходя через Николаев, оставлял в нем своих больных. Следовательно, здесь пришлось тогда образовать и лазарет на 15,000 кроватей (42). Подходящего здания для него не находилось и потому тысячи больных лечились и умирали в разных местах города, размещенные, что называется, по мере возможности. Смертность между больными была, разумеется, ужасная. Тиф свирепствовал немилосердно. Как на полях сражения, хоро-

пили тут мертвых в общия могилы. Неустроенный, бедный, заглухший город выносил все это честно и дружно. А когда у Очакова показался неприятель, начальство, потерявшее уже веру в существовавшую организацию оборонительных средств, стало ждать нападения и на Николаев (43). Городское общество не разбежалось. Верное народным преданиям, оно высказало готовность отстаивать перед неприятелем свой бедный, служилый город, состоящий на половину из хат с камышовыми крышами. И так как в те времена ни в каком случае ни пароду, ни обществу не представлялось самостоятельности решения по какому бы то ни было вопросу общего интереса, то самую идею защиты Николаева стрелками из-за каменной стенки историк обязан отнести всецело к изобретательности и сообразительности тогдашних распорядителей. Про городское же общество историк должен сказать только то, что оно готовилось и к этому невозможному способу борьбы на смерть, за национальную честь своего города. Оно ассигновало 7,000 руб. на восстановление городской стенки со стороны степи и на пробитие в ней амбразур для ружей (44). Руководство этим ненужным делом возложено было на полициймейстера, после чего граждане по наряду выходили вместе с солдатами на работу и исполняли ее, как требовалось. Но вот кончилось тревожное время Крымской войны. За все это время никто ни разу не выстрелил в Николаев. Его дома и хаты стояли невредимы. А потому Россия не считала его ни разрушенным, ни даже пострадавшим. Между тем в этом городе $\frac{3}{4}$ населения принадлежало к среде морского ведомства. В этой части населения так же, как и в Севастополе, масса семейств морских офицеров и матросов оплакивала смерть своих мужей, братьев и сыновей, легших костями на севастопольских бастионах. А самая жизнь города уже совсем, как севастопольская, была разбита для всего населения. Многим целость, невредимость их домов только мешала прискаты к себе новый род жизни где-нибудь в другом месте. В войне погиб Черноморский флот. Его адмиралтейство прекратило свое действие (45). А Николаев, как сказано, давно уже жил от адмиралтейства да корпуса морских офицеров и чиновников. Таким образом, с окончанием войны для Николаева наступило самое крити-

ческое время. Никаких подрядчиков, ни поставщиков, ни мастеров, ни даже черно-рабочих уже не нужно было начальству.

Чем же жить? Вот вопрос, ставший тогда в Николаеве единственной темой для мышления жителей. Рабочий люд, как беднейшая среда, не мог долго задумываться и потому стал расходиться во все стороны. Наиболее обстоятельные подрядчики и поставщики один за другим выезжали из города. Многие из моряков перешли в балтийский флот. Оставшиеся в Николаеве низвели свою деятельность на безцельное и безсодержательное существование изо-дня в день. В опустевшем, обезлюдевшем городе жизнь совсем остановилась, не предъявляла уже никаких запросов. Между тем на окраинах города безработица более и более деморализовала население. И это печальное положение вещей дошло до того, что по заходе солнца в Николаеве стало опасно выходить из дому. Число уголовных дел по Николаеву стало превосходить число их по нескольким уездам. Это несчастье вскоре до такой степени укоренилось, что долго давало себя чувствовать даже и по совершенном устранении причины. Много лет спустя, когда город совсем уже возродился, его управление, ходатайствуя об открытии в Николаеве отделения окружного суда, указало на ужасную статистику уголовных дел по Николаеву¹⁾.

IX

С наступлением шестидесятих годов, т. е. восьмого десятилетия существования Николаева, весь строй, весь смысл жизни этого города стал совершенно изменяться. Новый губернатор, генерал-адъютант, адмирал фон Глазенап, зачал новую жизнь города. Если благодетельное Городовое Положение Императора Александра II, введенное в Николаеве двенадцать лет позднее, не показалось целым переворотом, то это только потому, что в сущности реформа началась в Николаеве 12 лет раньше, именно: деятельностью предвестника ее, Богдана Александровича Глазенапа. Но прежде чем говорить об этом замечательном периоде жизни Николаева, необходимо хоть в главных чертах

¹⁾ Все это еще в памяти живых свидетелей. Документы — в архиве городской управы.

представить Николаев 1860 года¹⁾. В нем было домов 5151 (не считая казенных). Это число разделялось между домовладельцами так:

Военно-морским офицерам и чиновникам, состоявшим на службе и отставным, принадлежало	973 дома
Нижним чинам того-же ведомства, служившим и отставным	3016 домов
Священникам	12 домов
Купцам	343 дома
Мещанам	717 домов
Иностранцам	33 дома

В первые две категории домовладельцев вошли и не принадлежавшие к морскому ведомству, но их число наверное было ничтожно и потому нет надобности стараться о выделении их в особую категорию. Во всяком случае 77,4% всего числа домов принадлежали лицам, которые, как не причисленные ни к купеческому, ни к мещанскому сословию, не входили в состав городского общества. Права голоса на городских выборах они не имели и никаких повинностей не несли.

Жителей мужского пола было	22 080
Жителей женского пола было	15 510
Всего	37 590

В этом числе 24,080, следовательно 71,2% составляли лица, принадлежавшие к военно-морской среде.

Обороты по хлебной торговле доходили до 1 700 000 руб. Хлеб скупался с возов на местных базарах. Часть доставлялся партиями прямо в магазины. Он шел на местное потребление, а частью отправлялся на каботажах в Одессу.

Торговля бакалейная, мануфактурная и железными товарами	до 1 200 000 руб.
Лесная	до 600 000 руб.
Торговля скотом	до 600 000 руб.

Смета городских доходов и расходов в 1860 г. представляла следующие цифры:

¹⁾ Дело Канц. воен. губ., 1860 г., № 8184 (7238).

ПРИХОДЫ

С земли	4 376 руб.
С торговых площадей	5 421 руб.
С городских зданий	4 675 руб.
С воды спасского бассейна	1 105 руб.
С торговых документов, трактиров и с протестов векселей	7 863 руб.
С откупа	1 911 руб.
Случайные доходы	749 руб.
Итого	26 100 руб.

РАСХОДЫ

Жалованье служащим в думе, магистрате, сиротском и словесном судах и в квартирной комиссии	5 180 руб.
Содержание полиции	9 683 руб.
Содержание пожарной команды	3 022 руб.
Содержание канцелярии губернатора	5 493 руб.
Пенсии	199 руб.
Ремонт городских зданий, отопление, освещение и очистка	2 175 руб.
Содержание больницы и богадельни	1 360 руб.
Экстраординарные расходы	1 044 руб.
Итого	28 146 руб.

Дефицит в этом году не был фактом случайным, напротив, в те времена уже иначе и не сводился счет городской кассы. Это обстоятельство отчасти затушевывалось с помощью Городового комитета, а также маскировалось самым отсутствием правильного счетоводства.

Представляемые данные состояния Николаева в 1860 году достаточно ясно свидетельствуют, что в то время трудно было даже думать о благоустройстве города.

Следует прибавить, что трех-классное уездное училище содержалось из доходов Городового комитета, а «лаидкастерский класс» при этом училище — купечеством посредством простой раскладки.

По закону право голоса в делах города имели тогда 39 почетных граждан, 254 купца и 3877 мещан. Но на деле было иначе. По установившемуся обычаю для избрания городского головы, шести гласных думы

и прочих должностных лиц городского управления, избирательное собрание составлялось следующим образом. Дума «общее с магистратом», при участии мещанского старосты, открывала соединенное присутствие и решала вопрос: кого из обывателей допустить к участию в выборах? Это нарушение коренного закона делалось потому, что все общественные деятели находили затруднительным предоставлять являться на выборы и на обсуждение городских интересов всем имеющим на то право по закону, значит тысячам граждан. И вот, обыкновенно в соединенном присутствии совершенно произвольно решалось пригласить 100 купцов и 100 мещан, при чем и намечалось кого именно — из тех и других. И такое сокращенное и подобранное городское общество избирало на три года: городского голову, бургомистров и ратманов в магистрат, шестерых гласных думы, ратманов в полицейское управление, оценщиков недвижимого имущества, депутатов в ревизионную комиссию, попечителя больницы, словесных судей и депутатов в квартирную комиссию. Кроме того, одни купцы особо избирали тоже на три года: членов Городового комитета и торговых депутатов. А одни мещане — мещанского старосту, рекрутских старост и десятских. Затем в ведении Городовой думы состояла еще ремесленная управа. Эта сама избрала своих должностных лиц. В сиротский суд члены избирались каждым сословием отдельно. Городской голова председательствовал во всех сословных и всесословных учреждениях.

Никто из служивших по выборам, за исключением ремесленной управы, никакого жалованья не получал. Все это служило только из чести и преданности интересам города. А по закону никто из выбранных даже не имел права отказаться от указанной ему службы, если не имел к тому уважительных причин.

Постановления избирательных собраний городского общества были обязательны для думы, но этот закон не имел серьезного значения вследствие практиковавшегося способа составления избирательных собраний.

Вот в каком состоянии был Николаев, когда губернатором его назначен был генерал-адъютант, адмирал Глазенап.

Новый губернатор начал с того, что выяснил себе

состояние города. Для этого он образовал несбывную, невиданную комиссию по принципу всеословности. В эту комиссию вошли и дворяне, и купцы, и мещане, и ремесленники, и военные, и гражданские чины. Председателем ее был назначен адмирал Юхарин. И никогда еще в Николаеве никакое учреждение не работало так разумно и горячо, как эта «Юхаринская» комиссия. Исследовав положение вещей за прошлое и настоящее время, комиссия составила замечательный доклад, в котором изложила и свой проект необходимого переустройства городского управления. Но не пришлось адмиралу Глазенапу осуществлять этого проекта, потому что в то время правительство уже вырабатывало новое Городовое Положение для всей империи. Однако же, самое составление в Николаеве проекта реформы разбудило в городе умы, зародило совсем новое настроение общества. В это же самое время Богдан Александрович Глазенап частными беседами в городе и формальными представлениями правительству разом поднял следующие вопросы: об открытии иностранным судам доступа в Николаев, т. е. об окончательном открытии николаевского коммерческого порта; о постройке к Николаеву железной дороги; об открытии в городе всех необходимых учебных заведений: школ грамотности, ремесленного училища, гимназии мужской и женской и университета.

Население Николаева, изнывавшее в своем неустойчивости, разстройстве, а главное: в своем существовании ни для чего уже не нужном, вдруг стало призваться авторитетною властью и для всех любезною личностью к полной жизни самостоятельного общества, к жизни, которая бы текла в связи с интересами всего края, соответственно требованиям времени, — во благо собственное и всей страны. Супруга этого губернатора вносила и с своей стороны в николаевское общество прекрасную светлую струю живой жизни. Эмилия Антоновна Глазенап посвятилась основанию в Николаеве общественной благодарности. Таким образом зачалась в этом городе совсем новая жизнь, при чем на всякий призыв достойнейших представителей славной эпохи дружно откликнулись лучшие люди всех слоев николаевского общества. Бедный, несчастный, совсем уже замиравший город, обходившийся одним уездным училищем и одним девичь-

им приходским, развивавший в своей жизни только уголовщину, выявил оживленную деятельность лучшей среды и стал строить свою гражданственность, свою общественную личность на новых началах: на началах самостоятельного города, живущаго общеою жизнью страны.

Из всей программы удовлетворения нужд Николаева адмиралом Глазенапом прежде всего осуществлено было, в 1862 году, открытие коммерческого порта и в 63 — мужской гимназии. Затем в разных частях города стали открываться школы грамотности: явилось их пять, шесть, десять, пятнадцать! Число этих школ дошло было до 19. Во всем крае ни в одном городе равном по населению нет и теперь такого числа первоначальных школ. Явился тогда в Николаев и приют благотворительного общества, — для убогих, престарелых и найденышей. Это учреждение тоже вскоре превзошло своим устройством и значением почти все ему подобные в целом крае. С каждым годом Николаев, не изменяя своего облика, т. е. оставаясь без мостовых и с массою камышевых крыш, стал более и более изменяться в своем внутреннем содержании.

Из всего того, что было намечено в программе адмирала Глазенапа и что удалось осуществить, позднейшим делом вышла железная дорога.

Но как трудно, как тяжело давалось адмиралу Глазенапу осуществление того, что зависело не от него и не от общества. Его ходатайство об открытии для иностранных судов Николаевского коммерческого порта встретило в министерствах традиционное предубеждение против полезности такого преобразования. Министерство финансов в отзыве от 23 ноября 1860 г., высказавшись против ходатайства Николаевского губернатора, запросило мнения о том министерства иностранных дел. Последнее ответило так:

«До тех пор, пока на России лежит обязанность допускать в порты свои по берегам Черного моря иностранных консулов, желательно, чтобы наше правительство, по собственному побуждению, не размножало таких местностей, и что это соображение может быть подчинено лишь положительному убеждению, что при

открытии Николаевского порта произойдут особенно-значительная выгоды для нашей торговли¹⁾).

С своей же стороны министерство финансов высказало, «что торговля при Николаевском порте всегда производилась в самом незначительном размере, так что таможенные сборы Николаевской заставы в десятилетие 1849—1859 гг. составляли в средней сложности лишь 75 руб. в год». Таким образом закрытие собственно Николаевского порта для иностранных судов не представляло особенной важности в торговом отношении. Но так как закрытие лиманов для иностранных судов «чрезвычайно стесняет отпускную торговлю», то министерство финансов, по соглашению с морским и иностранных дел, высказало, что «для оживления нашей отпускной торговли в лиманах необходимо открыть для иностранных судов порт Херсонский, а затем в Николаеве учредить таможенную заставу для каботажных судов и для надзора за иностранными судами, чтобы они не завозили контрабанду в Николаеве²⁾».

Таким образом три министерства были против удовлетворения ходатайства адмирала Глазенапа. Но в то же время управляющий морским, адмирал Краббе, во исполнение поручения великого князя Константина Николаевича, предложил адмиралу Глазенапу представить Его высочеству непосредственно объяснение по этому ходатайству за Николаев. Разумеется, тут уже чувствовалось расположение великого князя к Николаеву. Но что же мог адмирал Глазенап представить нового, неотразимого, против высказанного министерствами? Однако же, надо думать, что адмирал с достаточною убедительностью изложил Его высочеству свои априорические, умозрительные доводы, потому чрез год с небольшим, когда Богдан Александрович находился в Петербурге, а именно 17 апреля 1862 года была получена от него в Николаеве следующая телеграмма на имя исправляющего должность губернатора: «Генерал-адмирал приказал сообщить телеграммой, что 10 апреля состоялось Высочайшее повеление открыть Николаевский порт с 1-го июля сего года для иностранных судов и учредить в нем таможенную первого класса. Объявите ду-

¹⁾ Дело Канцелярии Николаевского Военного Губернатора 1862 г. № 8762.

²⁾ Там же.

ме¹⁾. Последние два слова этой телеграммы заключали в себе не обычное распоряжение, а то чувство, которым достойнейший Богдан Александрович был проникнут в течение всей своей губернаторской деятельности.

Как однако ошибочно смотрели тогда в означенных министерствах на значение Николаева для интересов страны. С окончательным открытием этого коммерческого порта, он вскоре стал третьим в Империи по размеру вывозной торговли.

Открытие в Николаеве порта совпало с великой крестьянской реформой, с восстановлением свободного труда в этих черноземных степях нашего юга. Прошел год, другой, третий и эти степи завалили Николаев хлебом. Город, состоявший так долго на послугах у своего адмиралтейства, разом и уже на веки вошел в неразрывную связь с обширною землей, орошаемую Бугом, Ингулом, Висунью, Ингульцем и даже Днепром. Таким образом город, бывший уже лишним, никому не нужным, стал споспешествовать развитию благосостояния своих земских людей, стал посредником между ними и разными странами Европы. Николаев стал тою общественною личностью, история которой уже составляет отдел в истории народа. Нравственные, гражданские и экономические интересы Николаева стали уже общими русскими интересами. Его церковь, школа, больница, театр, газета, железная дорога, радость, несчастье — все это несомненно имеет уже большее или меньшее влияние на жизнь тяготеющего к нему населения. Теперь государство, делая что-нибудь для Николаева, не ему это делает, а краю. Николаев — это уже известный центр.

(Продолжение следует)

¹⁾ Там же.

КОММЕНТАРИИ

1. Стр. 108. Причерноморские земли, входящие сейчас в Николаевскую, Одесскую, Херсонскую и Запорожскую области, никогда не были «исконно славянскими». Это была безлесая, поросшая могучими травами равнина, называвшаяся Диким Полем. Область расселения славян, как известно, лежала севернее (в лесостепной и лесной зонах). За тысячелетия через Дикое Поле прошло около 20 народов, некоторые из них, например, остготы, кочевали в этих местах по сто и более лет.

С XVII в. эти места заняли ногайские татары (в частности, в низовье Южного Буга кочевала Едисанская орда), которые стали вассалами крымских ханов. После завоевания русскими войсками причерноморских земель в конце XVIII в. часть Едисанской орды была переселена в 1790 г. в прикаспийские степи и долины Дагестана. Только в 1812 г. остатки орды откочевали из низовий Южного Буга в Бессарабию. Еще с XVI в. Северное Причерноморье было захвачено турками, которые жили в основном на побережье в крепостях (Хаджибей, Очаков и т. д.). Причерноморье составляло одну из областей (вилайетов) Турции (БСЭ). Запорожцы арендовали здесь у турок водные и земляные угодья для ловли рыбы, добычи соли, скотоводства и т. п. (Томилов. Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Атаманской шорты во владение Российской империи землям, 1774 года. — Записки Одесского общества истории и древностей. Том 7, 1868, с. 166—188).

2. Стр. 108. Как уже упоминалось в примечании 1, в районе нынешней Николаевщины кочевала Едисанская орда. Разбойничьи шайки татар, по свидетельству очевидцев, рыскали еще на дорогах и позже. (Полномочный И. А. Род мой и происхождение. — ЗООИД. Том 15, 1889, с. 683—710).

3. Стр. 109. Не «крымские», а ногайские татары, ко-

торые были вассалами крымского хана (см. комментарий выше).

4. Стр. 109. Турки, как упомянуто выше, жили только на побережье моря и в низовьях Днепра в крепостях.

5. Стр. 111. Херсон основан по предложению князя Г. А. Потемкина в 1778 г. как кораблестроительный центр на Черном море. Для охраны адмиралтейства и города была сооружена крепость.

6. Стр. 111. Михаил Леонтьевич Фалеев — помощник Г. А. Потемкина по освоению и преобразованию присоединенного к России края. Обеспечивал строительство Херсона и Николаева (см. статьи А. П. Соколова, Н. А. Кухар-Онышко в настоящем сборнике). Место для будущего Николаева нашел штурман Гурьев.

7. Стр. 111. Михаил Григорьевич Ливанов родился в 1751 г., окончил Московский университет, изучал сельское хозяйство в Оксфордском университете, впоследствии назначен профессором Екатеринославского университета, основанного по инициативе Г. А. Потемкина. В 1788 г. участвовал в осаде Очакова. С 1790 г. руководил школой практического земледелия и животноводства в Богоявленске (совр. Корабельный район Николаева). Занимался поиском полезных ископаемых в Северном Причерноморье. Умер в Николаеве в 1809 г. (Умеренков А. Первые агрономы в Николаеве. — Южная правда, 5 июня 1977 г.).

8. Стр. 111. В первые два года существования Николаева, как судостроительной верфи, он представлял всего лишь небольшой поселок. Быстрое развитие города началось только с 1792 г. (о развитии раннего Николаева см. статью Ю. С. Крючкова в настоящем сборнике).

9. Стр. 112. На запрос министра полиции (1811 г.) о происхождении названия города полицейское управление Николаева, специально изучившее этот вопрос, ответило, что город назван в память о взятии русскими войсками крепости Очаков 6 декабря 1788 г. в день Святого Николая (ГАНУ, ф. 230, оп. 1, д. 30, л. 14).

10. Стр. 113. Статус города дан Николаеву примерно в октябре 1790 г. (см. статью Ю. С. Крючкова в настоящем сборнике).

11. Стр. 113. Эрнест Вильгельм Дримпельман — не-

мецкий врач на русской службе. Родился в 1758 г. в Бютцове (Мекленбург). Окончив университет, уехал в Копенгаген, где служил на датском флоте. С сентября 1779 г. находился в России, посещал медицинский факультет в Петербурге. В 1780 г. получил место морского врача в Кронштадте. Плавал на кораблях русских эскадр. В 1783—1790 гг. — военный врач в армии Г. А. Потемкина и на флоте. С 1790 г. жил в Риге, написал ряд научных работ и «Записки», в которых живо описал события 1783—1790 гг. на юге России. Умер в 1830 г. (Записки немецкого врача о России в конце прошлого века. — Русский архив, 1881, т. 1, с. 33—51).

О хронологических ошибках Дримпельмана см. также статью Ю. С. Крючкова в настоящем сборнике.

12. Стр. 114. Оценка Г. Н. Ге ошибочна: население Николаева в 1790 г. было еще меньше. Согласно архивным данным, даже в 1791 г. оно составляло всего 147 человек обоего пола (Ляликов Д. И. Занятия общества по поручению правительства. — ЗООИД. Т. 2, 1850, с. 739—795).

13. Стр. 114. На плане города (около 1794 г.) имеется также церковь Св. Николая в центре квартала, ограниченного современными улицами Плехановской — Шевченко и Пушкинской — Наваринской. (Чертеж города Николаева и урочища Спасского — ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 342, карт. матер. № 158). Известно, что деревянная греческая Николаевская церковь была построена прихожанами-греками в первые годы Николаева. В 1799 г. она обветшала, и греки построили новую каменную, существующую и поныне — «Греческая» церковь на углу совр. улиц Фалеевской и Розы Люксембург (Гавриил. Хронологико-историческое описание церквей епархии Херсонской и Таврической. — Записки Одесского общества истории и древностей. Часть I, 1848, с. 182).

14. Стр. 115. Изучение документов показало, что в 1787 г. устройство верфи еще не началось (см. статью Крючкова в настоящем сборнике).

15. Стр. 115. Викентий А. Ванрезант — военный инженер, архитектор. Родился ок. 1750—60 гг., умер после 1808 г. Принят на русскую службу ок. 1788 г. В 1788—90 гг. служил архитектором Экспедиции (Канцелярии) строений города Николаева, в 1790—92 гг. —

Главный архитектор, капитан. Возглавлял проектирование и строительство многих ведомственных и частных домов в Богоявленске, Николаеве, Херсоне и Одессе.

Иван Егорович Старов (1745—1808) — русский архитектор, академик, профессор. Родился в Петербурге. В 1762 г. окончил Петербургскую академию художеств. Возглавлял комиссии по застройке Петербурга и Москвы. Разработал ряд планов застройки других городов. Автор проектов многих зданий и ансамблей в Петербурге и его окрестностях, Москве и др. городах. Разработал проекты ряда дворцов и домов для Г. А. Потемкина (Таврический дворец в Петербурге, Екатеринославе, Николаеве и Херсоне). Участвовал в разработке первого генерального плана Николаева и ряда проектов зданий в городе (БСЭ).

Франц-Павел Павлович Деволан (Волан) — военный инженер. Родился ок. 1750 г. в провинции Брабант, Голландия. Умер в Петербурге, в 1818 г. С 1787 г. на русской службе, военный инженер Балтийского флота. С 1800 г. генерал-лейтенант; управляющий Департаментом путей сообщений (1812 г.), член Комитета министров (1814 г.). В 1790—1796 гг. разработал проекты ряда крепостей на юге России и руководил их постройкой. Создал ряд проектов гидротехнических сооружений. Разработал чертежи верфи и порта в Николаеве (1790 г.), участвовал в разработке первого генерального плана города в части его укрепления и защиты (Военная энциклопедия. — Пб.: тов-о И. Д. Сытина, 1912, том IX).

16. Стр. 115. На этом месте построен дом городского головы Юриция, сохранившийся до нашего времени (в наст. время — строительная контора).

17. Стр. 116. Могила М. Л. Фалеева и памятник разрушены ок. 1935—1936 гг. Прах переищен в склеп Аркасов у кладбищенской церкви.

18. Стр. 118. В 1794 г. из Херсона в Николаев переехал Главный командир Черноморского флота и портов вице-адмирал Н. С. Мордвинов. Постановлением 26 апреля 1795 г. Черноморское адмиралтейское правление переведено в Николаев, переезд состоялся в 1796 г. (Афанасьев Д. К истории Черноморского флота. — Русский архив, 1902, с. 232).

19. Стр. 118. Иван Иванович де Траверсе, маркиз, адмирал, морской министр.

Французский моряк, капитан, участвовал в войне за независимость Северо-Американских штатов. Принят на русскую службу в 1791 г., генерал-майором гребной флотилии. Командовал гребной эскадрой, затем флотом. В 1802 г. назначен Главным командиром Черноморского флота и портов и военным губернатором Николаева и Севастополя. В 1809 г. назначен управляющим Морским министерством без оставления прежней должности. С этого времени его функции в Николаеве выполнял вице-адмирал Н. Л. Языков. В 1811 г. назначен морским министром. В 1828 г. уволен с поста морского министра. Умер в 1831 г. (Общий морской список. Часть V.—СПб., 1890).

20. Стр. 120. Николай Львович Языков, вице-адмирал. С 1809 по 1811 гг. фактически исполнял должность главного командира Черноморского флота и портов, военного губернатора Николаева и Севастополя (вместо И. И. де Траверсе). Учился в Морском корпусе, в 1771 г. произведен в гардемарины. С 1783 г. переведен в Черноморский флот. Участвовал в сражении с турецким флотом в Лимане, при Керченском проливе и у Гаджибея и Калиакрии. В 1805 г. директор Черноморского штурманского училища. С 1811 г. — главный командир Черноморского флота и портов и военный губернатор Николаева и Севастополя. Умер в 1824 г. (Общий морской список. Часть V.—СПб., 1890).

21. Стр. 121. Алексей Самуилович Грейг (1775 — 1845 гг.) — адмирал. Родился в Кронштадте. В 1785—1796 гг. изучал морское дело в английском флоте. Участвовал в войне России против Франции в 1798—1800 гг. В русско-турецкой войне 1806—1812 гг. успешно командовал отрядом кораблей в эскадре Д. Н. Севявина при взятии островов Тенедос и Лемнос, в Афонском и Дарданелльском сражениях (1807). В 1816—1833 гг. — Главный командир Черноморского флота и портов, военный губернатор Николаева и Севастополя, много сделал для укрепления боеспособности флота. В русско-турецкой войне 1828—1829 гг. флот под командованием Грейга успешно действовал на коммуникациях противника и при взятии Анапы, Варны и др. крепостей. С 1833 г. член Государственного Совета. В 1834—

1839 г. возглавлял Комитет по строительству Пулковской обсерватории (БСЭ, Крючков Ю. С. Алексей Самунлович Грейг. — М. Наука, 1984).

22. Стр. 122. Павел Иванович Вавилов—лейтенант, адъютант А. С. Грейга. На месте дачи Вавилова в настоящее время находится 3-я городская больница.

23. Стр. 123. Николай Андреевич Аркас (1818—1881)—адмирал, генерал-адъютант. Родился в Николаеве. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 г. служил волонтером на корабле «Императрица Мария» (ординарец командира). В 1830 г. окончил штурманское училище в Николаеве, гардемарин Черноморского флота. С 1833 г.—мичман. Плавал на ряде кораблей. В 1844 г. командирован в Петербург. В 1856 г. предложил организовать и затем возглавил Русское общество пароходства и торговли. В 1871—1881 гг. главный командир Черноморского флота и портов, военный губернатор Николаева и Севастополя (В. Яковлев. Николай Андреевич Аркас. — ЗООИД. Том 15, 1889, с. 864—865).

24. Стр. 124. Нельзя согласиться с этой оценкой деятельности А. С. Грейга на пользу города. Здесь Г. Н. Ге противоречит самому себе и своим же восторженным словам о деятельности Грейга, приведенным в главах VIII и IX. (О деятельности Грейга как губернатора Николаева см. — Крючков Ю. С. Алексей Самунлович Грейг. — М., Наука, 1984).

25. Стр. 124. В другом источнике указано иное имя: городской голова Егор Григорьевич Кустов, пробывший шесть лет на этой общественной должности. По представлению Грейга Кустов за бескорыстную и честную работу на этом посту был награжден золотой медалью на анненской ленте (Сайн Н. Еще материалы для биографии адмирала А. С. Грейга. — Морской сборник, 1862, № 8, с. 55).

26. Стр. 125. Борис Васильевич Фан-дер-Флис, инженер-гидротехник. Родился в 1762 г. в Нинпорте (Голландия). С 1792 г. — на русской службе, работал в Кинбурне, Одессе, Туле, Херсоне, Запорожье. С 1819 по 1828 г. — в Николаеве, гидротехт Черноморского адмиралтейского правления. С 1828 г. жил и работал в Одессе. Построил большое число гидротехнических сооружений. В 1819—1828 гг. разработал проект «самотечного» водопровода в Николаеве. Построил эллипс

для 100-пушечных кораблей, Морскую астрономическую обсерваторию в Николаеве, разработал план благоустройства улиц города (освещение, замощения, тротуары и т. д.). Умер в Одессе, в 1846 г. (Русский биографический словарь. Том 21. — СПб., 1901).

27. Стр. 126. Михаил Петрович Лазарев (1788 — 1851 гг.) — адмирал, генерал-адъютант. После окончания Морского кадетского корпуса служил волонтером в английском флоте. С 1808 г. служил в Балтийском флоте. В 1812 г. участвовал в высадке десанта у Данцига. Совершил три кругосветных плавания, командуя судами. Участвовал в экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена, завершившейся открытием Антарктиды. В 1827 г. в составе эскадры Л. П. Гейдена, командуя кораблем «Азов», успешно участвовал в Наваринском сражении. С 1832 г. — начальник штаба Черноморского флота. В конце 1833 г. назначен исполняющим обязанности, а затем и Главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором Николаева и Севастополя. Организовал ряд десантов на Кавказское побережье для борьбы с Шамилем. Умер в Вене (БСЭ).

28. Стр. 127. Александр I посетил Николаев в августе 1818 г.

29. Стр. 130. На этом месте сейчас находится здание Клуба юных моряков.

30. Стр. 131. Район Поповой балки носит сейчас народное название «Ялты».

31. Стр. 134. С 1813 по 1830 гг. в Николаеве вели дела с Черноморским адмиралтейским департаментом свыше 50 подрядчиков, оборот которых достигал нескольких миллионов рублей в год.

32. Стр. 135. Богдан Александрович фон-Глазенап — адмирал, генерал-адъютант. Окончил Морской кадетский корпус, совершил ряд плаваний на судах Балтийского флота. С 1839 г. переведен в Черноморский флот, командовал отрядами при высадке десантов против горцев. С 1841 г. командовал несколькими судами. В 1847 г. назначен членом Морского ученого комитета. В 1860—1871 гг. — Главный командир Черноморского флота и портов, губернатор Николаева. С 1871 — член Адмиралтейств-Совета (Илляшкевич Л. Морской календарь. Памятная книжка для флотских офицеров на 1876 год. — СПб., 1876).

33. Стр. 135. Снижение поставок и подрядов для Черноморского флота связано с заключением Парижского мирного трактата (1856 г.), согласно которому России запрещалось иметь флот на Черном море. Судостроение было свернуто, корабли Черноморского флота затоплены в Севастопольской бухте. Черноморский флот преобразовали в Черноморскую флотилию (из сохранившихся нескольких судов), которая осуществляла пограничную, таможенную и патрульную службу.

34. Стр. 136. Здание Городской управы построено в 1810 г. вместо первого Магистрата, отобранного для нужд адмиралтейства. Городская управа сгорела через сто лет. На ее месте в 1911 году было построено новое здание Городской управы, сожженное фашистами при отступлении из Николаева (сейчас здесь расположен почтампт).

35. Стр. 136. Городская сточная канава («Мещанская канава») построена в 1795—1797 гг. (ГАНУ, ф. 243, оп. 1, д. 113).

36. Стр. 137. Первые названия улиц предложены полицмейстером полковником П. И. Федоровым в 1822 г. (ЦГА ВМФ, ф. 8, оп. 3, д. 241), однако они не были утверждены А. С. Грейгом. Большинство названий перешло в проект 1835 г.

37. Стр. 137. Проект столбов для фонарей и план освещения улиц разработал архитектор Черноморского адмиралтейского департамента Ф. И. Вунш.

38. Стр. 137. Первое благоустройство центральных улиц города начато при А. С. Грейге по проекту Ф. И. Вунша. Расходы взяло на себя Морское ведомство.

39. Стр. 138. Название «Сухой фонтан» связано с конкретным источником (фонтаном), находившемся на самом берегу Бугского лимана (в бывшем Спасском урочище). От этого фонтана был проведен водопровод в город, а сток воды в лиман («фонтан») был, естественно, заглушен. Отсюда и появился топоним «Сухой фонтан» (еще при А. С. Грейге), перенесенный впоследствии на всю окружающую местность. Этот водопровод показан на плане 1832 г. (ЦГА ВМФ, ф. 326, оп. 1, д. 7236, л. 1).

40. Стр. 138. Водопровод от «Сухого фонтана» до дома Главного командира был построен и работал. Еще в

1863 году он давал 1600 ведер воды в сутки (Шмидт А. Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния. Часть II. СПб., 1863). Попытка провести воду далее в город оказалась неудачной, так как керамические трубы, сделанные подрядчиком некачественно, вскоре лопнули. «Самотечный водопровод» строился за счет флота. М. П. Лазарев, сменивший А. С. Грейга, отказался финансировать дальнейшую постройку водопровода.

41. Стр. 141. Прощальное письмо А. С. Грейга жителям города приведено в статье: Самокишин А. Николаев (Корреспонденции из портов). — Морской сборник, 1864, № 9.

42. Стр. 143. Для госпиталя было приспособлено даже длинное здание канатного завода в Адмиралтействе.

43. Стр. 144. Оборона Николаева в Крымскую войну была хорошо организована. Помимо сухопутных батарей (редутов) были сооружены так называемые «кауфмановские» батареи вдоль всего Бугского лимана — от Спасска до Днепровского лимана. В районе Малой Коренихи была насыпана коса, которая перегораживала почти весь лиман, с Константиновской батареей, а далее забиты в воду ряжи. Узкий проход у левого берега лимана был закрыт впервые примененными подводными минами. Одна из «кауфмановских» батарей сохранилась до сих пор в пределах городской черты, у Широкой балки (Крючков Ю. С. Оборона Николаева в Крымскую войну. — Кораблестроитель, НКИ, 4 и 11 октября 1985 г.).

44. Стр. 144. Городская стена спасла Николаев от чумы, охватившей весь юг после окончания войны 1828—1829 гг.

45. Стр. 144. В Главном адмиралтействе достроили первые в России 130-пушечные корабли с паровыми машинами «Синоп» и «Цесаревич», а в Спасском адмиралтействе было построено несколько паровых корветов с подряда.

РАСПОРЯЖЕНИЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО ОБ УСТРОЙСТВЕ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА И ГОРОДА НИКОЛАЕВА

Записки, поданныя по кончине Князя Потемкина, Адмиралу Н. С. Мордвинову, бывшим Обер-Штерн-Кригс-Коммисаром М. Л. Фалеевым, в 1791 году.*)

Известно, что вся любовь и вся деятельность Князя Потемкина-Таврическаго, в последние годы его жизни, были сосредоточены на образованном им Черноморском флоте, и на созданном им городе Николаеве. Следующия записки, поданныя по кончине его, Адмиралу Н. С. Мордвинову, бывшим обер-штерн-кригс-коммисаром, строителем города Николаева и деятельнейшим помощником Князя Потемкина, М. Л. Фалеевым, заключают в себе многия, весьма важныя предположения и распоряжения князя Потемкина по предметам усовершенствования настоящаго края, из которых некоторыя тогда уже были приведены или приводились в исполнение, а другия — или приведены позже, или приведенныя, по разным причинам оставлены; а некоторыя и вовсе не приведены. — Рукопись этих записок найдена в Николаевском портовом архиве, в делах Фалеева, № 659, в черневом списке.

Ал. СОКОЛОВ.

I

1. Флот иметь в двадцать линейных кораблей; в том числе три флагманских, полагались от 80 до 90 пушек; прочие же 74 пушечные. Фрегатов назначалось четыре сорока пушечных; да двенадцать легких. Двенадцать акаатов и двенадцать бригантин; последния тридцать шесть судов должны были служить к составлению гребнаго флота, с прибавлением только нескольких канонир-

*) Морской Сборник т. XIX № 11 1855 г.

ских барказов и лодок. Флот содержать всегда в комплекте; практиковать по часту на море, матроз и солдат Севастопольскаго полку в оный назначенный и приморскаго корпуса. Каких же конструкций должны быть на Черном море те корабли, фрегаты и другие суда, зделаны оным чертежи, ради утверждения и на предбудущия времена, по нижеследующему, кратко о сем показанию:

90 пуш. корабли, против нынешняго флагманскаго «Рождества Христова», а 74 пуш. — конструкцию по построенным в Херсоне «Богоявлению» и «Святой троицы».

40 пуш. фрегаты, конструкцию против построеннаго в Херсоне корабля «Навархии Вознесения Господня». А вооружение: главный дек 18 фунтовыми пушками; шканцы же полукартаульными единорогами.

Легкие фрегаты, конструкцию по строящимся в Херсоне и Николаеве фрегатам. А вооружение: боковыя, 18 фунтовыя пушки; носовыя погонныя 3-х пудовыя гаубицы; а на шканцах 1/4 картаульные единороги.

Акат или род шебеки, конструкцию по построенным в Николаеве двум акатам. А вооружение: носовыя 3-х пудовыя гаубицы, а боковыя 18 и 12 фунтовыя пушки.

Бригантина, конструкцию против построенной в Херсоне «Благовещения». А вооружение: носовое, гаубицы 3-х пудовыя; боковое 18 и 12 фунтовыя пушки.

Канонирской барказ, в конструкции, подводною частию против построенных в верху Днепра; и вооружение: по одной на носу 24 фунтовыя, также на корме 18 фунтовыя пушке.

Сверх того заготовить приказано лес в Молдавии на 120 пуш. корабль.

2. Заложить два 90 и 80 пушечные корабля: один в Николаеве, а другой в Херсоне; дабы по числу эскадр были с ныне имеющимся 3 корабля большые флагманские.

3. Из фрегатов, строенных в Херсоне и Николаеве, в подводной части обить медными листами, ради легкости и сохранения от червоядия; первее два, а со временем и корабли и фрегаты обивать медью.

4. Против вышеписаннаго, предполагаемаго штата флотам, сделать штат и содержанию оных, с потребными дополнениями, как для людей, так и для починки

и строения судов, и соображая нынешней штатной суммы исчисление, по оному и на потребныя дополнения положить, дабы всегда уже ассигновать сию сумму.

5. Артиллерию иметь во флотах: частью Аглинскую, из наличной; а более, всю почти, медную; для чего и заведен в Херсоне литейной завод, из котораго и укомплектован уже медными орудиями один ново-построенной корабль.

6. Транспортныя суда для Черноморскаго флота, в збережение Здешняго леса, построить в Петербурге или Олонце, коим и зделать чертежи такие, чтоб суда сии вмещали около 30 тысяч пуд, а в случае военном могли бы быть вооружены хорошою артиллериею и способны для крейсерства на Черном море.

7. Леса на корабельное строение и мачты, доставать из Австрийских земель или других мест; а где сыщутся в России у владельцев, закупить и иметь в ведомстве казенном, по которым определить смотрителей, а к разсаживанию и рашению, искусных людей, дабы тем сохранить леса на предбудущее время.

8. Вместо магазина, для лучшаго сохранения лесов, под водою избрать удобное место, в реке вместо канала, где леса затопя, держать в воде; поелику примечено им, что под крышею в хороших магазинах, от переменнаго воздуха и великих жаров, леса повреждаются, а в воде хранящиеся прочности не теряют и гнилости не подвержены; по вынутии из воды и пообделке, во время строения, просыхать успевали по здешнему климату.

9. В Севастополе и Николаеве сделать краны, такие на коих бы мачты больших кораблей ставить было удобно.

10. К удобной проводке кораблей, вычистить фарватер в устьях Ингула (где уже большею частью углублен) и пред Очаковым, для чего иметь лучшия машины; а чтобы потом очищенный сохранить подолее, фарватер в Игуле, от верфи до устья, обе стороны берегов обделкою укрепить.

11. Для главной починки сделать в Спасском доке, дабы, ветхие корабли, доставя туда перетимберовывать; в разсуждении того, что в Севастополь и в мирное время и имея довольно транспортных судов, ни как не возможно доставить такого количества лесов, которое достаточно бы было на перетимберовку; ибо и на малыя

починки флота, доставление туда оных и других материалов, стоит казне дорого и сопряжено с немалыми трудностями, по причине, что сухопутная доставка медлительна и неудобна, а судами едва навозить можно лесов на верхния починки. На против того, в Спасском лесов можно иметь в довольном количестве, и стоять будут дешевле; корабли же, по малом уменьшении груза своего в Очакове или Кинбурне, свободно могут проходить в Спасское. Но для очистки и небольших починок, таковой же док сделать полагаемо было и в Севастополе.

12. Порт Севастопольский, хотя весьма удобен к пристанищу флота; но для морских чинов и служителей жилищ, а для хранения материалов и провианта магазин, по умножению флота, недостаточно; хотя же и есть несколько магазинов, но и те строены по скорости, и теперь уже ветхи; почему полагал Его Светлость, по окончании войны сделать домам, магазинам с погребами и госпитали план, и по оным производить строение регулярно.

13. Таганрогскую гавань, по последнему рассмотрению, на найденной глубине близь старой, немного к остовой стороне, увеличить так, чтобы и большим мореходным судам стоять, и строение новых производить было можно, при небольшой очистке машинами, дабы чрез сие избежать проводки на камелях.

14. На Днепре, ниже порогов, завести канатный завод, и обратить с Кричевскаго завода собственных Его Светлости мастеровых людей; по той причине, что доставка в порты такелажа медлительна, и с дорогою заплакою; да и завод Кричевской пришел уже в ветхость; тут же завести и верфь для строения гребных судов.

15. В полагаемом в Николаеве, для Черноморскаго флота, училище навигации, назначить штатное положение благородных учеников, ради приуготовления их во флотские офицеры 360, и столько же разночинцов, имеющих поступать в штурмана, шхипера и другия миралтейскому правлению, определить им оных, против Штаб и Ober-офицеров военных.

16. Мастеровых умножить казенных, в разсуждении, что на случай многих вдруг построеный и починок флотов, можно бы исправит работу с желаемым успехом и благовременно, не заимствуя вольнонаемных, кои с трудностью и в продолжении времени из дальних мест

отыскиваемы бывают, и в работах весьма немного об-
выкшие, а при том мало из них соглашающихся в даль-
ния откомандирования в Севастополь, а в военное время
в разныя отдаленныя неприятельские места, где случит-
ся флоту иметь пристанище, как то ныне на Дунае, про-
изводить строение судов; чрез что желаемые успехи в
тех местах, в строениях и починках быть не могут. Кроме
того, платеж сим вольным так дорог, что издерживае-
мая на них сумма в одно военное время, несравненно
более превосходит, нежели потребная на многие годы
для таковогж числа казенных, включая в оное и теперь
по штату положенных штатную сумму. Почему Его
Светлость, сверх предполагаемаго умножения в штат
казенных мастеровых, полагал и поселить еще слободы
из рекрут мастеровых, дабы никогда в них небыло недо-
статка, и люди бы упражнясь в своем ремесле более
становились в оном сведущи; в мирное же время тако-
вые поселяне не имели бы нужды в жалованье занима-
ясь для пропитания собственными в земледелии и дру-
гими работами, когда казенных неслучится.

17. Для поощрения адмиралтейских мастеровых к
усердному исправлению их работ, познанию и прилеж-
ности, определил производить, сверх их жалованья, луч-
шим до 20 копеек в день.

Во флоте: штурманским ученикам, клеркам и писа-
рям, также и в адмиралтействе состоящим в тех чинах,
сверх жалованья, производить мундиры казенные без
вычету.

Во флоте: офицерам, в разсуждении дороговизны съе-
стных припасов, производить порционные на всегда.

Всем служащим квартиры казенныя построить и
дрова давать.

Корабельным мастерам, подмастерьям и других ма-
стерств, как-то мачтовым, блоковым, шлюпочным и про-
чим, прибавить жалованья с преимуществом против
армейских.

Трудящимся по своим должностям во время войны
в исправлении и снабжении флотов, всем обещал исхо-
датайствовать награждение.

II

Какия приказания были Его Светлости Обер-Штерн-
Кригс-Комиссару Фалееву, о строениях в городе Нико-

лаеве и заведениях в окружности онаго и намерения в разсуждении флота, адмиралтейства и мастеровых.

1. Монастырь Спасско-Николаевския лавры построить, на что и план дан; а на кельи и ограду, предоставляя впредь снабдить планом и положением, чтобы монахи были в оном из военных Штаб и Обер-офицеров.

2. Сколько для лучшаго и удобнейшаго для строения кораблей места, столько и для здороваго воздуха и чистых вод, положил адмиралтейство из Херсона перевести в Николаев; а в Херсоне оставить одни только магазины и строение мелких судов, кои без камелей проходить могут; большия же суда и корабли все строить в Николаеве на Буге, где определил доку и камелям быть, и гавань деревянную сделать. Но как по сделании сметы оказалось то строение дорого, и возможность открылась вычистить банку, препятствующую входить в Ингул кораблям, на которой вычищено одною, нарочно для того сделанною машиною, на 10 сажен в длину, и ширину на 4 фута, которая глубиною теперь по вычистке 15 фут; вся же банка простирается на 200 сажен, и надежда безсумненная есть всю оную вычистить; то по сему и особливой способности места, изволил приказать быть адмиралтейству и верфи на Ингуле, где и теперь построение кораблей производится; а на Буге, в разсуждении имеющейся там ключевой воды, иметь док, в которой напускать и выпускать оную без машин.

3. Кадетской Корпус построить на 360 человек.

4. Мастерские магазины, надобныя для Адмиралтейства, все достроить, и берег обделать; для чего и лес заготовлен в Мошнах.

5. Число казарм для житья служителей умножить.

6. Полагал на Черном море иметь кораблей линейных, не ниже 74 пушек 20, фрегатов больших 4.

Легких фрегатов, какия строятся в Николаеве 12.

Акатов, подобно построенных в Николаеве, чтоб из оных гребной флот состоял, и по надобности в море держались и в линии действовали 12.

Бригантия 12.

И потребное число транспортов. Всем оным штат делать.

7. Для сего флота, особливо гребного, корпус составить приморской гренадерской, которому иметь свои непременныя квартиры в Николаеве; работы производить при порте, в мирное время, сими людьми; ими же и леса гнать по Лиману; из сформированных же ныне двух баталионов и полка, приказал учить людей лазать на мачты и ко всей матросской должности приучать, чтоб в случае надобности, могли они сию должность исправлять; и сверх того, чтоб никогда небыло недостатка в мастеровых, приказывал учить рекрут женатых плотничать и другим мастерствам, нужным для Адмиралтейства, и поселить оных до 2000, и 1000 каменщиков. Дать им землю для хлебопашества. Жалованье тогда только производить, когда на работе казенной будут; а в прочем довольствоваться земледелием. Места оным назначить изволил: сверх казенных, около Николаева, купить у владельцев, близ Херсона на Белозерке, у Его Сиятельства Графа Александра Андреевича Безбородки; у Глубокой пристани, господина Генерал-Поручика и кавалера Соймонова, устье Ингульца приторговано; где положено лить чугуны, из негодных пушек и ядер, для чего и завод начал делать Струговщиков. На Буге Русскую косу, и по другой стороне Буга, против Николаева и Богоявленска, занять место, где ключи есть, под поселение. Мастеровых же поселить на Ингуле, на даче помещика Лария.

8. По местам способным в Буге и Лимане, побить сваи приказал, чтобы по оным проходящия суда и плоты, и в противную погоду могли тянуться; что уже отчасти и сделано.

9. На Бугских порогах, определял завести водяные машины для кузнечных адмиралтейских работ, починки якорей; и ружейной завод устроить. В разсуждении удобности, сделать там малым коштом плотины, и поселения мастеровых.

10. Корабль 90 пушечной приказано построить в Николаеве, которой и строится; лесов на набор онаго достаточно свезено; надобны только доски дубовыя и сосновыя, кои весною привезены будут.

11. Доходы с лавок, выстроенных у биржи, с погребов, трактира и кофейной, определить изволил на церков Григсрия Великия Армении, на жалованье священникам, певчим, и на содержание увечных.

12. Церковь аспидом покрыть; а главу и спиц на колокольне вызолотить.

13. Для сей церкви приказал выбрать всю утварь из имеющихся в Кременчуге монастырских, и колокол разбитой Межигорскаго монастыря перелить, с прибавкою меди, чтоб большою был в 1000 пудов, для Спасо-Николаевской лавры.

14. В Богоявленске завести земледелие на Англинскою образец, которое и производится теперь тремя адъюнктами, воспитанными в Англии, под смотрением Профессора Ливанова. Мельницы поделать; построить там инвалидный дом и лучший госпиталь, чтобы в оном и Херсонские больные пользовались, полагая здешнее место и воду несравненно здоровее Херсонскаго; а нынешния временныя палаты госпитальныя, обратить в магазины. И сад аптекарской там развести.

15. Для приохочивания иностранцев к поселению в Николаеве, обещал исходатайствовать сему городу порто-франко на 20 лет.

16. Фонтаны все в Богоявленском и Николаеве, мрамором обделать.

17. Баню Турецкую торговую постронть, приказывал.

18. Господину Обер-Интенданту и кавалеру Афанасьеву за отличные труды его при Адмиралтействе исходатайствовать Высочайшее награждение деревнями.

19. Капитану над Портом Николаевским, Господину Овцыну, обещать изволил, за труды его, орден Св. Владимира; также Инженерному бригадиру Князеву, за неутомимые труды и успехи, оказанные в Николаеве и других местах.

20. За найденныя серебряныя и железныя руды, так же каменный уголь, мрамор и краски, употребляемая теперь при Адмиралтействе с великою пользою для казны, Профессором земледелия Ливановым, обещал вечной пенсией исходатайствовать, и для излечения его болезни, послать на теплыя воды на казенный кошт.

21. Архитектору Ванрезани, обещать изволил, близ Николаева, под поселение 100 дворов землю дать.

22. Ярославских каменщиков, купленных у Мещерской, изволил определять казенными быть, для работ в Николаеве производимых, и приохочивать их к поселению здесь, приказывал стараться.

Покойный Генерал-Фельдмаршал Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический за необходимо нужное, по причине здоровости и других премногих выгод, почел завести на устье Ингула верфь и портовой город, названной Николаев.

1. План оному, с показанием что построено, и что предположено строить, на рассмотрение Вашего Высочайшего Представительства при сем подношу, и сверх того, представляю планы селениям, по его же повелению заведенным, для пользы Адмиралтейства, вокруг города Николаева, а именно, Богоявленску, Воскресенску и Покровску. Поселяны в оных из заштатных церковников, беспашпортных, бродящих и неимеющих пристанища ни где выходцов, из Польши и рекрут женатых; всех оных приказал научить мастерствам, потребным Адмиралтейству, чтоб в случае нужном употреблять их к оным за заплату; главным же упражнением их да будет земледелие, ибо если где оное распространить можно с великим успехом к общей пользе, то в сем наипаче крае; чего для и училище практического земледелия в Богоявленске заведено, где бы не только сих, но и всех желающих сие знать учить; определен к сему Професор земледелия Ливанов и три Адъюнкта: Гребницкий, Козлов, и Сапанкевич, которые показанием легкаго способа в пахании земли и других частях домоводства, охоту к тому возбудили в сердцах Екатеринославских помещиков.

2. Тут же в Богоявленске, полагал покойный завести аптекарской сад и соление мяс; поелику до сего, заготовления мяс подрядчиками небыли довольно прочны к лежанию, и почасту портились на кораблях, так что и в пищу употреблять неможно было. И как мясами снабжать флот Черноморской, так-же горохом, чечевицей и фасолью, из экономии Богоявленской.

3. Близ Елисаветграда, при Черном лесе и Чуте, поселены собственные Его Светлости крестьяне, доставшиеся ему понаследству от матери, и из Тульской губернии переведенные: в слободе Знаменке и Богдановке 552 души мужского пола, да женского 804, и отданы в Адмиралтейские мастерские; а к ним, по повелению Его Светлости, приселено из рекрут женатых

и из церковников 233 (432)¹⁾ души, да вышедших из Польши 45 душ. Там заведено также хлебопашество для Адмиралтейства, рашение хмеля, и солодовню, по образцу Англинскому, строить назначал; и сверх того приказал мне пред кончиною уже своею, сих поселян учить делать Англинские плуги; что и исполняется; имел при том намерение подарить здешней губернии помещикам и в казенные селения, по заключении мира, за услуги оказанныя армии, по плугу Англинскому, и по бороне в каждое селение; для чего и велел оных приготовить на первой случай тысячу. Лес на оные заготавливается в Чуте и на Самаре, и несколько оных уже сделано. Ежели сие благое и человеколюбивое его намерение исполнить, то от куда получать на оные железо и уголь? испрашиваю Вашего Высокопревосходительства повеления.

4. В разсуждении малоимения земли в слободах Знаменке и Богдановке, полагал Его Светлость уделить им из соседственных земель слободу Водяную, коя прежде была Его Светлости, и потом обращена в казаки, в которой и заведен, по повелению Его ж Светлости, фаянсовый завод; сколько на оном мастеров и учеников и что сделано, прилагаю присем ведомости.

5. Слободы Балацковка и Христофоровка, лежащая по Ингулу, в 35 верстах от Николаева куплены покойным Светлейшим Князем для Адмиралтейства же, в коих, по ревизии мужеска полу 190 душ, при которых полагать изволил сделать пороховой завод, для снабжения флота Черноморскаго, на которой и планы деланы, Архитектором Гаганьдорфом.

6. Между сими слободами и Николаевом, есть две дачи, Манора Лария; сии, и посмежности с теми лежащая, намерения имел скупить у помещиков; и все казенные, в пуге лежащая, по Ингулу и между Херсона и Николаева, приписать к Адмиралтейству; на которые селить мастеровых Адмиралтейских.

7. Слободу Привольную, на Ингуле лежащую, в которой жители недавно в казаки поступили, поспоспобности, в Адмиралтейские поселяне обратить. Также, близ Николаева лежащую, на Буге, Матвеевку, к городу приписать; а казаков, в правах казацких селений, за Буг перевести.

¹⁾ То и другое вымарано.

8. Находящимся при должностях Адмиралтейских, и в городе состоящим чинам, отвести земли под хутора, при воде в окружности города; почему жителям и даны места, но не отмежеваны еще и законными планами владельцы не снабжены.

9. Близ Херсона лежащую слободу, Олешки называемую, к Адмиралтейству ж присоединить.

10. При неутомимом попечении своем о благоустройстве всего, заботился много Его Светлость и о лесах корабельных, почитая что в последующия времена не из чего будет флот исправлять, и для того приказывал оныя сеять, при каждом селении Адмиралтейском, несколько десятин. Начало сделано оному в прошлом годе, в Богоявленске и Покровском: 14 четвертей посеяно жолудей, которые все взошли, и теперь более фута выросли. Для надобностей же сельских и городских, Италиянскую тополь садить, как способную к растению скорее всякаго дерева; коей также часть посажена, и видны довольно от того успехи. Сверх сего, намерение имел купить для Адмиралтейства растущие на Самаре леса дубовые, и там размножить оныя посевом и пересадкою молодых дубков.

11. На Ингульце, завести для Адмиралтейства пильную мельницу, и при всех слободах Адмиралтейских, поделать ветренныя мельницы, для молония хлеба, почему одна в Воскресенске и делается.

12. По Бугу и Лиману, до Очакова, на все рыбныя ловли, поселить способных к тому людей, коим быть лоцманами ведомства Адмиралтейскаго.

13. Предписав мне доставлять все возможные выгоды поселянам и определенным в мастеровыя Адмиралтейския рекрутам, лучшим мастерам производить за рабочия деньги по 5 рублей в месяц, а посредственным по 3 рубли; поелику положенным жалованьем немогут они себя одеть и довольствоваться здоровою пищею.

14. Для пристанища судам и плотам, отправляемым из Херсона в Николаев, предписано поделать на 1 глубокой, и ниже Станислава, пристани.

15. Признавал за удобное, карантину быть в двух местах: на Буге, при Волоской косе, и против Спасских лесков, на Коренихи, не в дальнем разстоянии от Николаева. Сие место тем преимущественнее почитал,

что близ города и безопасно стоять кораблям от льду, и починкою исправлять удобно при порте, и мост чрез Буг способен там сделать, и малым издвигением в разсуждении узкого места, менее 200 сажен простирающагося. Против Николаева положено быть перевозу для приезжающих из Валахии и Молдавии и других Турецких мест сухопутно, для коих также карантин потребен, и чтоб и оныя в одном с приезжающими морем содержаны были. Имеющуюся в том месте криницу, приказал мне обделать, так чтоб вода текла к назначаемому перевозу, а когда надобно будет и карантинному дому. Сверх того по берегу Буга, при всех криницах, поделать фонтаны, чтоб проходящая суда могли удобно снабжаться хорошею водою, что в некоторых местах и сделано.

16. Для препровождения судов и плотов чрез пороги, по повелению покойнаго Светлейшаго Князя, лоцмана поселены мною в Каменке и старых Койдаках, служащих 181 человек, коим жалованье по 24 руб. в год из Екатеринославской казенной палаты, и провиант производится.

17. Штат оным и прочим чином, какие должны быть в канцелярии Днепровских порогов, предоставляя Его Светлость сделать в мирное время. Какое от меня в разсуждении сего представление, с примерным штатом, было подано к сведению, Вашему Высокопревосходительству конию у сего представляю: неугодию ли будет, в разсуждении намерения Его Светлости, причислить оных в ведомство Черноморскаго Адмиралтейства представить к Высочайшему благоразсмотрению.

18. В пользу жителей Николаевских и казны, из найденнаго недавно землянаго угля, перевезть в Николаев сто тысяч пудов; ввести оное в употребление в казенных кузницах и партикулярных домах, для варения пищи и согревания покоев, которое, по обошедшейся казне цене, отпускать желающим; а между тем, для отапливания казенных покоев, отпущать дрова. На оное суммы ни отколь не ассигновано.

19. В замену леса, при строениях домов употребляемаго здесь открыт аспид, на Кривом Рогу найденный, из коего делать полы и крыши. Почему, посланные туда Турки и Адмиралтейские мастеровые наломали 130

возов. Краски красной, коя вместо чернеди может употребляться, и карандаша красного, 40 возов; вохры желтой и черной, коя вместо сажи голанской употребляется может, и по пробе оказалась очень годною и нехуже сажи голанской, 30 возов.

ea

❁ ❁ ❁

БРИГАДИР МИХАИЛ ЛЕОНТЬЕВИЧ ФАЛЕЕВ*)

18 Ноября 1792 года, в Николаеве, в шестом часу полудни, после десяти-дневной болезни, скончался, в собственном доме, Бригадир Михаил Леонтьевич Фалеев — муж чести и добра: ревностный помощник Князя Потемкина-Таврическаго в деле образования Черноморскаго флота, верный и деятельный исполнитель его приказаний; искусный строитель судов, правдивый подрядчик, хороший садовник и архитектор, отличный хозяин и знаток во всех предметах; добрый сердцем — по преданию — особенно заботившийся о рекрутах, и великодушный — до того, что подобно Князю Потемкину, жертвовал для саздаваемого им флота, не только своими талантами, но и деньгами... Следующия немногия подробности о его деятельной жизни, извлечены из многочисленных, до пятидесяти больших связей, дел его, хранящихся в Николаевском портовом архиве. Прилагаемым портретом я обязан любезной готовности помогать общему делу, Г. Директора Одесскаго лицея Н. И. Мурзакевича, доставившаго мне его, по первому вызову о моем желании передать соотечественникам память об этом замечательном деятеле в истории нашего Черноморскаго флота; портрет этот снят с оригинала писаннаго масляными красками, по преданию очень сходнаго, хранящагося у самого Г. Мурзакевича. Прилагаемый вид памятника, сделаннаго из простой местной плиты, без всякой надписи, по незнанию точнаго года рождения и кончины, снят на месте, в бытность мою в Николаеве в 1853 году. Памятник этот стоит в ограде, за церковью Собора Григория Великия Армении.

К сожалению, не взирая на множество оставшихся после него дел, мы не имеем многих подробностей о его частной жизни и о всех оказанных им услугах. По до-

*) Морской Сборник 1855 г.

шедшим преданиям, он происходил из Курских купцов. Уже в 1788 году, 23 Июля был удостоен орденом Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 4-й степени, при следующем, собственноручном письме Князя Потемкина-Таврическаго, из лагеря под Очаковым: «Милостивый Государь мой Михайло Леонтьевич. Охота, с какою вы приняли произведение работ в построении лодок канонирских и протчих мореходных судов и усердные труды кои вы прилагали к столь поспешному окончанию, учинили вас достойным к получению Монаршей милости, которая, доставлением вам ордена Св. и Равноапостольнаго Князя Владимира 4-й степени оказана. С уверением с моей стороны, что я не оставляю ходатайствовать о вашем награждении, при поручении вам теперешних новых должностей, ваш покорный слуга». — Впоследствии он получил орден С. Анны 2-й степени, и чин бригадира, скончавшись в звании Обер-Штерн-Кригс-Коммисара флота. По кончине его Черноморское Адмиралтейское Правление, написало в аттестате его, внесенном в журнал этого правления, следующие строки: «возлагаемыя на него поручения Его Светлостию покойным Генерал-Фельд-маршалом, Великим Гетманом и разных орденов кавалером Князем Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим, при самом начатии нынейшей войны, исполняя не только усердно, но и оказал важнейшую услугу отечеству в заведении гребнаго флота, по неусыпному его попечению, в короткое время построеннаго вверху Днепра, и благовременно доставленнаго на службу, в знатном количестве судов, действовавших на Очаковских водах с отличным успехом и известным поражением неприятеля; потом усугубил он отличие своих трудов в поспешнейшей переделке фрегатов на батареи, под большия орудия, для отражения оными неприятельскаго флота, вспомоществовавшаго тогда Очакову; и наконец, в строении новых кораблей в Николаеве, в заведенной им там верфи и порта; и при всех непрерывных его трудах и успехах, и по другим частям многих дел, от покойнаго Светлейшаго Князя ему порученных, не менее он г. Фалеев оказал услуги и истинное усердие к пользам отечества, в доставлении Адмиралтейству знатнаго пособия из собственных своих деревень лесами, в такое нужное время, когда Адмиралтейство, в самом начале войны, вдруг открытой, имея в них край-

нейшую нужду, ни за каких сумм не могло отыскать. Такое служение его г. Фалеева и поднятые им труды, ознаменовавшие ревность его к службе, усердие к пользам ея, и истинную приверженность к повелениям высшего начальства, обратили внимание и привлекли отличие к нему Его Светлости. Почему Адмиралтейское Правление справедливым долгом поставляет с уважением тех услуг г. Обер-Штерн-Кригс-Коммисара и кавалера Фалеева свидетельствовать сим об оных, за подписанием и печатью. Декабря 21 дня 1791 года».

Для Черноморского флота кроме лесов, он еще употреблял подобно Князю Потемкину-Таврическому, своих людей, и свои собственные деньги. Предлагаю здесь собранныя мною письма к нему Князя Потемкина-Таврического, и его письма Князю, объясняющия взаимныя отношения начальника и подчиненного: «подрядчики и вольнопоставщики — писал Князь Потемкин-Таврический — поступают прижимом в нужное время, и делая остановку в строении, от возможности им спускать. Они без денег не хотят доставлять лесов до Херсона, требуя заплаты еще старых долгов. Я конечно заплачу всякому, кто доставит; но их упрямство вышесказанное не потакну. Я приказал г. Губернатору, им объявить о том, что недоставя не получают денег, и леса сгниют; то же и вы им внушите. А между тем все леса, заготовленные в моих Польских деревнях, прикажите отправлять в Кременчуг».

«Г. Обер-Интенданту Афонасьеву предписал я следующих из С. Петербурга в Херсон учителя Жданова с его помощником, двумя мичманами и 23 учениками, не удерживая в Херсоне, поместить их на первый случай выгодным образом в Веревчине. Вам же предписываю немедленно постараться заготовить для них строения в Витовке, и буде никакого нет теперь к помещению их годнаго, то построить на первый случай из камыша с возможною выгодою». 23 Июля 1789 года.

«Получил я рапорт ваш о больных Витовскаго госпиталя; но оный не по всей форме. Вижу однакож, что почти все в одной поре; выздоравливающих мало. Поспешайте киленбалком. Там отделена соседняя дача, где дом и строения довольно». 30 Июля 1789 г.

«Бога ради мой друг Михайло Леонтьевич старайся о скорейшем окончании. Ты не можешь поверить сколь

сие нужно. За ядрами я посылаю, и покаместь придумал способ 24-фунтовые приводить в калибер. 36 ф. и 30 ф. Я удивляюсь однако худому радению Баташева, что во сие время, ни пушек, ни снарядов нет, а деньги братъ любит вперед». Князь Потемкин. 22 Августа 1789 г.

«Михайло Леонтьевич, друг мой, поспешай ради Бога с Афонасьевым отделкою батареи. Я писал к Адмиралу, чтоб вам вспомошествовал. Крайняя нужда. То же и корабль «Св. Леонтия» не забывайте. Христа ради, всех употребите; сыскивай работников. Верный слуга князь Потемкин-Таврический». 22 Августа 1789 г. Собственноручное.

«Постарайся ради Бога поскорей отделать из судов, назначенных в батареи, ради умножения парусной эскадры; особливо таких, кои скорей отделаться могут». Собственноручное, карандашом, без означения времени.

«Аглицкой садовник Гулд, отправлен от меня в Витовку. Покажите ему место, что я назначил для своего дому, между Витовки и дачи Фаберовой¹⁾, где лесок небольшой. Он проэктирует как сей лесок окружить дорогами и обратя в сад, насадить цветов, а паче розанов. Выберет он также место для винограду, для ранжерен, парников и огороду фруктовых деревьев. Ваше попечение будет способствовать произведению в действо всего по его назначению». 24 Августа 1789 г. Собственноручное.

«Фаберову дачу именовать Спасское, а Витовку Богоявленское. Новозаводимую верфь на Ингуле Николаевым; как скоро будет из чего, строить казармы, не разбиваясь, а к месту». 24 Августа. Собственноручное.

«Кто пришлется Командиром в лансоны²⁾ меня уведомьте и о том, хорошоль пойдут лансоны».

«К тому для понуждения нарочнаго отправляю».

«Об досках уведомьте меня, какія цены в Херсоне, и сколько их от Адмиралтейства делается».

¹⁾ Из указанного здесь места для дома князя Потемкина-Таврическаго, можно заключить, что план его был: соединить город Николаев с селом Богоявленским. Тоже подтверждает и местное предание.

²⁾ Гребня и парусныя мелкия суда того времени

«От Черноморских казаков лучше избавиться; а то много шуму, а мало работы».

«Когда будет Гулд, то покажите ему тоже и фонтаны, он даст правило сделать водопады и купальницы. Я здесь прилагаю ему записку подробную о Фаберовом фонтане». 27 Августа 1789 г. Собственноручное.

«Статьи, назначенныя к исполнению Г. Статскому Советнику и кавалеру Фалееву, по сделанным от него предложениям». — Резолюции князя Потемкина-Таврического курсивом.

«1) Перевезть из Херсона в Николаев кадет¹⁾). Поместить как возможно.

2) Для строения монастыря в Спасском, по данному плану, Соборной церкви в Николаеве и в Богоявленске, камень тесаной готовить. — *Камень готовить и строить прежде церковь.*

«3) В г. Николаеве не строить ничего деревянного, а ежели и будут у кого мазанки, то оныя щекатурить. Ежели мазанки, то по примеру здешняго.

«4) Огородов завести и всякой зелени засеять больше, особливо капусты, и обывателей побуждать сады разводить. — *О сем же предписано было, и неоднажды.*

«5) Каменнаго угля и шифра поискать в ближайших от Николаева местах. — *Исполнить.*

«6) Против Богоявленска, где приищется источник, снять место на план; и купальню там сделать. — *Исполнить.*

«7) Док сделать, если позволит глубина, в Тарновке; если же невозможно, то приискать способное место на Буге. — *Для дока отыскать и делать наперед кали²⁾.*

1) Бывший в Херсоне Морской кадетский корпус, о котором, к крайнему моему сожалению, я не нашел никаких сведений в Николаеве, кроме личных рассказов воспитанников его, что был он устроен со всевозможною роскошью содержания. Для подробной же истории основаннаго потом в Николаеве, сперва морскаго корпуса, потом Штурманскаго училища и впоследствии Штурманской роты, бывшей разсадником для воспитания как морских или флотских собственно офицеров, так и штурманов, в продолжение всего двадцати или тридцати летия настоящаго века, у меня собраны богатая данна, которыя повремени и будут обработаны.

2) Особаго рода эленг, объясненный мною в собрании морских слов, напечатанном в XI томе Морскаго Сборника.

«8) Фрегаты, кои будут из Севастополя, перетимбировать; и другия суда также и корсерския, кои способны будут.

«9) Плотников поселить по Ингулу в удобных местах.

«10) Канатный завод построить замком, в удобном месте.— *Замком или иначе; но без затей.*

«11) Для сплавки из Херсона в Николаев лесов, построить способныя к тому плашкоуты.— *На первый случай отправлять на тех, кои есть, и на превращенных из галер.*

«12) Для пристанища байдаков и плотов во время штурмов, поделатъ пристани; да ниже Станиславовой (пристани), в удобных местах.— *Снять планы местам удобным и прожекты сделать, как можно выгоднее казне.*

«13) Соли на продажу в Николаеве привезть из Таврии. — *Привезти.*

«14) Промер сделать аккуратнейший Бугу и Ингулу; ежели не сделано, то и до Березани.— *Исполнить.*

«15) По показанию Артиллерии Капитана Максимова, кузницу и токарню сделать при Николаевской верфи.— *Исполнить.*

«16) Земли около Николаева и Богоявленска, сколько можно больше распахать; и для того сделать еще 20 плугов и более.— *В Богоявленске быть школе земледельства, и для того, Професору Левашову приехать; а я из рекрут или поповичей, женатых поселю.*

«17) На «Григорий Великий Армении» (корабль) поставить привезенные из Кременчуга 10 единорогов и 6—12 ф. пушек, находящихся в Богоявленске; и на ют подобныя набрать там единорожки $\frac{1}{4}$ картаульныя.— *Исполнить.*

«18) На копанках¹⁾ поселить женатых, неспособных к службе.— *Исполнить.*

«19) Заштатных церковников поселить всех в Богоявленске.— *Исполнить.*

«20) «Святую Анну» (корабль), «Парасковией» именовать; и как можно лучше отделать и окрасить показистее.— *Исполнить.*

¹⁾ Копанки — источники; тоже — что криницы.

«21) Есаки старые, находящиеся в Елисавете употребить на железные адмиралтейския поделки в Чуте, а ефесы отдать Г. Максиму, для употребления на заводах его ведомства.— *Исполнить.*

«22) Когда выташат «Св. Анну» (корабль), команды Г. Акимова, то за работу дать двести рублей.— *Взять у меня здесь. 25 Апреля 1790 г. Яссы. Князь Потемкин-Таврический.*

На представленных от Фалеева статьях, в 14 пунктах, резолюции:

«6) На Калише завести верфь для мелких судов, не выше лансонов.

«9) Церковь в Николаеве строить по данному плану; дому же для училища навигации вновь не делать; но поместить оное удобным образом на Фаберовой (то есть даче, — в Спасске).

«11) О назначении уезда Городу Николаеву и учреждении суда, предписываю Екатеринославскому Губернатору.

«12) Отставному Секунд-Майору Якимовичу, удостоенному вами в городничие в Николаеве, приказал я вступить в сию должность. Об утверждении же его в сем звании, представлено от меня Правительствующему Сенату.

«13) Капитана Неплюева употребить в должность Архитектора в Николаеве и туда же определен Протопоп Сегурский». 26 Апр. 1790 г.

«В исполнение данных вам от меня повелений, за нужное нахожу вам от меня предписать, чтоб все мастерския в Николаеве строения, были замком, что и составит адмиралтейство, которое обведа хорошим валом, и для защиты большия сделав по флангам батарен, выйдет из сего хорошая крепость. Дистанцию взять такую, какая по числу мастерских потребна. Г. Старов сделает план, и так такая строения сопряжены с фортификациею, то и согласить ему с Г. Инженер-Майором Воляном все здание адмиралтейскаго правления, при котором и такелажная должна быть». 29 Апр. 1790 г.

«Крайняя настoit надобность учредить походный лазарет в Витовке. Я приказал для сего привести кибитки, домики походные и несколько мулов. Ежели к

сему прибавить еще шалашей, то достаточно будет. Я желаю, чтобы вы всем там распорядились, прииская поставщиков для довольствования на основании моего предписания о госпитале Елисаветградском. Нужно построить баню; приищите для сего лесу. Для построения каменных связей, извести довольно на Фаберовой даче. Я прикажу из Херсона отпустить несколько каторжных, придав вам из пленных». Собственноручное. 29 Июля 1788 г.

«Предписание к точнейшему наблюдению в генеральном госпитале:

«В пищу для больных отнюдь не употреблять вещей нежных, как-то: цыплят, яиц, молока. Сие последнее для нарок (на случай) иметь, как лекарство, но не в пищу.

«Пища должна быть простая, но питательная, которая больным по степени их крепости сил будет предписываться. Слабым бульон или кашу жидкую, употребляя говядины меньше, дабы навар был не очень силен.

«Для тех, кои покрепче, навар сильнее, а кои уже выздоравливают, тем давать и мясо есть, щи и кашу по чаще.

«Говядина чтобы была самая хорошая, а для постных дней варить на вяленой рыбе или снетках.

«Хлеб чистый и холодный, испеченный.

«По утру всем сбить; слабым без горячаго вина, а прочим морской.

«Кисляя щи, чтоб всегда были хорошия и квас яшний.

«Сими способами люди будут довольны и сыты, а казна не потерпит от того убытков, какия бывают от злоупотребления в госпиталях, от больших цен за редкия вещи.

«Капусту принимать хорошую: свеклу, редьку и горох; крупы переменять.

«Белья иметь достаточно и переменять по часту; также и солому.

«Для приготовления пищи и питья, для мытья белья и содержания в чистоте постелей, иметь при госпитале довольно число женщин из солдаток, производя им пристойную плату. Сии женщины должны быть упот-

реблены и к служению больным, для которых по роду болезни прилчен.

«Масла коровьяго, вовсе хорошаго нельзя достать, то и употреблять его запрещается. Каша, вареная с мясом и крутая каша на мясном бульоне, заменить сей недостаток может.

«Булок отнюдь не употреблять; а лучший хлеб кислый». Кн. Потемкин-Таврический. Последние два пункта собственноручно.

«Мяты положить до половины и налить оной простым горячим вином; дать ему устояться несколько дней, пока довольно силы из мяты вытянуло.

«Как скоро понос сделается, дать больному обыкновенную чарку того вина, и продолжать покуда перестанет.

«Если больной уже в жару лежит, то дать две доли чарки вина и одну долю прованскаго масла.

«А ежели жар очень велик и слабость сильна, то дать две части прованскаго масла и одну часть мятной водки, и продолжать до излечения, давая почаще.

«А мята все равно сушеная или свежая.

«Из Любека присланные 10 матросов и мастеровых поступили в Августе 1778 г.

«Целительнаго бальзама для больных 2,600 бутылок с подробным наставлением как употреблять, в Сентябре 1788 г.

«Об одежде для служащих Греков, подробное, собственноручное, наставление подал. Прислано 11 Турков в работу тогда же. Потом еще 6.

«По рапорту вашему, для саду разведенному в Богоявленске, о потребных фруктовых деревьях, Италианском тополе и семенах, писал я Бригадиру Жигулину». 1789 г. 21 Сентября.

«Около Богоявленскаго, сколько можно более удобной земли вспахать прикажите находящемуся у вас адъютнту экономии, и заготовить достаточное число для посева будущим летом фасоли. Лучших семян я из Ясс пришлю, так как и чечевицы. Я намерен тут построить школу для хлебопашества, куда и прочие адъютнты придут. Для произведения таковых работ, я дал рекрутов женатых несколько сот, причисляя их в такой полк, который не применяет свои квартиры». Собственноручное. 13 Октября 1789 года.

«Из рапорта вашего от 26 октября вижу я, что до сих пор еще не вошла в Буг флотилия за противными ветрами. Ветры переменялись, но не переменялось известное морских нехотение исполнять повеленное им. Поздно уже теперь доставать якоря, чтобы тянуться, а надобно было пользоваться переменою ветров, и можно бы было, лавируя, достигнуть назначенных мест». 1-го Ноября 1789 года.

«Генерал-Адъютант Львов, назначен к надзиранию за постройкой и потом командиром залагаемого корабля «Св. Николая», который назначался быть форзейлем». 12 Ноября 1789 года. Кн. Потемкин.

В следующем году, вероятно отозванный перед этим он снова назначен командиром, 28 Сентября 1790 года.

«Бежавшие и пойманные Турки 11 человек, должны быть наказаны, шпицрутеню нещадно: прикажите прогнать их каждого сквозь тысячу человек по двенадцати раз, при собрании всех Турков, в страх им». 22 Декабря 1789 года.

«Светлейший Князь, Милостивый Государь. Получа Вашей Светлости справедливое негодование в разсуждении большаго числа умерших и выговор, что мне надлежалоб правду доносить и непотакать мучителям, по истинной совести докладываю Вашей Светлости, что в мысли моей никогда небыло несправедливое доносить и потакать кому либо в деле где страждет человечество, ибо я чрез сие самое стараюсь ту мою благодарность пред Вашею Светлостию засвидетельствовать, которую в сердце моем ношу, зная особливо человеколюбивое Ваше попечение о людях, которому я тшусь неусыпно подражателем быть; старался и стараюсь более всего спасти жизнь их. В чем Богом и всеми здесь живущими свидетельствуюсь. По приезде моем сюда, перее всего вошел я в их состояние: узнавши, что син люди, с малыми роздыхами употреблялись в работу к кораблю, не призрены и не снабжены, кроме провианта, пищею, взыскивал за сие с корабельнаго мастера по всей строгости, как долженствовавшаго более всех пещись о сохранении людей, и наконец просил Семена Ивановича сменить его, что тогда же и исполнено, препоручив достроение корабля подмастерью Соколову, и смотрение за людьми двум майорам. Работу им очень сносную назначил: в теперешние жары шесть часов только в день работают. Пи-

ща и питье хорошия и здоровыя. Не доносил же Вашей Светлости о всех сих подробностях не для того, чтобы закрыть или потакнуть кому либо, а надеясь скорого Вашего сюда прибытия, предполагая обо всем на словах донести. Если бы что нибудь моим небрежением упущено было, к оскорблению и обезпокою Вашего человеколюбиваго сердца, то я никак неосмелился просить от Вашей Светлости прощения и помилования». 9 Июля, 1790 г. Богоявленск.

«Получа милостивое Вашей Светлости признание к трудам моим, употребляемым при исправлении вверенных мне дел, почитаю главным моим долгом оныя к концу привести, и тем самым угодить и заслужить благоволение Вашей Светлости; в сем состоять будет все мое старание и ревность неослабная». 18 Августа, 1790 г. Богоявленск.

«Светлейший Князь, Милостивый Государь. На корабль «Св. Николая» стрелы подняты и укрепляются; на сей недели мачты поставим; а на будущей, с помощью Божиею, проведем через банку. Овцын¹⁾ усердно старается заслужить похвалу Вашей Светлости; а я исполнение повелений Ваших почитал и почитаю за первый и непреложный долг в моей жизни; ибо чем мне больше показать ту благодарность, которую в сердце моем ношу, как не ревностным исполнением повелений Вашей Светлости, клонящийся всегда к созиданию общаго блага. Благ! Вашим желанием и сам Всеблагий Бог спешествует; ибо при спуске корабля глубина воды была при эленге 14 ф., а на другой день по спуске, убыло на 2 ф., что самое было явным знаком всегдашняго к Вам милосердия Божия, и к нам купно, при спуске нашедшимся; инаю нельзя бы было скоро спустить».

«Во время спуска корабля, стекшийся в великом множестве народ, кричал многократно ура! говоря при том: «Слава Богу, что довелось нам дожить до того, что видим украшенные кораблями Ингул и Буг, неусыпным старанием Его Светлости, на которых прежде и лодок не видно было».

«Ваша Светлость! Превеликое для меня есть уже одобрение, что благоволили употребить меня в дело сие сколько важное, столько и славное, что самое я

¹⁾ Полагаю, что это тот Контр-Адмирал Иван Овцын, который впоследствии потонул, при погибели в Черном море 46-ти пушечнаго фрегата «Царь Константин», в 1798 году

почитаю превыше всех наград. Молю Бога, чтобы меня умудрил и укрепил в исполнении всех повелений Ваших в точности..

«Образ угодника Божия Николая Чудотворца, на корабль всенижайше приношу.

«Сделанные Гульдом планы садам Богоявленскому и Спасскому, с сим курьером посылаю.

«Сиятельныйший князь, Милостивый Государь. Исполненное паче отеческих снисхождений письмо Вашей Светлости, я получил. Благодарю Бога моего, что он мне даровал такого Отца и благодетеля каковы Вы. Прибытия Вашей Светлости сюда ожидаю с благоговением. Неусыпно стараюсь угодить неутомимой в трудах вашей душе.

«Теперь выливают воду из камелей, а завтра поведут его (корабль) через банку; и между тем, оснастка оному и столярная работа, непрерывно производятся.

«Предписание Вашей Светлости, касающееся до разобрания фрегатов и употребления оных на мелкия суда, гораздо полезнее будет, нежели починивать их, и потому (корабль) «Богослова» оставлю, и поговорю с Семеном Ивановичем; для починки бригантины я писал в возможной скорости; сюда приехал Слава Богу, что Войнович удален с команды над флотом; ибо счастье его в таких и подобных случаях оставляло. Я много слышал хорошаго о неустрашимости духа Федора Федоровича Ушакова. Спасибо ему, и дай Бог, чтобы он и всегда таков был и преуспевал; в заключение сего прошу и молю Всевышняго, который благоизволит умножить радости России, да утвердить и укрепить здравие Ваше на многия лета». 6 Сентября 1790 г. Богоявленск.

«Примите ежечасный благодеяния отеческаго Вашего обо мне промысла; не знаю какую жертву благодарения принести Вашей Светлости, кроме благоговейнаго сердца и моления Богу о здравии. Вашем и о получении от Всещедрой Десницы Божией всего того, в чем состоит благополучие и блаженства неизменность.

«Высочайшею Императорскою милостию Вашу Светлость усерднейше поздравляю. Я очень рад и думаю весь тот край благополучным себя почтет, что Святогорская дача пожалована Вам; так что все тамошние обыватели, между которыми и я по милости

Вашей в оном помещен, под тенью Вашего покрова и защиты блаженствовать будут. Сей край подлинно, который в забвении и незнании по сию пору был, наилучший из всех мест здешней губернии, в рассуждении здоровых вод, обилия лесов, доброты земли и многообразных минералов, находящихся в недрах оной земли, теперь воскреснет и лестным учинится для всякаго. Ливанов еще не уехал, в ожидании повеления; ныне, получа оное, поедет в скорости для учения описания всему тому, что в ордере Вашей Светлости предписано.

«Строением по всей возможности поспешаю; на дом Вашей Светлости ставят куполы и покрывают». 18 Октября 1790 г. Богоявленск.

«Светлейший Князь Милостивый Государь. По возвращении моем, нашел я здесь и в Богоявленске, все в благополучном состоянии. Больных, слава Богу, в обеих местах немного. Люди привыкли, и довольно веселы. Одни Турки только Измайловские сильно немогли: до 500 во время отлучки моей их померло; но теперь и те укрепились; в Николаеве работают они при верфи, и камень ломают, подиошиками у каменщиков; тож в Богоявленске, и в саду дорожки делают; около дома место планируют, и прорывают гору, отколь течения ключевая вода имеет. Но сие время открылось выше истекающей из трубок фонтанных $1\frac{3}{4}$ аршина. Надежда есть и еще возвысить и усугубить оную.

«Сад Богоявленской отменно хорош, так как и посеянной хлеб; дожди по часту перепадают; вишни отцвели, яблоки цветут, траву косят уже для верховых лошадей.

«Корабль «Богоявление», спущенный в Херсоне до приезда моего, красив на воде кажется; на сих днях поведут его на камелях; «Сошествие» доканчивают укреплением; а впрочем совсем готов к спуску. В Севастополе все корабли исправлены и очищены; осталось несколько «Преображение» и «Предтечу» исправить.

«Сколько в Херсоне пушек вылиты, просверлено и выточено, ведомость у сего подношу (этой ведомости не оказалось на лицо); многие артиллеристы сказывают, что сии гораздо лучше Брянских. И машина сверльельная, другая, сделанная Русским мужиком, очень хороша и легко действует тремя лошадьми.

«5-ть лансонов, обороченные вверх килем, благопо-

лучно пропущены через все пороги. Я на будущей неделе поеду сам туда, ради пропуска больших судов». 16 Апреля, 1791 г. Богоявленск.

В заключение, долгом считаю еще указать на двадцать собственноручных ордеров и писем Фалееву, Князя Потемкина-Таврического, писанных с 10 Марта 1788 г. по 16 Сентября 1791 года (за девятнадцать дней до кончины Князя, последовавшей 5 Октября того же года), заимствованных из того же источника — Николаевского архива, собственно из трех только книг, ордеров Князя Потемкина Фалееву, одних собственноручных, числом 185, напечатанных во II томе Записок Одесского Общества Истории и Древностей, 1850 г. Привожу из них последние два. Они показывают, как велика была заботливость Князя Потемкина, о деле, за которое так горячо взялся он не задолго перед своею кончиною.

«Мне есть гораздо лучше; Бога ради отделяйте поспешнее акат¹⁾, для того, чтобы его апробовать, и потом в чем поправить увидим. Я полагаю фрегаты и их обивать медью. Деньги пришлются. Ваш слуга». 14 Сентября 1791 года. Яссы.

«Ордер Господину Обер-Штерн-Кригс-Коммисару Флота и Кавалеру Фалееву. Акат нужен и вы употребите все ваше усердие о самоскорейшем его приготовлении. В чем я даю мало сроку. Князь Потемкин-Таврический». 16 Сентября 1791 года. Яссы.

Ал. СОКОЛОВ.

Александр Петрович Соколов — историк русского флота. Родился в 1816 г., в тринадцать лет поступил в Морской кадетский корпус, в 1831 произведен в гардемарины, в 1834 — в мичманы с назначением в 13-й флотский экипаж. В 1856 г. произведен в чин капитана 2-го ранга.

До 1836 г. служил на кораблях Балтийского флота, потом переведен в Каспийскую флотилию. Командовал малыми парусными судами, затем транспортом «Дер-

¹⁾ Старинное, небольшое пружинное судно.

бент». С 1843 г. Соколов участвовал на Балтике в гидрографических работах. В 1844 г. его назначили в Гидрографический департамент Морского министерства, в котором он и прослужил до конца своих дней. Умер в 1858 г.

С 1840 г. публиковал результаты гидрографических исследований. Во время службы в Гидрографическом департаменте Соколов занялся историей русского флота, много и плодотворно работал в разных архивах, включая и Архив Николаевского военного порта. Редактировал «Записки Гидрографического департамента». Автор пяти книг и 140 статей. Издал первую морскую библиографию, включавшую русские работы за 150 лет. За книгу «Летопись крушений и пожаров русского флота» удостоен Демидовской премии (1857 г.).

❁ ❁ ❁

**ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ
СТАТСКОГО СОВЕТНИКА И КАВАЛЕРА
МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВИЧА ФАЛЕЕВА**

Во имя отца и сына и святого духа. Аминь.

Аз нижеподписавшийся Статский Советник и кавалер ордена святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени Михайло Леонтьев сын Фалеев, чувствуя приближение болезненной старости, за потребное разумил сделать распоряжение недвижимому имению своему благоприобретенному, чтобы потом, когда угодно будет богу переселить меня от сей временной жизни в вечное блаженство, душа моя с телом без мучений раставалась и не было причины наследникам к ссорам и тяжбам, завещаю сим:

1-е, племяннице моей, брата моего родного дочери— Авдотьи Петровне Родзянкиной отдаю по смерти моей село мое Вольное, с деревнею Михайловскою с принадлежащими к сему землями и лесом значащимся по планам данным мне от Екатеринославской губернии и по купчей, доставшейся мне от его светлости великого и милосердного благодетеля князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, дом господский в том селе Вольном со всеми мебельями и серебрянным сервизом. Из доходов сего имения, сколько она сама разсудит уделить сестрам своим Татьяне и Прасковьи Петровнам и честно выдать их замуж с награждением, какое она сама за благо признает им дать;

2-е, деревню Андреевку с попасным боераком доставшуюся мне по купчей от его сиятельства князя Андрея Николаевича Щербатова с принадлежащею к ней землею и лесом, отдаю по смерти моей в вечное и потомственное владение почтения достойной вдове графине Устиньи Васильевне Сиверсовой кригс-ротатенфера дщери;

3-е, все деревни мои в Бахмутском уезде состоящие с принадлежащими к ним землями и лесами доставшие

ся мне по купчей от милосердного благодетеля моего светлейшего князя Григория Александровича и господ генерал-майоров и кавалеров Василия Степановича Попова и Сергея Лаврентьевича Львова и отведенную там мне землю на речке Боровой по указу Екатеринославского наместнического правления со всеми тамо живущими подданными отдаю воспитаннику моему Александру Михайловичу, прижитому с девицею Авдотьею Васильевной в вечное и потомственное владение, до совершенных же его лет состоять оному имению и доходам во охранении учрежденной высочайшим законом дворянской опеки и сверх того избираю к сему и воспитанию сего моего сына главными опекунами графиню Устинью Васильевну Сиверсову и господина надворного советника и кавалера Петра Еремеевича Родзянку и коллежского ассесора Николая Игнатьевича Имшенецкого, которому и жить до возраста в доме графини Устиньи Васильевны Сиверсовой, на содержание его и воспитание брать ей из доходов помянутых деревень достаточную сумму денег не отдавая никому в издержках отчета;

4-е, как все вышеупомянутые деревни заложены в банк, село Вольное в сорока пяти тысячах, а Бахмутские в Екатеринославской губернии в университетскую сумму в двадцати трех тысячах рублей, то и очистить их переводом на деревни мои никому не заложенные, состоящие в Костромской губернии в Бувевском уезде, купленные мною в московском магистрате с аукциону в коих по последней ревизии мужеска полу две тысячи триста семьдесят пять душ, из оброчной суммы плотимой мне крестьянами по двенадцати тысяч рублей в год возносить в банк проценты и капитальную сумму уплачивать и исподволь стараться вышеупомянутым опекунам продать за соразмерную доходам цену, долг заплатить из вырученных денег в банке и в университетскую сумму всего с процентами до семидесяти тысяч рублей: московскому купцу Рудакову по щетам около двадцати тысяч рублей, господину бригадиру Василию Васильевичу Чулкову десять тысяч рублей по векселю, голландскому купцу Лилиару две тысячи рублей, портному Керштену тысячу девятьсот рублей, более на себе долгу не имею, а ежели бы кто доказать в том мог, чего я однако же не припомню, разве какую малость забыл заплатить,

удовольствовать таковых претендателей, которые иметь будут на то ясные доказательства: оставшую же за заплатою долгов моих, вырученную за костромские мои деревни сумму денег, коей я полагаю до ста тысяч, распределяю оную на следующее употребление (а ежели меньше или больше будет, то разчислить по моему назначению).

1-е, на церковь каменную, которую я завещаю построить в селе Вольном во имя Григория Великой Армении, где и тело мое грешное предать земле 20.000 рублей.

На построение церкви каменной в бахмутских моих деревнях во имя угодника божия Николая чудотворца 10.000 рублей.

и другую каменную там же построить из доходов во имя архистратига Михаила, на подаяние бедным и неимущим моим свойственникам живущим во Гжатской пристани. 10.000 рублей.

Девице Авдотье Васильевне Свягиной, живущей у меня 20.000 рублей.

и ей же из деревень моих дать на усугу дворовых людей потребное число, снабдить ее каретою и лошадьми, а дочь ея отдать на воспитание графине Устинье Васильевне, кою содержать из доходов бахмутских моих деревень и снабдить из оных приданным и ежели пожелает замуж итить рекомендую ей к сему доброго человека Ивана Трофимовича Гнездовского, коему сделать достойное награждение за его службу из доходов с винницы моей.

Твердому и непоколебимому моему приятелю Николаю Семеновичу Вербицкому дать 10.000 рублей.

ему же отдаю в вечное и потомственное владение доставшуюся мне по купчей от князя Гаврилы Петровича Гагарина деревню Архангельскую с принадлежащими землями.

Трем девицам Ситниковым Катерине, Прасковьи и Елизавете Петровне на приданое по 10 тысяч рублей 30.000 рублей.

Дворовых моих людей при мне служащих и при доме моем волнянском, всех отпустить на волю дав награждение, Петру Альферову, Ивану Васильеву, Сергею и повару Екиму Косому и Матвею при мне живущему по 200 рублей

1.000 рублей.

А прочим мальчикам четырем по 100 рублей

400 рублей.

Но сим и поварам двум остаться во услужении у графини Устиньи Васильевны на пять лет, а по прошествии оных отпустить их на волю, на таковом же основании позволяю и Авдотье Петровне Родзянкиной оставить живущих при вольянском доме людей. Музыкантов всех ежели угодны будут его светлости в капель отдать. Девице Мурыгиной, воспитывающейся у голандского купца Лилнара Елисавете Григорьевне дать в приданное

5.000 рублей.

Продав на сию вино наличное состоящее на Ингульской моей даче 10 тысяч ведер полагая примерную цену по 3 рубля ведро выдать 30 тысяч рублей и с которых отпустить также на приданное девице Елисавете Григорьевне, оставленной от меня на воспитании в доме господина статского советника Ивана Филиповича Бека у жены его Алены Андреевны, по завещанию истинного друга моего Ивана Давидовича Зоммера

10.000 рублей.

А протчую сумму, оставшуюся за вино употребить ежели кому должен я остался, награждением за службу и на подаяние бедным.

По сему моему завещанию прошу убедительнейше избранных мною опекунов, чтоб в точности благоволили исполнить, объявляя оное законным порядком в присутственном месте представляя прежде сие мое по доброй воле и склонности моей во полном уме и памяти завременно зделанное на случай нечаянной смерти за завещание на апробацию его светлости князю Григорию

Александровичу яко отцу толико благодетельствовавшему меня милосердным своим взысканием и из небытия в бытие приведшему, за что и в будущей жизни душа моя не перестанет у престола божия молить о здравии и благоденствии его и ежели что за потребное признать изволить, переменить в том да будет по воле его святой исполнено ибо я предопределил в жизни и по смерти своей творить волю его.

В заключении еще молю просьбу мою исполнить, ежели нечаянно бог пошлет по душу мою грешную и я не успею просить его светлости сильного представительства об исходатайствовании позволения сыну моему Александру именоваться моей фамилией (так как у меня родственников сей фамилии кроме престарелого отца никого не остается), и пожалованным мне дворянством пользоваться, употребить о том от имени моего прошение опекунам у его светлости.

Я полагаюсь на дружбу графини Устиньи Васильевны, что не оставит призреть сего сироту и сестру его и яко мать чадолюбивая и постарается воспитать его в благонравии и законе божием, з сею надеждою душа моя с телом спокойно будет розставаться. К сему завещанию в полном уме и твердой памяти статский советник и кавалер Михайло Леонтьев сын Фалеев подписался в Кременчуге 22 февраля 1790 года.

Забыл упомянуть о даче моей Ингульской, которую отдаю в вечное и потомственное владение давнему приятелю моему Комстадиусу, с тем чтоб он выдал служившему у меня прапорщику Митрофану Свягиину три тысячи рублей.

Английскую претензию ежели по ней определяют деньги заплатить отдаю голандскому купцу Андрею Тимофеевичу Лилиару и наследникам его.

Со всех тех, кои должны мне по векселям и щетам не взыскивать денег по смерти моей возвратить им вексели и щеты уничтожить.

Мих. ФАЛЕЕВ. *)

Копия с завещания о распределении имени учиненного господином статским советником и кавалером

*) ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, отдел рукописей ф. 609, По-пов В. С. № 436, л. 1—4.

Михаилом Леонтьевичем Фалеевым, найденного между делами его по кончине, с подлинником верна, с коего свидетельствовали ноября 18 дня 1792 года. На подлинном подписано так: секунд-майор Иван Максимович, Николаевский городничий майор Данило Якимович, подполковник Павел Ситников, вице-адмирал Николай Мордвинов.

❁ ❁ ❁

КОММЕНТАРИИ

1. Имшенецкий Николай Игнатьевич, коллежский ассесор, наблюдал за пропуском байдаков через Днепровские пороги в 1788 году.

2. Ситниковы Екатерина, Прасковья, Елизавета Петровны, сестры (?) Ситникова Павла Петровича, Херсонского обер-квартирмейстера.

3. Комстадиус Федор Савельевич, швед, браковщик Херсонской портовой таможни. Поставлял солод, пиво, сбитень для Витовского госпиталя, лиманской эскадры и войскам. Поставлял продовольствие русским войскам в 1788 году во время осады Очакова.

4. Максимович Иван Максимович, советник портового правления, примьер-майор.

5. Якимович Данила Герасимович, николаевский горюдничий, секунд-майор.

6. Ситников Павел Петрович, Херсонский обер-квартирмейстер, подполковник. Поставлял в Николаев в 1788—1789 гг. разные материалы к строениям, одежду для работающих на адмиралтействе.

7. Мордвинов Николай Семенович, граф, адмирал, председатель Черноморского адмиралтейского правления.

*Публикацию подготовила
КУХАР-ОНЫШКО Н. А.*

ПРЕДЫСТОРИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ

(подборка документов)

1774 — 1799 гг.

1. Топографическое описание доставшимся по мирному трактату от Оттоманской Порты во владение Российской империи землям. 1774 г.

...Ингул в 33 верстах от Куцого Еланца в Буг впадает на сем разстоянии река Буг берега невысоки имеет, и от них горы по большей части пологостью увышаются возле самых плитных, вышиною до 5 саженьей, в утес горы обходит, от которых потом отделяется пещаными косами Жабурной и Осницкой и к каменной горе у Поповой балки коснется, при которой турки каменную ломку для Очакова и Кинбурна порохов производили. Она от устья Ингула по берегу до 12 верст, а прямо по дороге 3 версты, оный каменный берег продолжается почти верст до 3, до косы Павловой, а потом пойдет местами пещаной, а где и глинистой и на крутым берегом, делая от балок в разных местах не малые косы, которых на разстоянии 35 верст от устья Ингула до окончания Буга семь: 1. Жабурная, 2. Осница, 3. Павлова, 4. Балабанова, 5. Кривая, 6. Ожарская, 7. Русская и от сей и от противулежащей к ней Волосской косы до Скелькевского мыса с 9 верст Буговой уже лиман, который в ширину 7 верст распространяясь с Днепровским лиманом соединился.

*Записки Одесского общества
Истории и Древностей, т. VII,
Одесса, 1868, с. 166, 181.*

2. Рапорт Г. А. Потемкина Сенату.

8 сентября 1775 г.

Следуя Высочайшей Ее Императорского величества воле об учреждении Новороссийской и Азовской губер-

ний на прочном и полезном... оснований — я поручил г. генерал-поручику и кавалеру Текеллию обще с тамошними губернаторами Чертковым и Муромцовым, чтобы они... представили о всем обще свое мнение, и приложка по удобности обоим губерниям границы назначить место к построению нужных по тамошней пограничности крепостей и прислать специальные карты с подробным описанием тамошних земель и качества оных¹⁾).

Сборник военно-исторических материалов.
Вып. VI, СПб, 1893, с. 65.

3. Указ императрицы Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину об устройстве новых укреплений *10 февраля 1784 г.*

...3) укрепление небольшое на устье реки Ингул к стороне Очаковского округа как для обеспечения жителей, так ради прикрытия магазинов, которые во время войны с турками тут быть должны...

Полное Собрание Законов Российской Империи, т. XXII, № 15929.

4. Ордер Г. А. Потемкина контр-адмиралу Н. С. Мордвинову.

25 октября 1787 г.

Прикажете сделать промер глубины в Ингуле от устья вверх верст на 20 или более, и доставить оный ко мне немедленно.

Материалы для истории русского флота,
ч. XV, СПб, 1895, с. 80.

5. Донесение Н. С. Мордвинова²⁾ Г. А. Потемкину
27 октября 1787 г.

Галера, посланная мною в Буг для промеру, нашла, что при входе Ингула находится отмель, на которой не более 12 фут; как глубина сия недостаточна для корабля и фрегата, то и должны они будут зимовать в

¹⁾ На генеральной карте Новороссийской губернии, разделенной на уезды, сочиненной в 1779 году Иваном Исленьевым, в районе современного Николаева показана крепость Новогригорьевская.

²⁾ Мордвинов Николай Семенович (1754 — 1845) — адмирал, Главный командир Черноморского флота. В 1787 году в чине контр-адмирала занимал пост первого члена Черноморского адмиралтейского правления.

Збурьевском заливе, где место хоть и не так закрыто от ветров, как в Ингуле, но удобнее по близости своей к Херсону и от неприятельского нападения безопаснее.

*Материалы для истории русского флота,
ч. XV, СПб, 1895, с. 81.*

6. Рапорт М. И. Кутузова¹⁾ Г. А. Потемкину.

*Николаевка
2 января 1788 г.*

Сего числа в вечеру при пробитии зори получил из устья Ингула от разъезду казачьего словесное известие, что переправляется там неприятель... была партия неприятельская на той стороне человек во стое, из которой человек с десять перешли пешком ниже устья и зажгли рыбачий завод. Но усмотрев, как видно, наш разъезд, перебрались на ту сторону и с партией от берега удалились. Ниже Ингула верхом никак переезжать нельзя, а и вверху чтобы возможно было весьма сомневаюсь в рассуждении теплого ветра и прибыли воды, но однако же велел быть осторожнее завтрашнее утро и удвоить разъезды; вверх по кордоу о сем знать дано.

ЦГВИА, ф. 52, д. 408, ч. III, л. 4.

7. Ордер Г. А. Потемкина штурману Н. М. Гурьеву²⁾.

27 июня 1788 г.

Препоручая вам измерение глубины Ингула от устья его до того места доколе оный судоходен, предписываю вам немедленно отправиться в Херсон и истребовав из адмиралтейства все нужные для сего дела инструменты, приступить к сему измерению и представить оное ко мне как скоро возможно, так же заметить где эллинги быть с удобством могут.

*Сборник военно-исторических
материалов, вып. VI, СПб, 1893, с. 330.*

¹⁾ Кутузов Михаил Илларионович (1745—1813), с 1785 года командовал Бугским Егерским корпусом, стоявшим на границе вдоль Южного Буга с июля 1787 по июль 1788 года. Принимал участие в осаде Очакова летом 1788 года.

²⁾ Гурьев Никита Михайлович (?—1804), в 1788 г. штурман подпоруческого чина, прикомандирован к А. В. Суворову. С июня по октябрь находился при штабе Г. А. Потемкина.

8. Рапорт корабельного мастера С. Афанасьева¹⁾
Г. А. Потемкину.

8 июля 1788 г.

Имею честь донести Вашей светлости: поручено мне сделать проект фрегата для вооружения нижней батареи картаульными единорогами, а на половинных, по соединении палуб, полукартаульными, самой лучшей конструкции, поворотом и в крепости корпуса с наблюдением всех поведенных удобностей; чертеж оканчиваю.

Материалы для истории русского флота,
ч. XV, СПб, 1895, с. 157.

9. Ордер полковнику Фалееву М. Л.

21 июля 1788 г.

Лагерь пред Очаковым.

Предписываю вам заготовить на Ингуле эллипсы для построения по апробованному рисунку двух кораблей пятидесятипудовых.

Князь Потемкин-Таврический.
ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 133, л. 79.

10. Счета о материалах и лесах в ведении инженер-подпоручика И. В. Соколова²⁾, употребленным в Николаеве и Богоявленске.

14 сентября 1788 г.³⁾

Подрядчику Постоеву на щот строения им при Ингуле кузнечной связи уплочено 90 рублей.

ГАНУ, ф. 243, оп. 1, е. х. 6,
л. 150.

11. Ордер полковнику М. Л. Фалееву.

21 сентября 1788 г.

Лагерь пред Очаковым.

По представлению вашему от 13 числа дано мое повеление о командировании в Витовский госпиталь штаб-лекаря Волчинецкого, лекаря Бобровского и подлекаря Якимитенко, что ж касается до находящихся

¹⁾ Афанасьев Семен Иванович (р. 1745), строитель первых судов Черноморского флота, построил более 30 кораблей, фрегатов и прочих судов. Работал в Херсоне и Николаеве. В 1793 г. уволен со службы в чине бригадира.

²⁾ Соколов Иван Васильевич в 1788—92 гг. руководил строительными работами в Богоявленске и Николаеве, в том числе и на адмиралтействе.

³⁾ Документ составлен в декабре 1789 года, когда уже были даны новые названия устью Ингула и Витовке.

при том госпитале подлекаря Червинского и гезеля Молтневского, то в знании их прикажите медицинским того госпиталя чинам экзаменовать и ежели достойными окажутся в произведении чинами представить мне.

*Князь Потемкин-Таврический.
ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 133, л. 106.*

12. Ордер Г. А. Потемкина М. Л. Фалееву.
*9 октября 1788 г.
Лагерь под Очаковым.*

Архитектор Ваирезан¹⁾ отправлен от меня в Витовку, чтоб сделать прожекты строению при колодезе, а вам предписываю по назначению его приказать заготовить потребные материалы.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 133, л. 120.*

13. Счета о материалах и лесах в ведении инженер-подпоручика И. В. Соколова употребленным в Николаеве и Богоявленске.

19 октября 1788 г.

Каменьщикам Смутьскому с товарищи за кладку казенных госпиталей в число заробочих 1475 рублей выдано 488 рублей.

*ГАНУ, ф. 243, оп. 1, е. х. 6,
л. 152.*

14. Ордер Г. А. Потемкина М. Л. Фалееву.
*1 ноября 1788 г.
Лагерь под Очаковым.*

Препровождаемого при сем добровольно вышедшего из Очакова турка Топчи Мегмеда предписываю вам употребить при мастере фонтанном и производить жалование.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 133, л. 131.*

15. Ордер Г. А. Потемкина М. Л. Фалееву.
*15 ноября 1788 г.
Лагерь под Очаковым.*

¹⁾ Ваирезант Викентий Андреевич (ок. 1750—после 1808), архитектор, капитан. Автор проекта Херсонского арсенала. С сентября 1788 г. по февраль 1793 г. работал в Николаеве.

Состоящих в Витовском госпитале больных нужно перевести в Херсон, дабы очистить первый для больных из армии прибывть имеющих. Поспешите сие исполнить со всевозможным сохранением людей.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 133, л. 134.*

16. Г. А. Потемкин М. Л. Фалееву.

*3 декабря 1788 г.
Лагерь под Очаковом.*

Послушай Михайло Левонтьевич, когда ты был у меня, то всему простор, а теперь сделалось тесно. Я говорил тебе, что людей много: а ты сказал, что еще мало. А теперь кричите караул, что некуда поместить. О конвойных я тогда же тебе приказывал, чтобы со-держал им караул. И когда бы ты мне сказал, что Астраханским быть у тебя нужно, я бы их в то время поставил в другом месте; а теперь поздно вато ходить, однако я приказал перевести.

Князь Репнин говоря о землянках Тамбовских упоминает, что хотя и просторно расположены, но больных у вас везде умножается. А вы мне о том умножении ни слова не говорите, тоже и об успехе эллингов не уведомляете. Молчите, молчите, да вдруг потребуете чевонибудь прислать из Сибири или из Астрахани...

*Записки Одесского общества
истории и древностей, т., 2,
Одесса, 1850, с. 671.*

17. Ода, сочиненная отставным солдатом Моисеем Слепцовым.

*Сколько злоба ни смекала,
Что бы наших устрашить:
Жар и стужу напускала,
Миной льстилась задушить.
Но лишь батюшка Никола
Помолился у престола,
Лишь пожаловал свой день;
Все остались препоны,
Как пустыя забавоны,
Злоба в норы; Турок в пень.
В славу матушки Царицы
Не жалея головы;
Полетели наши птицы*

*Чрез окопы, мины, рвы.
Полчаса уж много время.
Где чертей задорных племя?
Нет уса, ни колпака.
Чтить кого мне за Героя?
Где девалась нова Троя?
На Штыке у Русака.*

*Две оды на взятие победоносным
Российским воинством города Очакова
1788 года, декабря 6 дня. 1789.*

18. Правителю наместничества Екатеринославского
Каховскому от Потемкина.

декабрь 1788 г.

Очаков, по жестокому и отчаянному сопротивлению 6-го числа сего месяца с его крепостию, ретраншаментом и замком Гасан Пашинским взят штурмом. Воинство, которым я имел честь командовать, оказало при том случае опыты безпримерного мужества и неустрашимости. Турки, при всем многочислии своем, не могли выдержать сильного наступления, всюду были сломлены и опровержены. Более 8 тысяч погибло их в сем кровопролитном деле. Знатное число досталось в плен с Пашею трехбунчужным, более 300 орудий взято артиллерии. Наш урон простирается убитыми и ранеными до 2000. Генерал-майор Волконский и бригадир Зорич пожертвовали тут жизнью. Вашему превосходительству предписываю — о принесении благодарственного Всевышнему молебствия.

*ЗОИД, т. 2, Одесса, 1850,
с. 742.*

19. Счета о материалах и лесах в ведении инженер-подпоручика И. В. Соколова употребленным в Николаеве и Богоявленске.

декабрь 1788 г.

Разный расход: От жестокости зимы и нужного всегда употребления в работы по случаю проходящих из под Очакова войск пало волов — 5.

*ГАНУ, ф. 243, оп. 1, е. х. 6,
л. 182.*

20. Ордер М. Л. Фалеева инженер-подпоручику И. В. Соколову.

21 мая 1789 г.

Ломку камня и теску онаго, также и приготовление извести на Усть-Ингуле умножьте наемом вольных подрядчиков. А о снабжении вас деньгами предписал я поверенному моему Жидкову в Херсоне находящемуся и буду ожидать при всяком случае уведомлений ваших о успехе старания вашего.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 162.*

21. Ордер М. Л. Фалеева инженер-подпоручику И. В. Соколову.

4 июня 1789 г.

На плане, делаемом вами месту, располагаемому на Усть-Ингуле для адмиралтейства предлагаю вам назначить, где есть криницы поблизу онаго адмиралтейства, сверх того стараться вам наипрележнейше делать там кирпич, чтобы к осени было готово не менее 300 000. Из выстроенных печей умножить для жжения извести сколько можно больше, что возлагая на ваше попечение, надеюсь я, что вы в сем случае покажете свою успешность, яко необходимо нужно для заведения там строения. Для сего скоро будут присланы рабочие люди казенные, между тем произведите сию работу невольниками и какими можно, сколько же какого материала потребно на сарай кирпичные представить ко мне ведомость.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 185.*

22. Ордер М. Л. Фалеева инженер-подпоручику И. В. Соколову.

27 июня 1789 г.

Его светлость, располагая поместить прибывших из Санкт-Петербурга для обучения навигации учеников с учителями в Витовке или на Фаберовой даче, предписать мне изволили жилище им сделать. А сверх того построить на Устье Ингула киленбанок. Его светлость просит достроить скорее Фаберов дом. А о умножении в Витовке летних сараев предписано майору Высоцкому¹⁾.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 220—220 об.*

¹⁾ Высоцкий Михаил Андреевич, смотритель Витовского госпиталя в 1788—1789 гг.

23. Ведомость сколько находится в Витовке и на Усть-Ингуле для работ вольнонаемных и прочих людей.

июль—август 1789 г.

В Витовке.

для делания к строениям кирпича — 16 человек,

отделка каменного госпиталя и люцких из каменную работою — 101 человек,

укладка бассейна — 16 человек,

укладка на перевозе в трактире печей — 4 человека,

выемка для кирпичной печи земли — 8 человек, ломка камня — 48 человек,

красить маслом крыши — 2 человека.

На Усть-Ингуле.

делание фонтана — 23 человека,

ломка на сажень камня — 48 человек,

заготовление для сараев камыша — 29 человек.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,

е. х. 11, л. 45.

24. Сообщение М. Л. Фалеева в канцелярию строений города Херсона.

8 августа 1789 г.

Из присланных из оной канцелярии каменных дел мастер француз Антон Вектан¹⁾ для производимых на Усть Ингуле казенных работ здесь оставлен и как по новости заведения и один он управиться может, то другие мастера... обратно посылаются.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,

е. х. 33, л. 300 об.

25. Рапорт обер-интенданта С. И. Афаиасьева Г. А. Потемкину.

16 августа 1789 г.

По повелению вашей светлости к заведению верфи найденного места при устье Ингула планы одии на малом до реки Терновки, а другой на большом мачтабах той части, где займется под адмиралтейство с его службамн, с показаннем их величины и разстояний, июею честь ваша светлость при сем представить. Всех судов

¹⁾ Вектан Антуан (р. 1759 г.), каменных дел мастер, с 1788 по 1829 гг. работал в Николаеве по строительному отделению.

по вновь апробованным чертежам модели стараюсь скоро окончить равно и чертежи...

*Материалы для истории русского флота,
ч. XV, СПб, 1895, с. 267.*

26. Ордер Г. А. Потемкина М. Л. Фалееву.

27 августа 1789 г.

Лагерь при Дубоссарах Новых.

Фаброву дачу именовать Спасское, а Витовку Богоявленское, новозаводимую верфь на Ингуле — город Николаев.

Как скоро будет из чего, то строить казармы не разбиваясь, а к месту.

ЗООИД, т. 2, Одесса, 1850, с. 672.

27. Протокол Черноморского адмиралтейского правления.

5 сентября 1789 г.

Оное правление сего сентября 5 дня по рапорту господина статского советника и кавалера Фалеева, что Его Светлость Высокоповелительный господин генерал-фельдмаршал и разных орденов кавалер князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический ордером ему последовавшим 27 августа предписать изволил: Фаброву дачу именовать Спасское, а Витовку Богоявленское, новосоздаваемую верфь на Ингуле Город Николаев. Определили: об оном для должного сведения дать знать указами во все подчиненные правлению места и сообщить в департамент.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1,
е. х. 64, л. 2.*

28.

11 сентября 1789 г.

Я нижеподписавшийся польской нации Федор Иванович Ляховский дал сей контракт Его высокородию господину статскому советнику и кавалеру Михаилу Леонтьевичу Фалееву, в том что обязался построить в городе Николаеве по данному мне плану пять каменных офицерских связей с лучшею и прочною работою в кладке стен по отвесу, полы, стены, окна и двери и сие обои из тесанного камня...

В случае если господин Фалеев усмотрит мою нерадивость и тщетное только продолжение нынешнего само удобнейшего к сему построению время, волен он всякое время отказать от работы, нанять на мой щет

исправнейших подрядчиков и ими онойчить построенные.
ГАНУ, ф. 243, оп. 1, е. х. 1, л. 5.

29. Письмо М. Л. Фалеева доктору Д. С. Самойловичу¹⁾.

13 сентября 1789 г.

Адмиралтейские служители и рекруты здесь у работ состоящие по болезням посылаемые в Богоявленский госпиталь. Случает, что понуждены разлучиться с их товарищами, которые охотно согласились бы их призреть не имея же здесь лекаря не могу я на то обнадежиться. Для чего прошу вас покорно из лекарей тамо состоящих одного исправного, а равно и медикаменты по прилагаемому здесь каталогу сюда прислать. Особливо для пользования и наблюдения плотников его светлости, пожалуйста, пришлите попечительного врача.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 394—394 об.

30. Ордер М. Л. Фалеева инженер-подполковнику И. И. Князеву²⁾.

24 сентября 1789 г.

Богоявленск.

Оставленную у меня Гульдом³⁾ для вас карту доставлю, относительно продолжения в Лесках болотной осушки, отдаю на вашу волю.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 128 об.

31. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

22 октября 1789 г.

Богоявленск.

Херсонскому купцу Ивану Гусякову, желающему в Николаевграде производить торговлю, предписываю оной канцелярии отвести место для построения лавок.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 528.

¹⁾ Самойлович Данила Самойлович (1744—1805), врач-эпидемиолог, доктор медицины, организатор и руководитель Богоявленского госпиталя.

²⁾ Князев Иван Иванович, военный инженер, один из авторов проекта Николаевского адмиралтейства, руководил строительными работами в городе с 1793 г.

³⁾ Гульд Вильям, английский садовник, художник-проектант, видный садовый мастер посл. четверти XVIII в. В России с 1770 г. Находился на службе у Потемкина. Проектировал парки в Херсоне, Богоявленске, Екатеринославе.

32. Письмо М. Л. Фалеева И. И. Князеву.
26 октября 1789 г.
Богоявленск.

При почтительнейшем письме вашем от 23 октября получил я исправные чертежи машины для углубления гавани из коих чистой отошлю к его светлости, а прочие оставлю у себя и благодаря покорнейше за оные пребываю...

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 553 об.*

33. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

27 октября 1789 г.
Богоявленск.

Капитан-лейтенант Бернарде¹⁾ рапортом ко мне доносит, что сего октября 19 числа самовольно отлучились из города Николаева и по многим сыскам не найдены матроз 2 статьи Павел Гельский и невольник Алексей Ушаков, приметам же оные матроз росту среднего, лицом беловат, одеяние на нем свита белая, шапка синяя, волосы на голове светлорусые, глаза карие, нос мал, борода черная; у невольника ноздри рваны, свита серая, шапка белая, лицом смугл, волосы на голове светлорусые, глаза карие, нос продолговат, борода светлорусая.

Для чего с надлежащим присматривайте не окажутся ли еще беглецы в подведомственных оной канцелярии местах и командах равно и в сторонках от города Николаева состоящих сим предлагаю...

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 558 об.—559.*

34. Письмо М. Л. Фалеева В. С. Попову.

30 октября 1789 г.
Богоявленск.

Милостивый господин Василий Степанович²⁾.

¹⁾ Бернарде Христофор Христофорович, граф, флота капитан-лейтенант. На улице Адмиральской находился дом, купленный а казну, известный под названием «Вернадского».

²⁾ Попов Василий Степанович (1745—1822), начальник канц. Г. А. Потемкина.

Англичанин Говард²⁾, вояжируя по Европе для примечания гошпиталей и рабочих домов, приезжал из Херсона в Богоявленск смотреть содержание больных. Просил доставить к его светлости книгу, сочиненную им о гошпиталях, какие он в Европе видел с примечаниями своими. Я оною чрез сего курьера препровождая с глубочайшими высокопочитаниями преданности пребываю.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 564.*

35. Ордер М. Л. Фалеева инженер-подпоручику И. В. Соколову.

*31 октября 1789 г.
Богоявленск.*

Прилагаю при сем два плана и смету о построении на Николаевской верфи одного корабельного эллинга предписываю во всей точности оным производить сие строение а между тем подать мне рапорт точно ли таким образом работы расположены и производятся.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 566.*

36. Сообщение М. Л. Фалеева в канцелярию строе- ний г. Херсона.

*31 октября 1789 г.
Богоявленск.*

Ради осушения казарм каменных, построенных в городе Николаеве, нужны печи железные, изобретения архитектора Варизана, канцелярию прошу отпустить оных 15 и для доставления в Николаев препоручить обер-квартирмейстеру Оитникову. А меня уведомлением не оставлять.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 568 об—569.*

37. Донесение обер-интенданта С. И. Афанасьева Г. А. Потемкину.

6 ноября 1789 г.

Гребная лиманская флотилия, состоящая под коман-

¹⁾ Говард Джон (1729—1790), английский филантроп. Оставленная для Потемкина книга «Сообщение о главнейших госпиталях Европы и различные данные, касающиеся чумы», издана в 1789 г.

дою капитана II ранга Ахматова¹⁾ на зимовую станцию к городу Николаеву прибыла, разоружилась и ошвартовалась.

*Материалы для истории русского флота,
ч. XV, № 494. СПб, 1895, с. 283.*

38. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

20 ноября 1789 г.

Полученные от Ситникова из Херсона 130 пар котов и 300 пар чулок раздать рекрутам адмиралтейским, шведам, туркам, тем, кои в обуви нужду имеют.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 667.*

39. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

25 ноября 1789 г.

Препровождаю шесть человек беспашпортных поиманных с списке при сем приложенном. Пожелавших записать в Николаеве в число поселян... доставляя при том им способ зарабатыванием на адмиралтейских работах приобретать себе пользу и быть добрыми поселянами.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 693.*

40. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

*27 ноября 1789 г.
Богоявленск.*

Казармы в Спасске предписываю канцелярии порядочно обсушить, поделать поскорее нары и когда хорошо обсушены будут — перевезть туда больных рекрут в ведомстве моем состоящих и расположить просторно, поблизости оных казарм поделать иужинки, но чтобы больные на двор не ходили в одних рубахах и без чулок, сшить им из войлока шинели, сапоги или чулки.

¹⁾ Ахматов (Рахматов) Федор Антонович, капитан флота, в сентябре 1789 г. ему отпущены материалы для строения казарм и офицерских жилищ

Землянки, очистившиеся от вышедших из Николаева в ряжский полк и егерские батальоны рекрут, принять канцелярии в свое ведомство, стараться доделать во всех оных окна и чтоб не было утесения в казармах и землянках, довольно ли будут на все окна стекла теперь в Николаеве имеющиеся, уведомить меня.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 703.*

41. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

*29 ноября 1789 г.
Богоявленск.*

От 23 числа сего месяца предписал я оной канцелярии из Николаева почту отправлять в воскресенье, среду и пятницу пополуночи в 9 часов, но сего числа получил я рапорты из канцелярии уже в вечеру то почему так поздно отправляет она почту, послать ко мне объяснение.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 717.*

42. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

*5 декабря 1789 г.
Богоявленск.*

Препровождая при сем 1000 аршин сермяжного сукна предписываю пошить шаровары пленным туркам тем, кои их не имеют.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 754.*

43. Ордер М. Л. Фалеева канцелярии строений города Николаева.

*5 декабря 1789 г.
Богоявленск.*

Прежде назначенную мною в завтрашний день закладку корабля я уже отменяю до приказа его светлости, а потому и предписываю канцелярии всех рабочих людей завтрашнего дня для праздника Святого Николая Чудотворца от работы уволнить.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 33, л. 755 об.*

44. Письмо М. Л. Фалеева И. И. Князеву.

11 декабря 1789 г.

Богоявленск.

...Планы города Николаева все три оставил я у себя и один с укреплением дал того паче, что негодно ли будет его светлости посмотреть, а потом и не оставлю возвратить вам, а ныне благодаря покорно за присылку...

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. к. 33, л. 785 об.*

45. Доношение М. Л. Фалеева Екатеринославскому и Херсонско-Таврическому архиепископу.

19 декабря 1789 г.

Богоявленск.

Имею обещание соорудить церковь во имя Святого Николая Чудотворца в Николаеве будущей весной.¹⁾

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. к. 33, л. 818.*

46. Ордер Г. А. Потемкина Ф. Ф. Ушакову.

26 апреля 1790 г.

Яссы.

Флота капитан Овцын²⁾ определен капитаном над портом в Николаеве и начальником учрежденной тамо школы штурманской, которого Ваше Превосходительство извольте в Николаев ко вступлению в помянутое звание отправить.

*Материалы для истории русского флота,
ч. XV, СПб, 1895, с. 293.*

47. Рапорт Д. Г. Якимовича³⁾ М. Л. Фалееву.

3 мая 1790 г.

Николаев.

Получил ваш ордер из Ясс от 26 апреля по ордеру его светлости о назначении к городу Николаеву уезда и о вступлении мне в должность городничего. 3 числа получил ордер и вступил в городническую должность.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. к. 82, л. 2.*

¹⁾ Деревянная церковь Св. Николая просуществовала до нач. XIX в. на углу совр. улиц Пушкинской и Шевченко.

²⁾ Овцын Иван Тихонович, бригадир, участник Чесменского сражения.

³⁾ Якимович (Екимович) Данила Герасимович, секунд-майор, Николаевский городничий до 1793 года.

3 июня 1790 г.

По прибытии на место удуйте всех и сделайте распоряжение в доставлении лесов, я же здесь прикажу книг большое количество заготовить.

Подумайте о досках откуда бы их достать ради испарвления фрегатов. «Евангелист Матвей» уже прибыл к Березани, когда достигнет места, того же часу за него приняться.

«Федот» чтобы был готов, «Григорий Великой Армении» скорей докончить, дабы мог отправиться с «Вознесением» и прочими. Хорошо если поспеет и «Богослов».

Плотников разберите, тех, с которыми жены, отправте с приставом к Чуте и причислите их к поселянам, записав в то мастерство, которое знают. У прочих о женах осведомиться, дабы зимою их к ним доставить. Генерально всех разобрать по знанию, которые совершенные мастера, тем заработных по 5 рублей, меньше знающим по 3 рубля, а вовсе неумеющих причислить в рекрутскую команду, всем же жалованье ординарное матросское и паек сухопутный. Платье могут из заработанных денег делать. Между ими учредите десятников для присмотру из добрых людей; росписав таким образом, донесите мне, почему я число заработанных денег ежемесячно отправлять буду.

В производстве работ надлежит чтобы спорынья была, и сие от распределения порядочного зависит, иной без пути людей разсует повсюду и нигде не бывает успеха, а другой, с порядком, малым чиелом делает больше. Часто люди определяются на места, где нет еще материалов, и забывают их остающихся без дела. Господин Овцын во многом может способствовать, а я его не оставляю.

С колодезьями постарайтесь, достаньте жиды, что фонтаны делает, и ему поручите.

Напрячте все силы, чтоб корабля «Николая» работа шла успешнее.

Из рекрут выбрать или из числа плотников не умеющих человек сто в кузнецы и учить их прикажите, я сам скоро приеду.

*Сборник военно-исторических материалов,
вып. VI, с. 60—61.*

49. Рапорт Д. Г. Якимовича М. Л. Фалееву.
7 июня 1790 г.
Николаев.

По неимению в Николаеве почты, за раскомандированием казаков, находящихся под командою моею для разведок на бекеты и разные посылки проезжавшим берутся обывательские лошади, а по неимению по Бугу почт загонивает лошадей не в близкое расстояние, а кроме того утрачиваются хомуты и прочее, через это жители здешние терпят обиду и убыток.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1,
е. х. 82, л. 14.

50. Рапорт М. Л. Фалеева Г. А. Потемкину.
30 июня 1790 г.
Богоявленск.

Инженер-майор Волян сделав планы на делание калей и дока в Спасском отправился в Кинбурн¹⁾.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,
е. х. 8, л. 79.

51. Г. А. Потемкин М. Л. Фалееву.
6 июля 1790 г.
Копотени.

Канатному заводу в Херсоне быть или нет посмотрю сам.

На прочие донесения дам резолюцию прнехавши в Богоявленск. А тепёрь только скажу о числе умерших, коих и в чуму пропасть не могло, что прибыли доставить людей, ежели их морят как нарочно. Вам бы надлежало мне доносить правду. А я не знаю, как вам не совестно скрывать от меня истину. Я определяю людей в работу, да еще и с заплатою, а из сего сделалл каторгу. И по несчастию как везде мое имя, то они могут думать, что я тиран, а вместо того мучат другие, а потакаете вы.

ЗООИД, т. 2, Одесса, 1850,
с. 673—674.

¹⁾ Де-Волян Франц Павлович (1753—1818), военный инженер, проектировал Гаджибейскую (Одесскую), Овидиопольскую и Тираспольскую крепости, составил план Кинбурнского укрепления. Принимал участие в создании плана Николаева и адмиралтейства.

52. Ордер Г. А. Потемкина И. И. Князеву, Ф. П. де Волану, И. Е. Старову.

август 1790 г.

Что прилагая реестр строениям города Николаева предписываю им во всем согласиться, избирая способы лучшие и кратчайшие, смотреть на пользу чтобы излишеств не было. Прежде нежели зачать что строить осмотреть места окружности, где выгоднее и удобнее быть городу. Я с моей стороны больше наклоняюсь на урочище Спасское, где была дача Фаберова: во-первых что то на Буге, почему банка запирающая вход в Ингул избежится. 2-е в воде не будет недостатка, имея тамо прекрасный фонтан, который я предпишу еще лучше отделать. 3-е для доставления лесов и прочего из Днепра облегчится труд. 4-е что кали будут купно и эллинги. 5-е машина для поставления удобнее тамо будет. 6-е суда при берегу весь вдруг груз получат с каким до Килбурна ити можно. 7-е и место здоровое.

ЗОИД, т. VIII, Одесса, 1872,

с. 200.

53. Письмо Н. С. Мордвинова полковнику И. Л. Салунскому.

15 августа 1790 г.

Выписанный сюда по соизволению его светлости из Ясс греческий архитектор Портарий¹⁾ и при нем работники Яни Калфа, Федор Киоше и Федор Мийрос имея намерение поселиться здесь просили доставить сюда фамилии их:

Список

Греческий архитектор Манойла Портарий, жена его Сафта с двумя детьми и именем живет в доме папа близ монастыря Колля.

Работники:

Яни Калфа с домом близ монастыря святого Саввы. Федор Киоше, дом его близ монастыря святого Бориса.

Федор Мийрос, дом его близ монастыря святого Бориса.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 49, л. 646 об. — 647.*

¹⁾ Портарий (Портарь) Манойло, до 1794 г. работал в Николаеве, позже — в Одессе.

54. Письмо Ивану Петровичу (?) от Н. С. Мордвинова.

17 августа 1790 г.

Соизволение его светлости, чтобы образ «Святого Николая» для строящегося корабля был вашего рукоделия длиною 2 фута 4 дюйма, шириною 2 фута.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 49, л. 651.*

55. Рапорт М. Л. Фалеева Г. А. Потемкину.

25 августа 1790 г.

Николаев.

Спущен «Святой Николай» в 6 часов пополудни при собрании членов адмиралтейского правления и многочисленного народа.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,
е. х. 12, л. 242.*

56. Рапорт М. Л. Фалеева Г. А. Потемкину.

18 ноября 1790 г.

Богоявленск.

По умножению в городе Николаеве купечества и другого звания жителей случаются прозбы и разбирательства между ими, для которых и сохранения благоустройства необходимо надобно учредить магистрат и полицию.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,
е. х. 19, л. 10.*

57. Письмо М. Л. Фалеева Г. А. Потемкину.

6 января 1791 г.

Богоявленск.

...Мастер Трикет нашел в Богоявленске камень и делает из него табакерки, трубки, пуговицы, плитку на пол...

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,
е. х. 12, л. 276.*

58. Письмо М. Л. Фалеева Г. А. Потемкину.

13 января 1791 г.

Богоявленск.

...И. И. Князев сделал план ограды полагаемой в Николаеве строить вокруг адмиралтейства с мастерскими...

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,
е. х. 8, л. 118.*

59. Строение корабля «Святой Николай». Задаток 39 450 рублей. Всего 67 048 рублей.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,
е. х. 4, л. 107.*

60. Рапорт М. Л. Фалеева Г. А. Потемкину.

*20 июня 1791 г.
Кременчуг.*

У Кривого Рога в балке Осокореватой, где аспид ломают, нашел Матвей Иванович Афонин¹⁾ серебряную руду в большом количестве, по мнению его довольно богатую.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 197, оп. 1,
е. х. 18, л. 2.*

61. Ведомость о географическом и экономическом положении Николаева и его уезда, составленная землемером Херсонского уезда поручиком Редилским.

31 декабря 1791 г.

Дворов 26, мужского пола 105 человек, женского пола 42, десятин земли 1000.

На левом берегу Буга и в устье Ингула с левой стороны на возвышенном месте. В том городе публичных строений поновости еще не имеется. Назначен I класса мужской Опасо-Николаевский монастырь. Жители большею частью из других мест разного звания припасов. Водами тот город изобилен и вода здорова. В реке Буг ловится рыба осетра, белуга, стерлядь, севрюга, сазаны, вырзуб, щука, окунь, ерши и других родов довольно.

Река Буг противу города довольно глубокая и шириною в 600 сажений и по оной от города Николаева до Днепровского лимана, а с оного по Черному морю в Константинополь и другие в Азию города корабельный ход бысть может с отпуском железа, пеньки, канату, хлеба и других российских товаров.

*ГАНО, ф. 243, оп. 1,
е. х. 65, л. 5.*

¹⁾ Афонин Матвей Иванович (1789—1810), публичный ординаторный профессор натуральной истории и земледелия в Московском университете. Гимназический друг Потемкина. С 1777 г. живет на юге. Умер в Николаеве.

62. Ордер Н. С. Мордвинова М. Л. Фалееву.
22 апреля 1792 г.

По личному моему обозрению города Николаева увидел многие строения, которые для адмиралтейства весьма нужны неоконченными, рекомендую скорее окончить и церковь отделать. Но всех зданий будет недостаточно так как ожидают сюда с гребным флотом штаб и обер-офицеры и морские служители. Нужно построить скорее еще несколько домов или купить, если есть партикулярный в продаже.

Строющейся в Богоявленске казенный большой дом пужно сего лета закончить, чтобы он не оставался в неотделке и без крыши на долгое время.

Начаты в Кривом Роге работы для открытия аспиды, способного на ламку для крышек продолжать, а сколько есть наломанного — перевезти в Николаев и Богоявленск.

Для этих работ из ассигнованных Каховским в ваше ведомство взять 50 000 рублей.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 73, л. 2.*

63. Рапорт И. И. Князеву М. Л. Фалееву.
23 августа 1792 г.
Херсон.

Тростнику годного на покрышу и топление домов, находится по обоим берегам Буга и в самой ее воде выше Николаева весьма довольное количество, которое вверх сей реки тем более увеличивается.

Начинается от казенной слободы Червоной, шириною при берегах сперва на несколько сажений, а потом уже и несколько сот сажений, суживаясь и расширяясь попеременно, простирается почти до Соколовского мосту, что составит по реке более 70 верст.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1,
е. х. 131, л. 5.*

64. Рапорт И. И. Князева Н. С. Мордвинову.
12 сентября 1793 г.

Находящийся при Николаевской вокальной музыке Кинбурнского драгунского полка прапорщик Григорий Дьяков просит определить его в Черноморские батальоны к продолжению службы.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1,
е. х. 169, л. 116.*

65. Письмо И. И. Князеву от Н. С. Мордвинова.
5 января 1794 г.

Приказываю вам заготовить в Севастополе 20 тыс. глиняных водопроводных труб для города Николаева.
ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 85, л. 59.

66. Приказ Черноморского адмиралтейского правления.

13 января 1794 г.

Дабы состоящие при Николаевском порте штурманские ученики могли надлежащим порядком в науках успевать и быть полезными службе, завести тамо училище, предоставить распоряжению Овцына, о чем послать к нему предписав нужные книги и прочее истребовать от интендантской экспедиции.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1,
е. х. 166, л. 2.

67. Приказ Черноморского адмиралтейского правления.

9 марта 1794 г.

Поручить покупку книг, инструментов и двух глобусов (небесный и земной) для Николаевского штурманского училища в Москве капитану II ранга Лъвову и при первом транспорте оттуда доставить сие вещи.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 243, оп. 1,
е. х. 166, л. 7.

68. Письмо Н. С. Мордвинова к И. И. Князеву.
24 апреля 1794 г.
Херсон.

Как дом построенный для магистрата назначается для Черноморского адмиралтейского правления, то и прошу вас кофейню из онаго вывести в построенные турецкие дома.

ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 102, л. 16.

69.

18 апреля 1795 г.

Записано в журнал Черноморского адмиралтейского правления:

27 июня 1794 года высочайше подтвержденным

штатом положено быть правлению в Николаеве, а в Херсоне конторе над портом.

*ЦГА ВМФ СССР, ф. 245, оп. 1,
е. х. 105, л. 1.*

70.

1795 г.

Учреждена в Николаеве должность коменданта и первым комендантом вступил полковник князь Михаил Сергеевич Вяземский. Первый градоначальник Николаева коллежский ассесор Вороновский.

*Николаевский календарь и
справочная книга на 1892 г.*

Николаев, 1891, с. 39.

12 ноября 1796 г.

71.

Черноморское правление, бывшее до того в ведении генерал-губернатора, велено обратиться в распоряжение адмиралтейств-коллегии.

*ЗОИД, т. 111, Одесса, 1853,
с. 326.*

72.

17 мая 1799 г.

Николаев привел меня в изумление. Надо быть на месте, чтобы иметь понятие о чудотворном преобразовании глухой и необитаемой степи в течение 3 лет в хороший город. Николаев довольно обширен, расположен в новом вкусе, имеет до 800 домов, построенных из камня и большею частью с колонами, коих 3 дома принадлежит казне, но за неокончанием построений по плану находятся в нем многие пустыри. Улицы прямые без переулков, одинаковой ширины 15 саженей и все сквозные. Две церкви: собор с весьма хорошей внутренностью, богатою утварью и деревянная греческая, при том двое рядов — для Российских и Греческих купцов.

Местонахождение Николаева величественно и красиво — стоит на высокой утесистой горе, при подошве которой сходятся две большие реки Буг и Ингул.

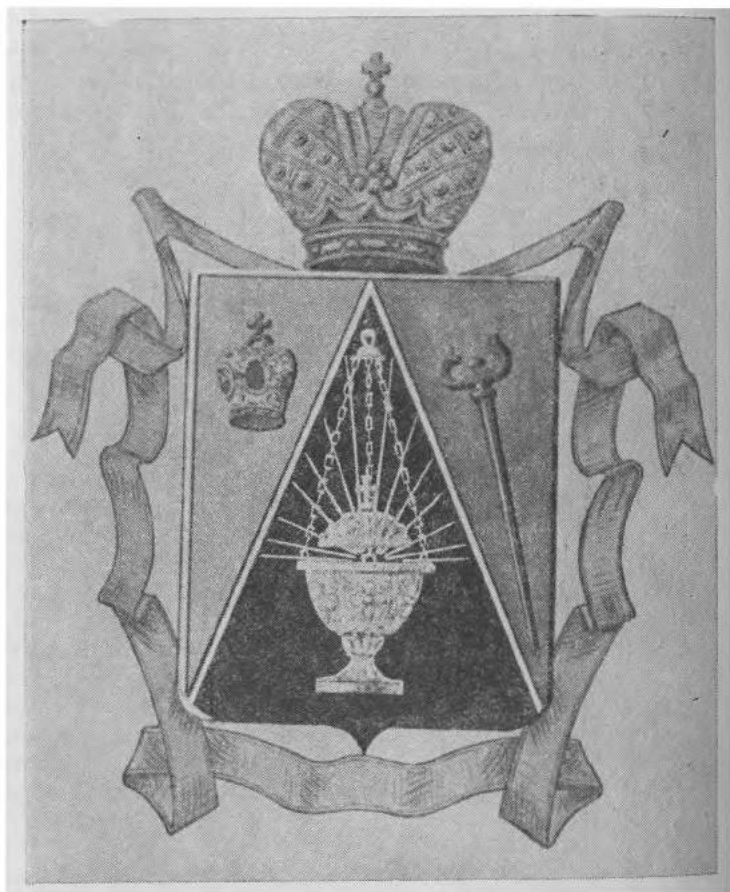
*Путешествие по всему Крыму и Бессарабии
в 1799 году Павлом Сумароковым
с историческим и топографическим описанием
всех тех мест.*

Москва, 1800, с. 7—8.

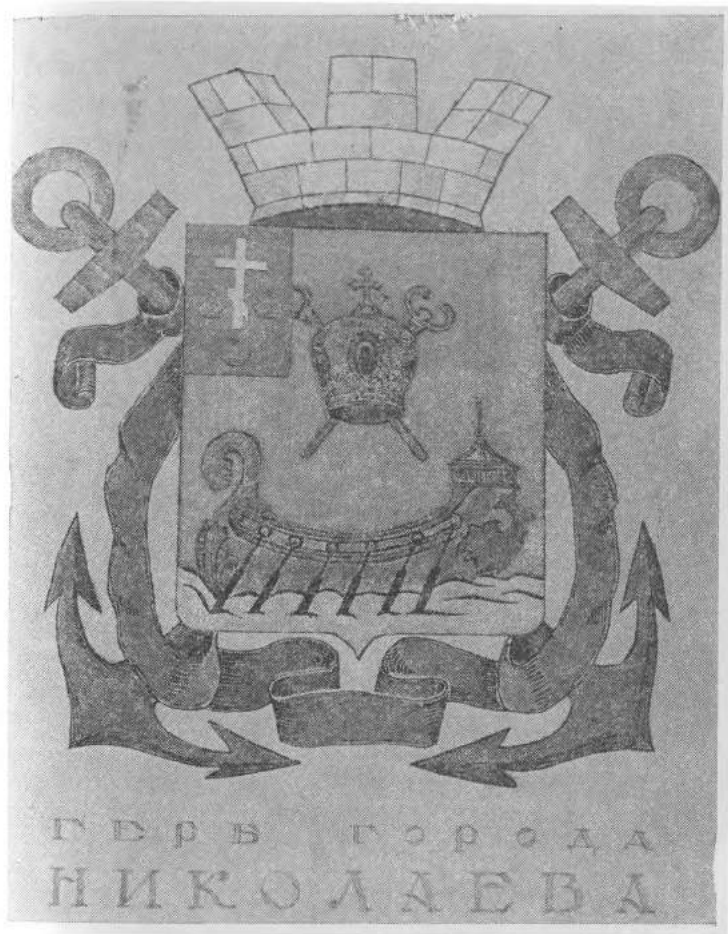

ФОТОГРАФИИ

Первый герб города — 1803 г.

Герб, утвержденный в 1883 году

Герб, утвержденный в 1969 году

Один из вариантов герба 1969 года

**Григорий Александрович Потемкин (1739—1791 гг.) —
основатель города Николаева**

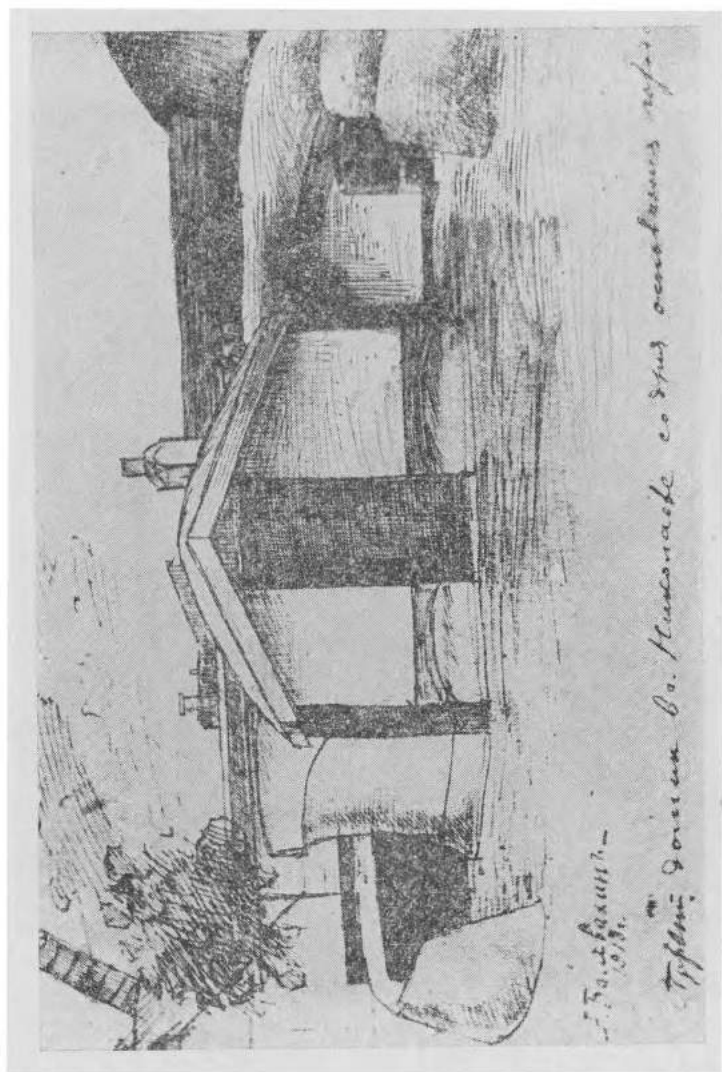
Михаил Леонтьевич Фалеев — «первый гражданин»

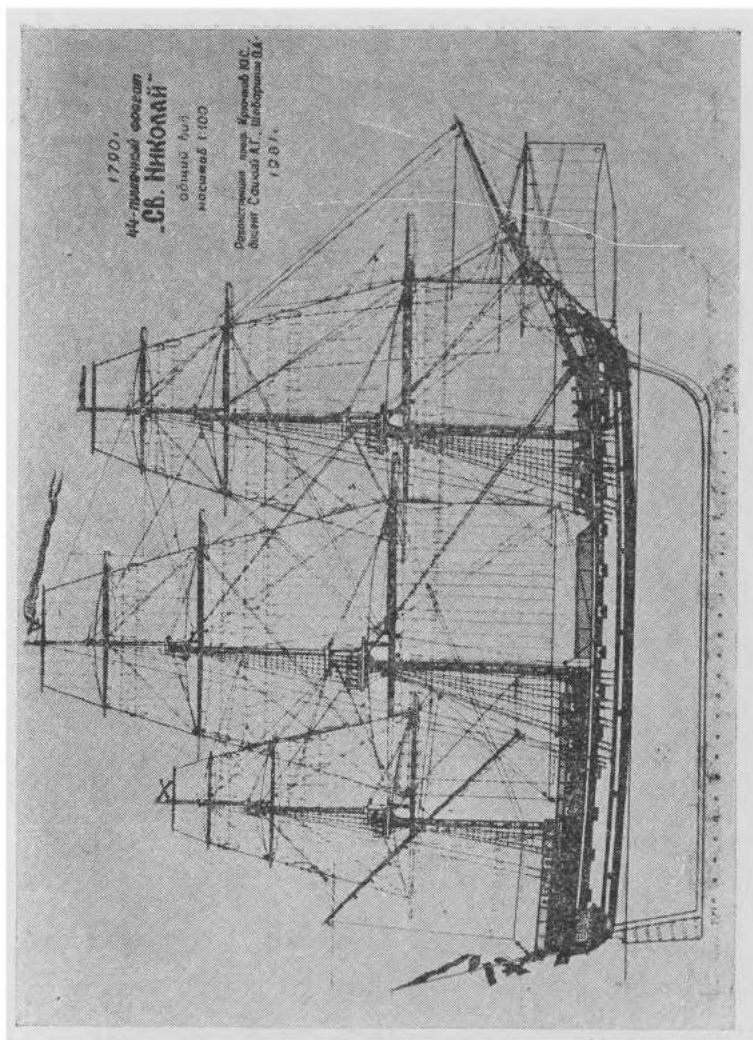
*Адмирал
графъ Н. С. Мордвиновъ.*

1802.

**Адмирал Николай Семенович Мордвинов — первый
Николаевский военный губернатор и Главный командир
Черноморского флота (1785 — 1798 гг.)**

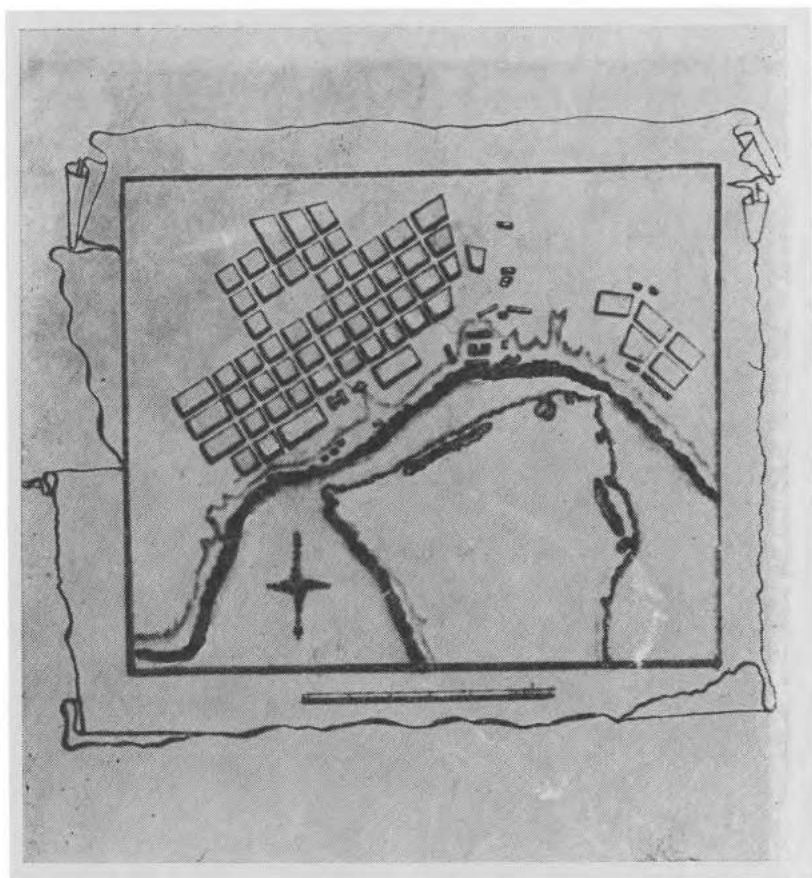
Первый домик...
Рис. А. Валехина. Хранится в НКМ.

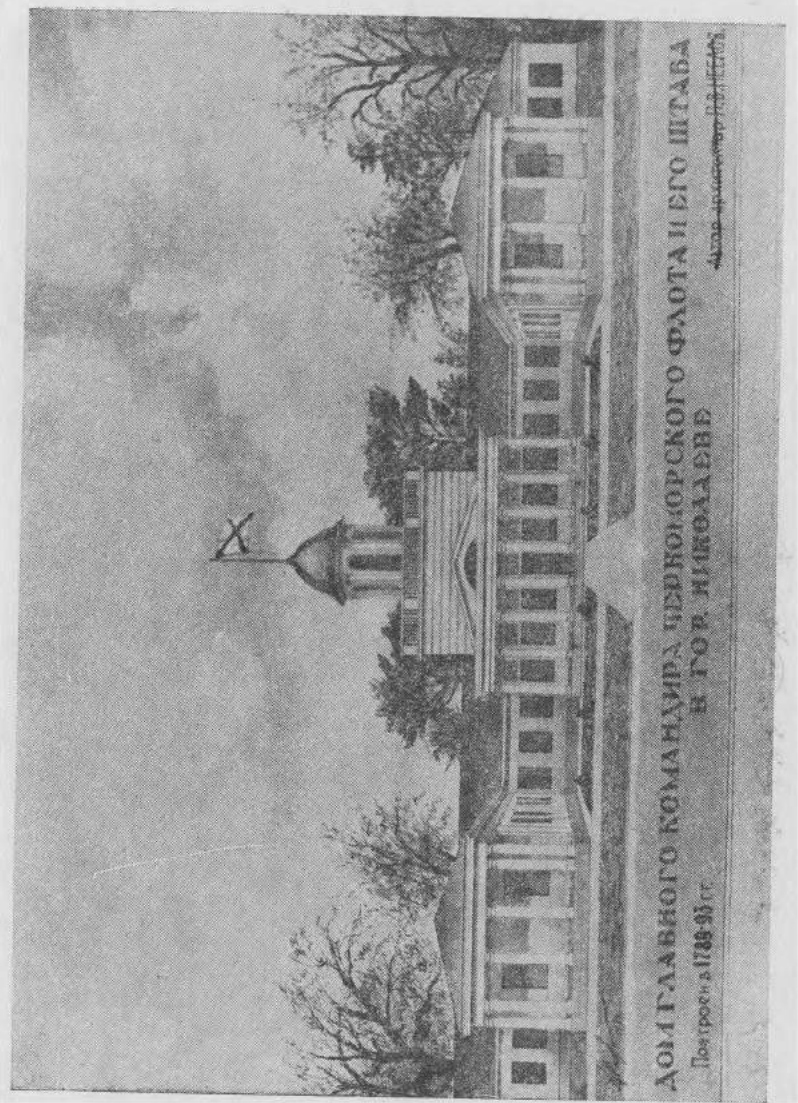
1700.
44-пушечный фрегат
"СВ. НИКОЛАЙ"
Общая длина
максимум 1100

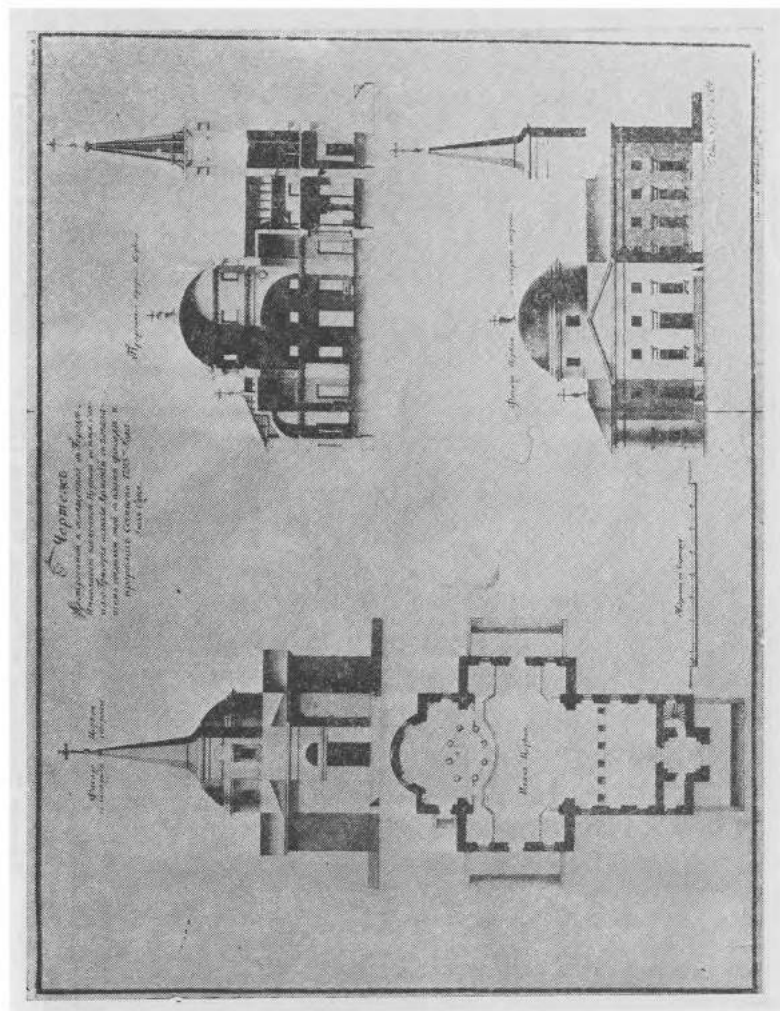
Разработчик: инженер Крючков В.С.,
директор Сибирской АТ, Шибарин В.А.
1981г.

Первый корабль...

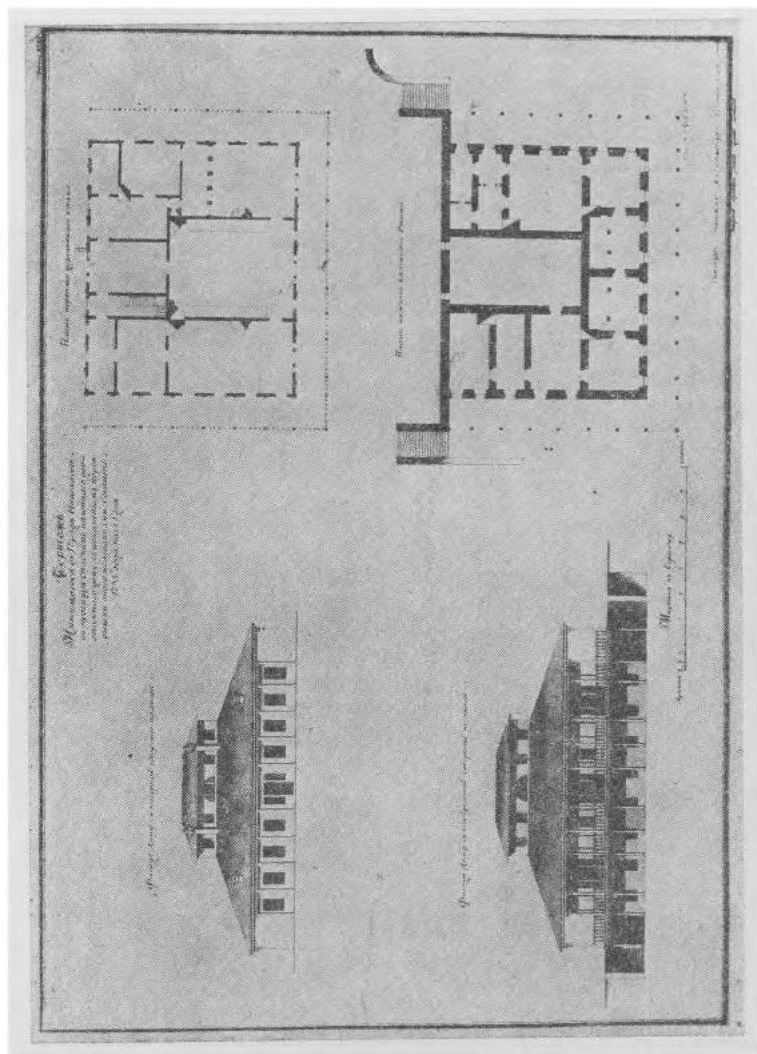

Первый план Николаевки. 1790 г. Арх. И. Е. Старов

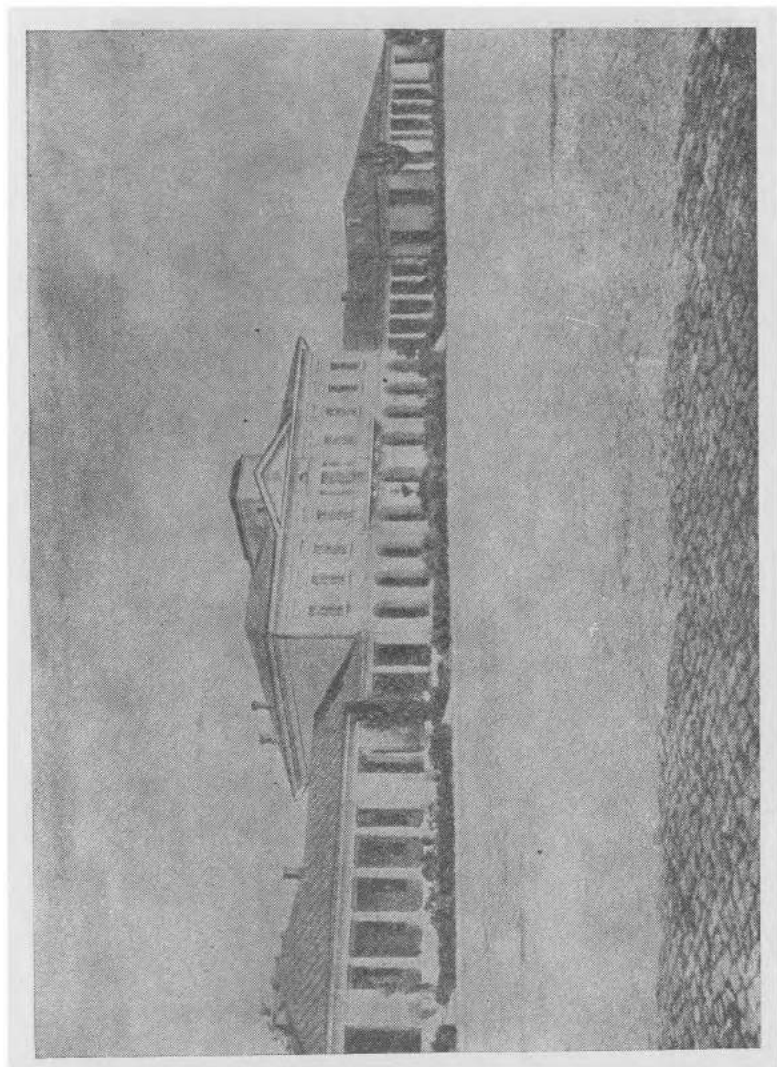

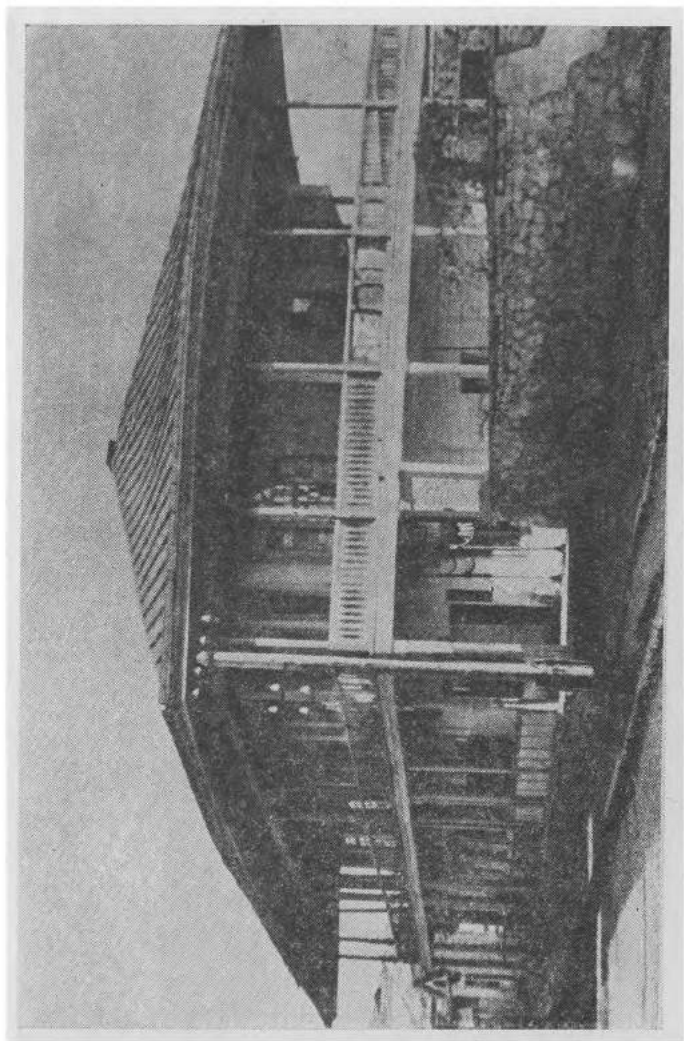
Церковь во имя Святого Григория Великого Армении, 1790 г.
 Арх. И. Е. Старов. Позднее Адмиралтейский собор. Чертеж 1795 г. (публикуется впервые)

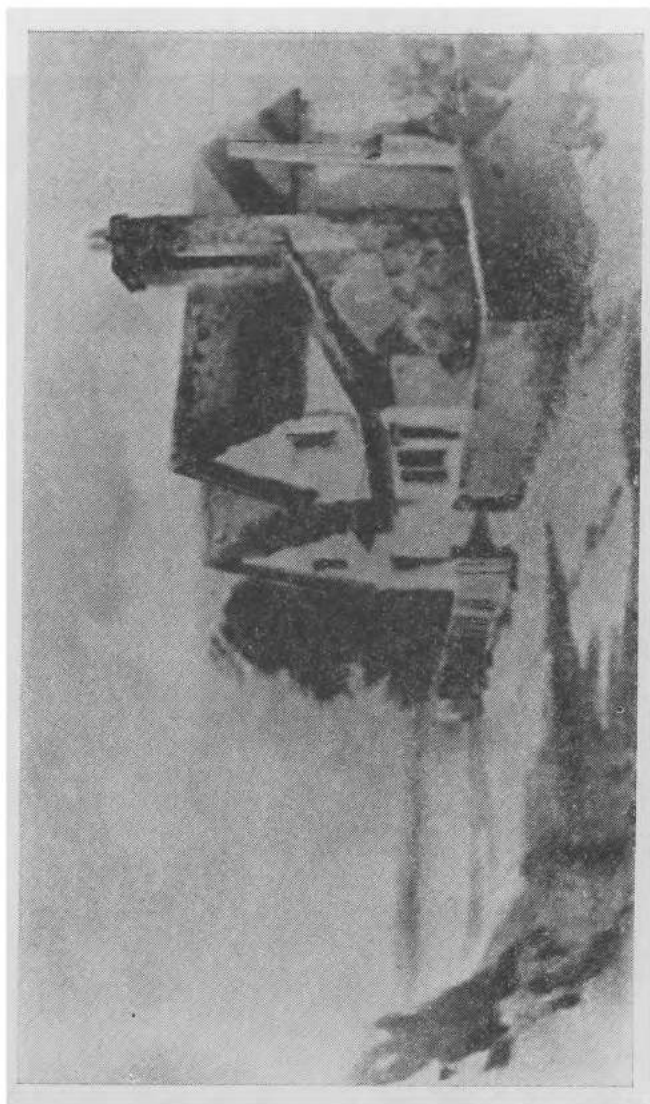
Дворец Потемкина в Спасске. Чертеж 1795 г. (публикуется впервые)

Здание Магистрата в Николаеве. 1790. Арх. И. Е. Старов. Позднее гауптвахта

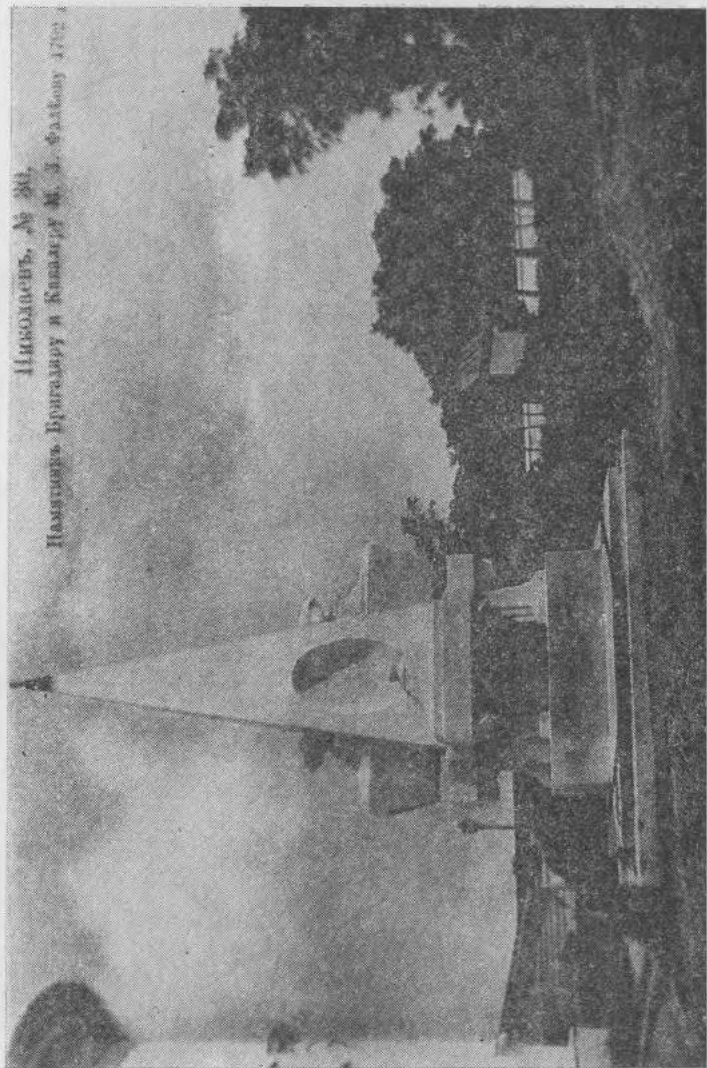

«Молдаванка», 1790 г. (Здание разобрано в 1950-е годы)

«Апостолиевский дом». Начало 1790-х годов

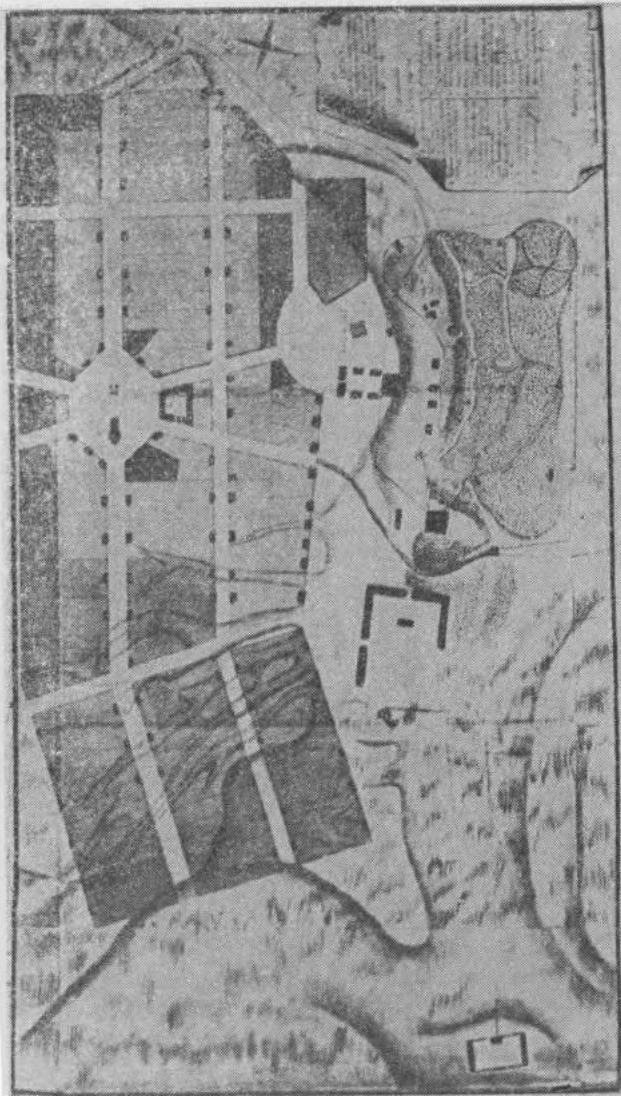
Циголевъ, № 20.
Памятникъ Бригадиръ и Кавалеру М. З. Фаллову 1792

Могила Фалева

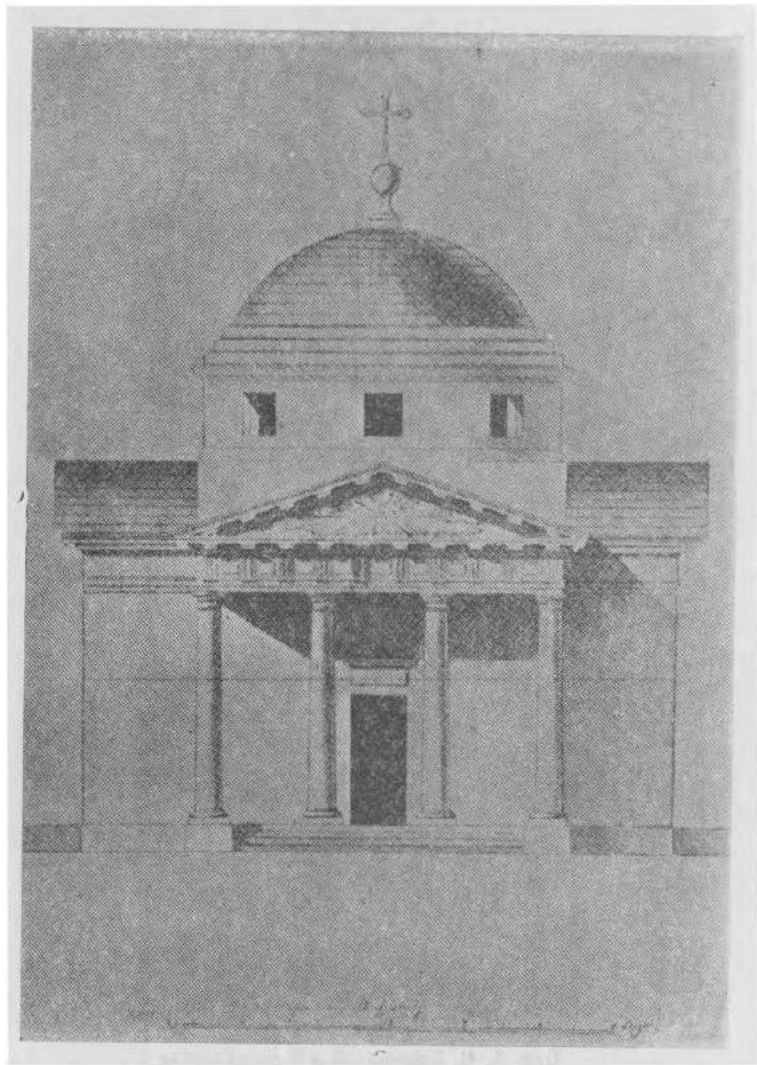

**Выдающийся русский архитектор
Иван Егорович Старов (1744—1808 гг.)**

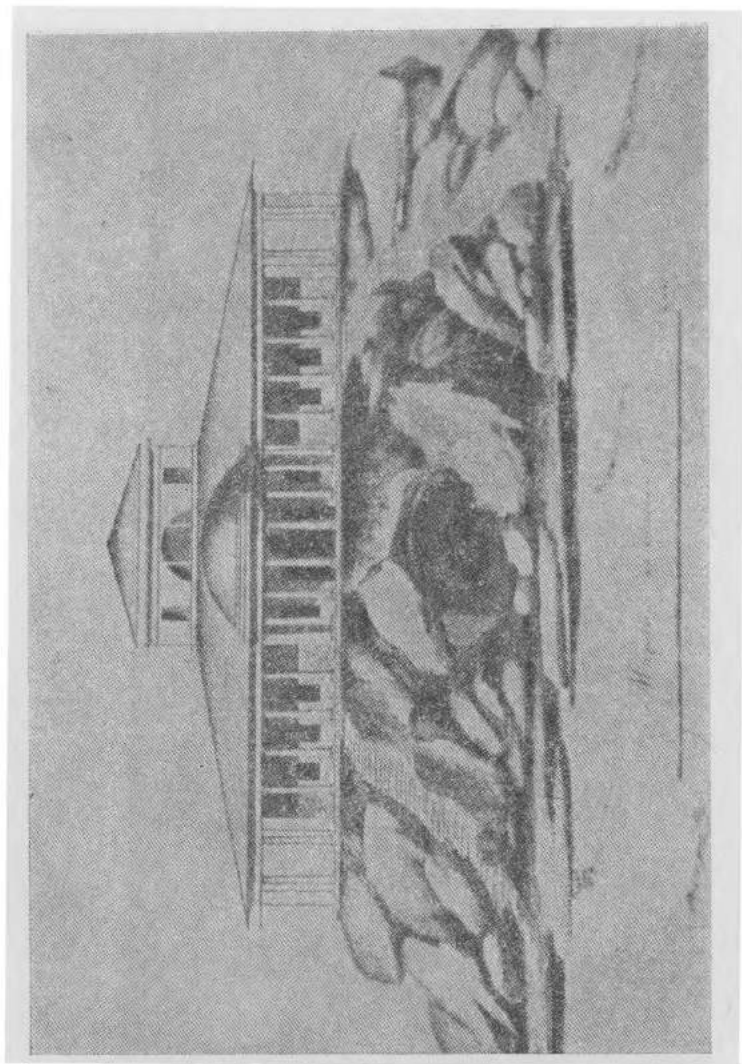

Генеральный план Босоваленска. Чертеж середины 1790-х годов

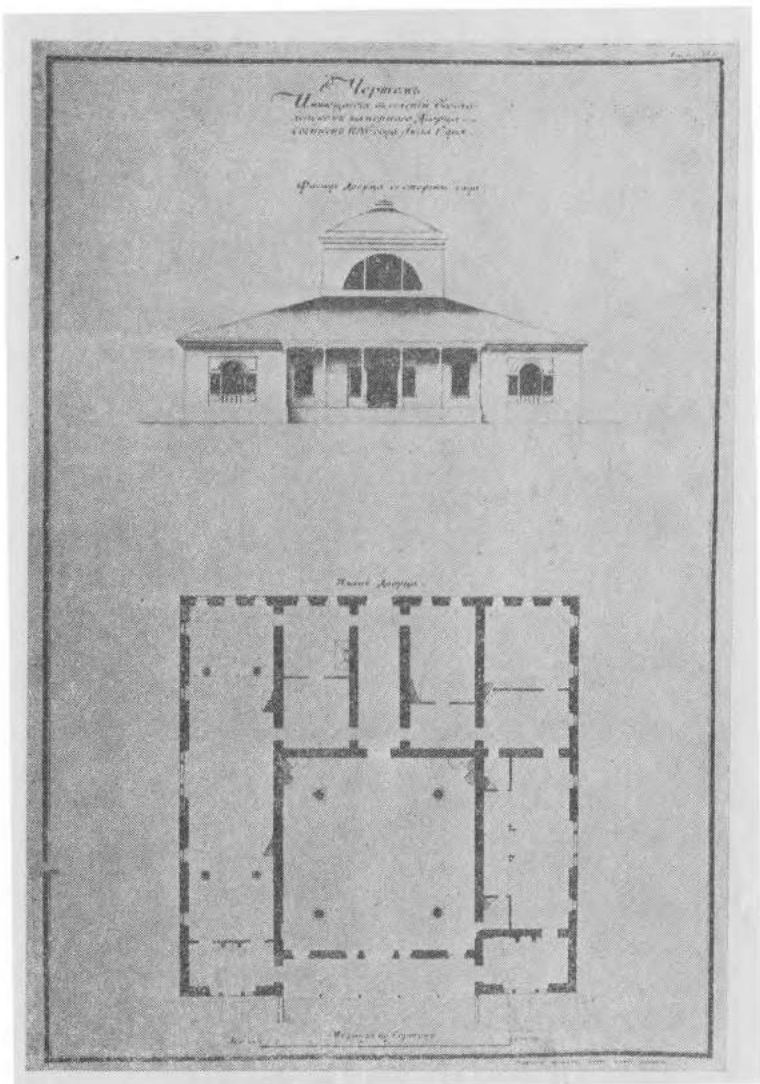
Проект планировки селения Богоявленска близ Николаева. 1790 г. Арх. И. Е. Старов.

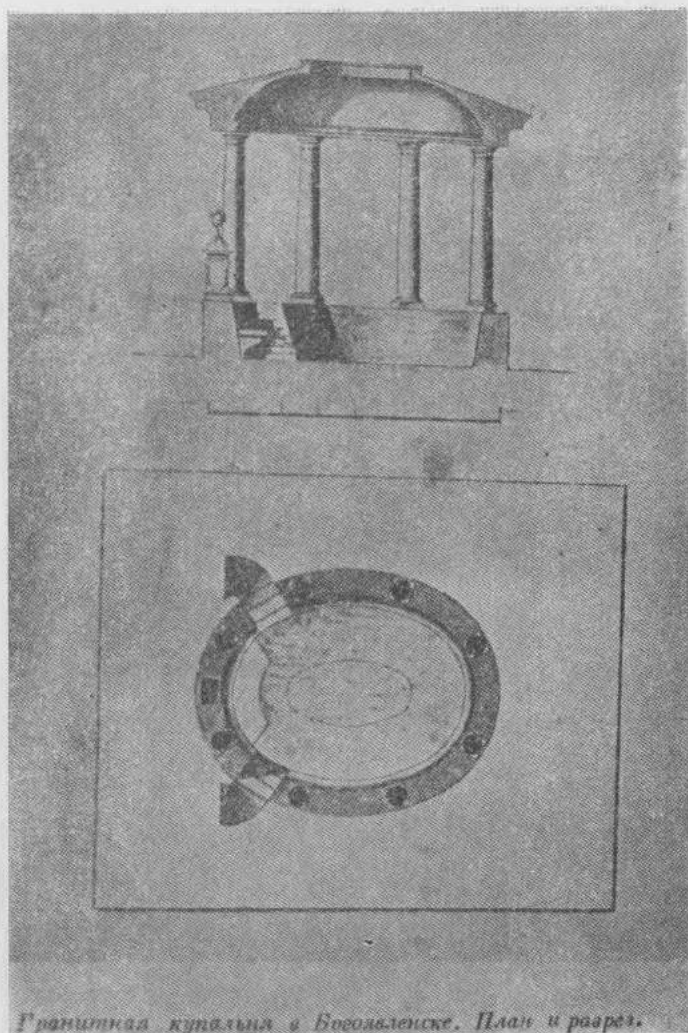
Церковь в Богоявленске. 1790. Арх. И. Е. Старов

Дом А. В. Браницкой в Богоявленске
1790 г. Арх. И. Е. Старов
Чертеж середины 1790-х годов

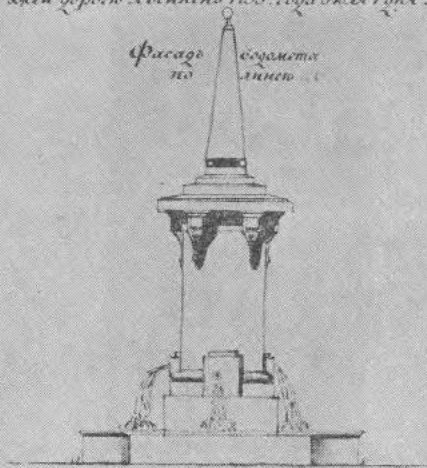
**Дом Г. А. Потемкина в Богоявленске.
1790 г. Арх. И. Е. Старов
Чертеж середины 1790-х годов**

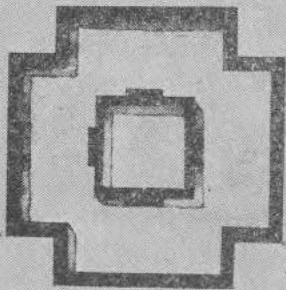
**Гранитная купальня в Богоявленске.
1790 г. Арх. И. Е. Старов**

Чертежъ и оной построеннаго въ нынѣшнемъ на-
деванъ берегу рѣки въ селеніи одесскомъ сѣмь
испущала каменнаго водожета и при мѣсто на прѣ-
млей дорогѣ Свинцова 1793 года июля 1 дня.

Фасада
по
водою
линей

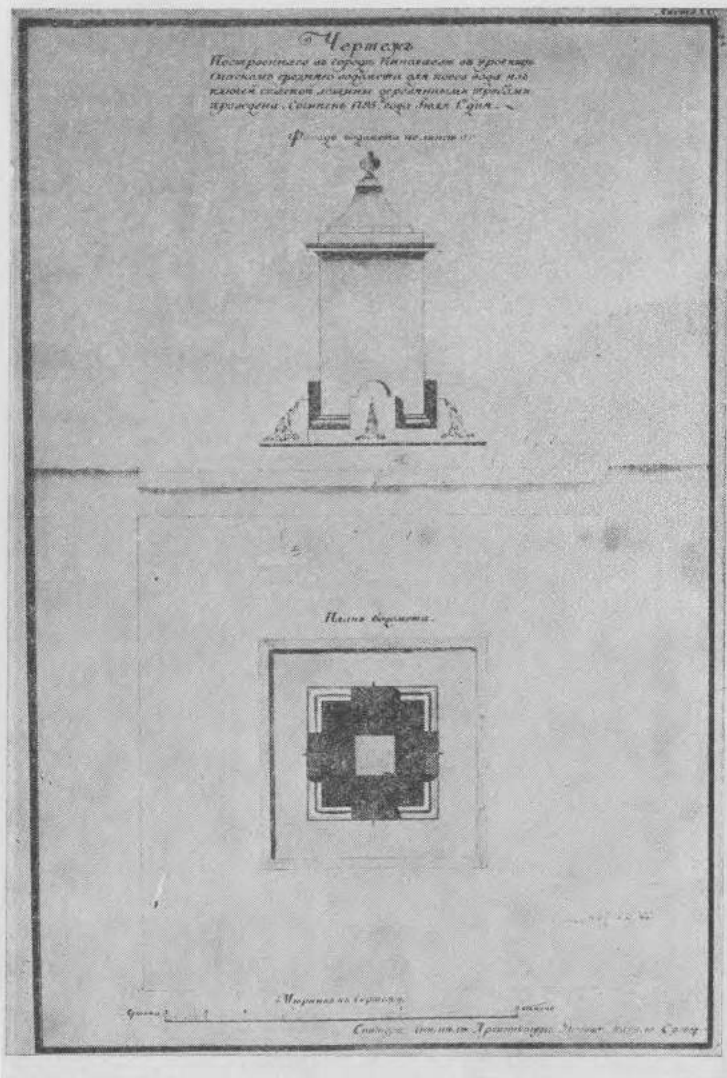

Планъ водоюта .

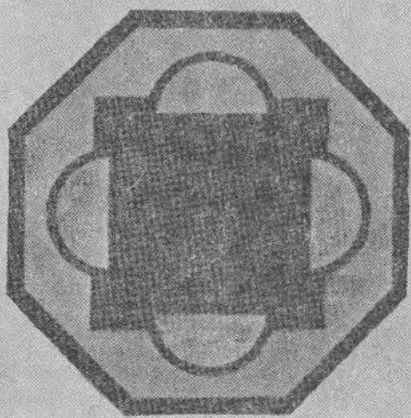
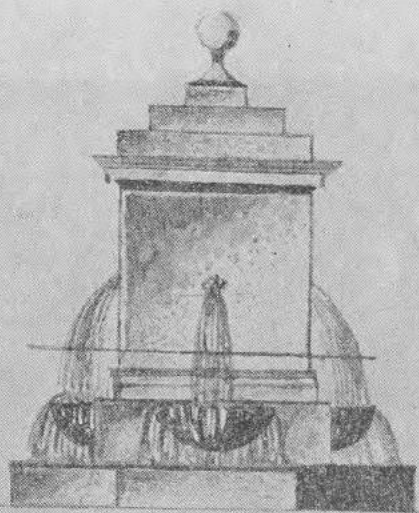
Мѣрило въ сѣтяхъ

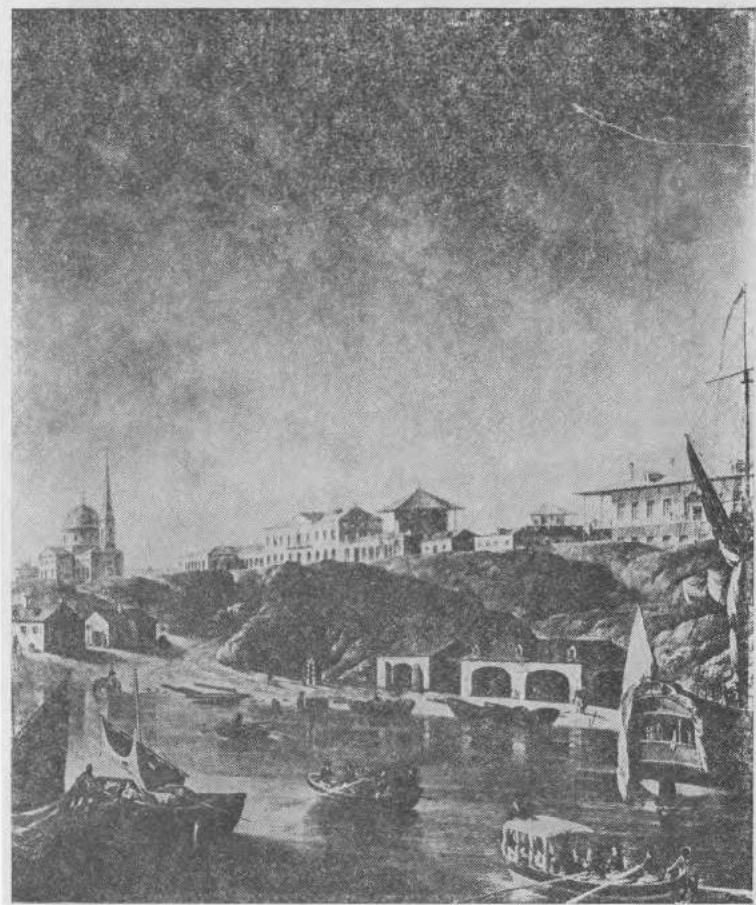

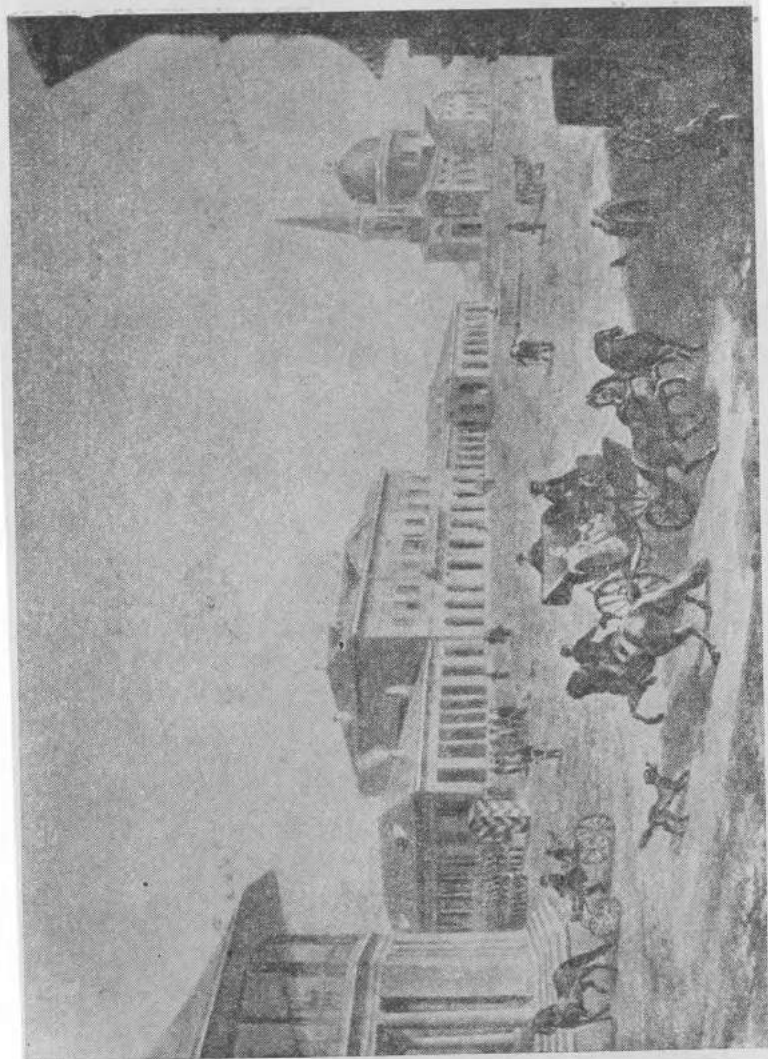
«Чертеж построеннаго в городе Николаеве в урочище Спаском средняго водомета для кою вода из ключей спаской долины деревянными трубами проведена. Соинен 1795 года. Июля 1-го дня» (публикуется впервые)

**Фонтан в Богоявленске. 1790 г. Арх. И. Е. Старов.
Чертеж середины 1790-х годов**

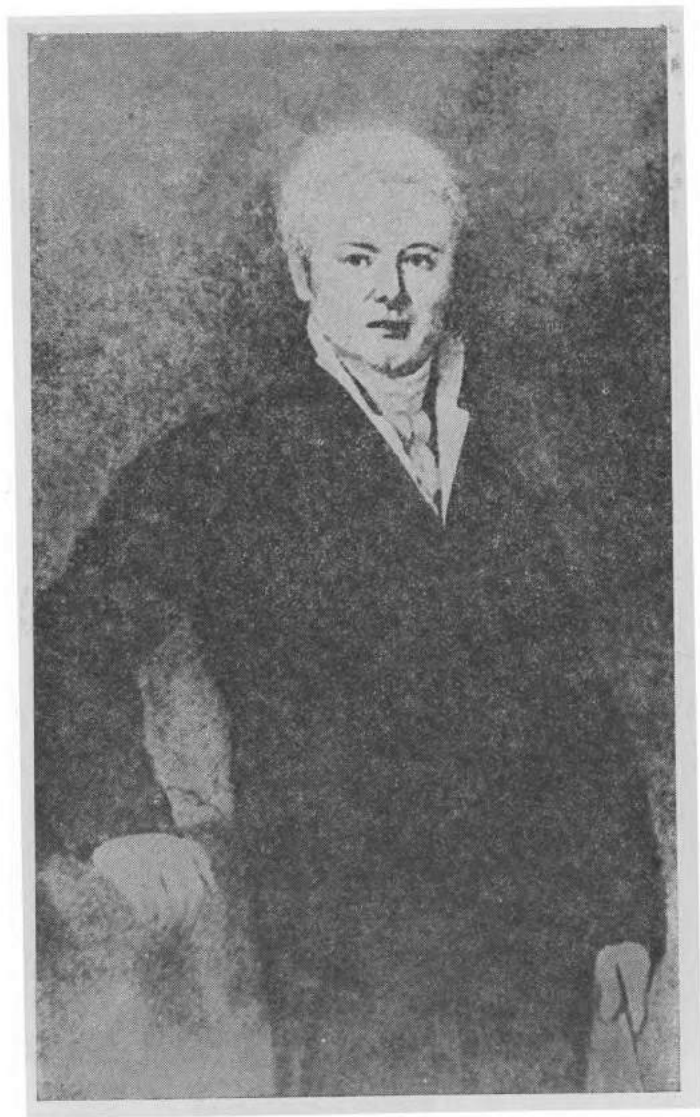

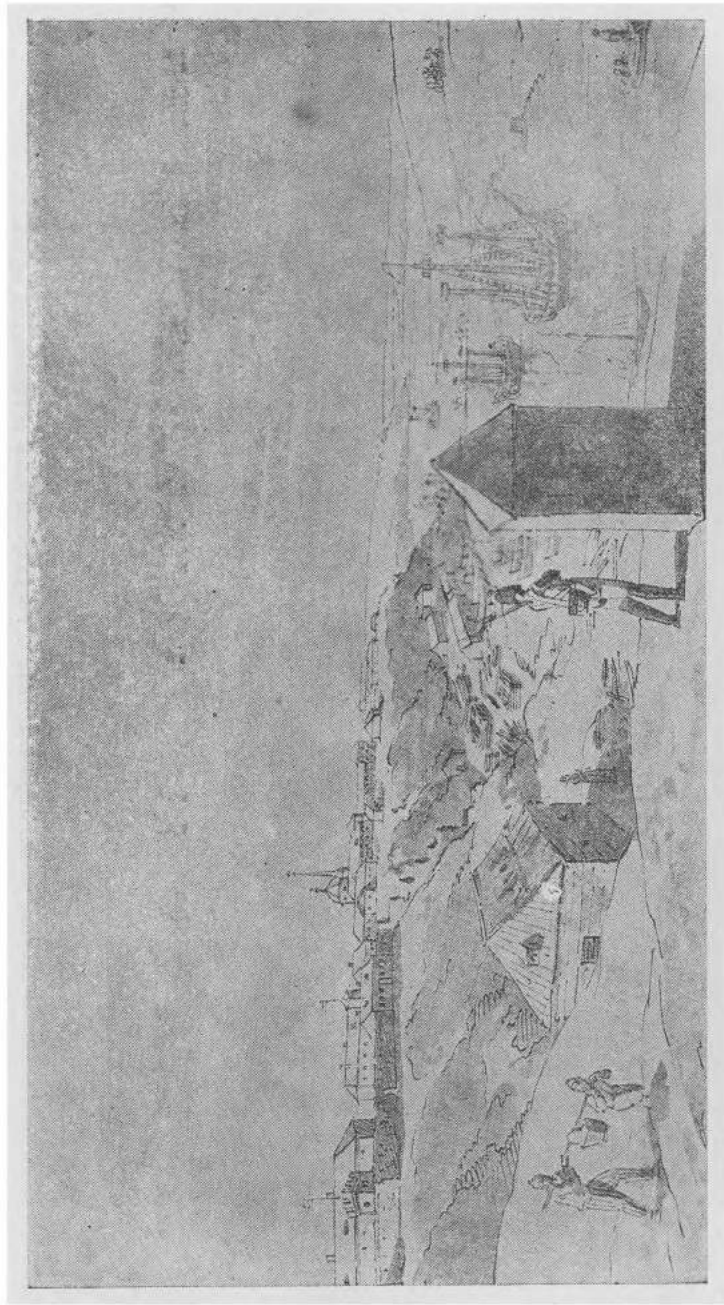
**Вид города Николаева со стороны реки Ингул.
С картины худ. Ф. Я. Алексева. 1797 — 1800 гг.
Третьяковская галерея**

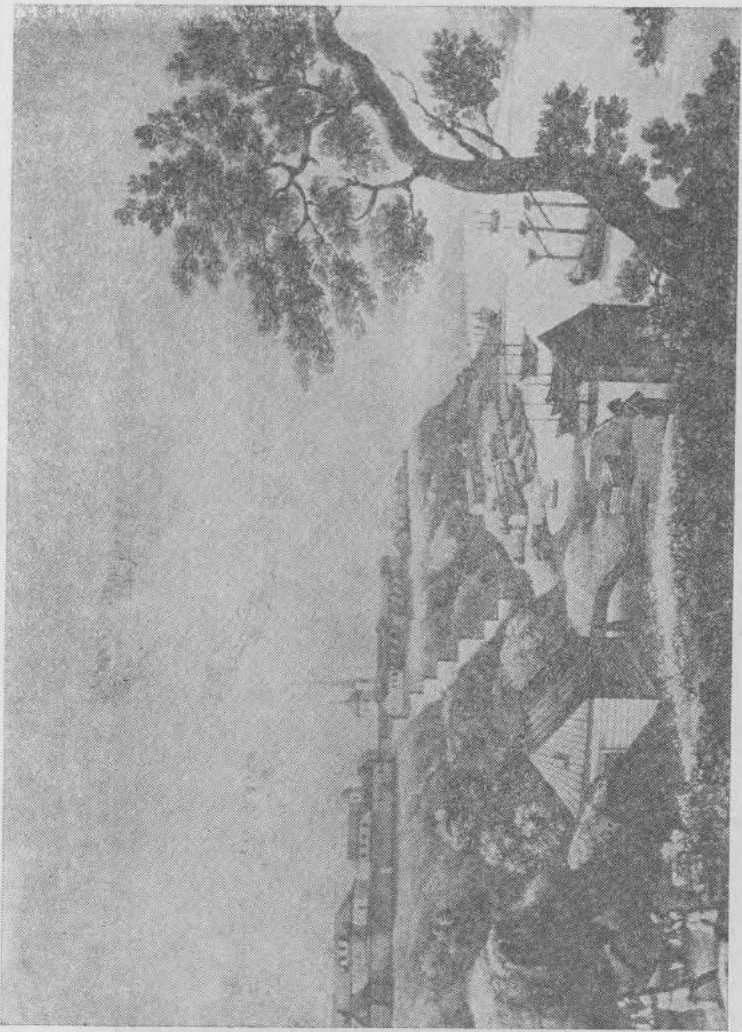
Вид площади в г. Николаеве. С картины худ Ф. Я. Алексеева. 1797—1800 гг. Русский музей

Художник Федор Яковлевич Алексеев

Вид портового города Николаева. С рисунка худ. Е. М. Корнеева.
1803 г. Литературный музей, Москва.

Вид портового города Николаева. С гравюры худ. Химли по рисунку Е. М. Корнеева. 1832 г. Государственный исторический музей.

Иванович
И. И. Траверсе де-Траверсе

1811 1827.

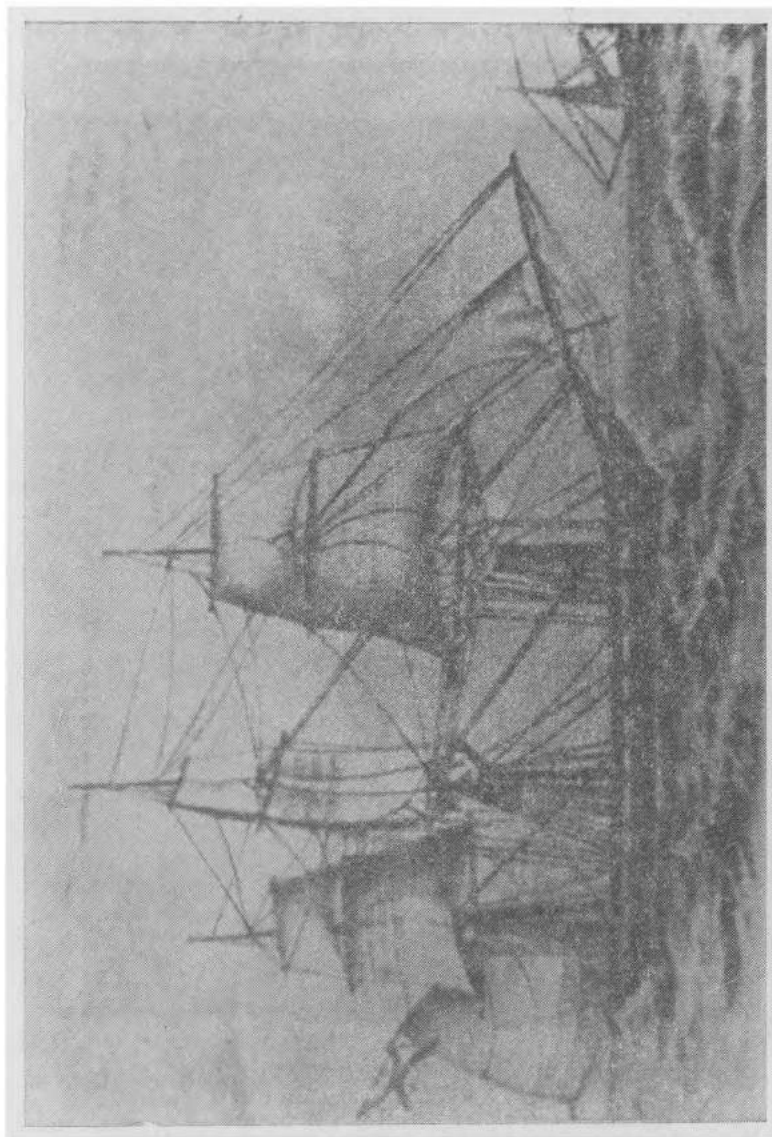
Адмирал Иван Иванович де-Траверсе

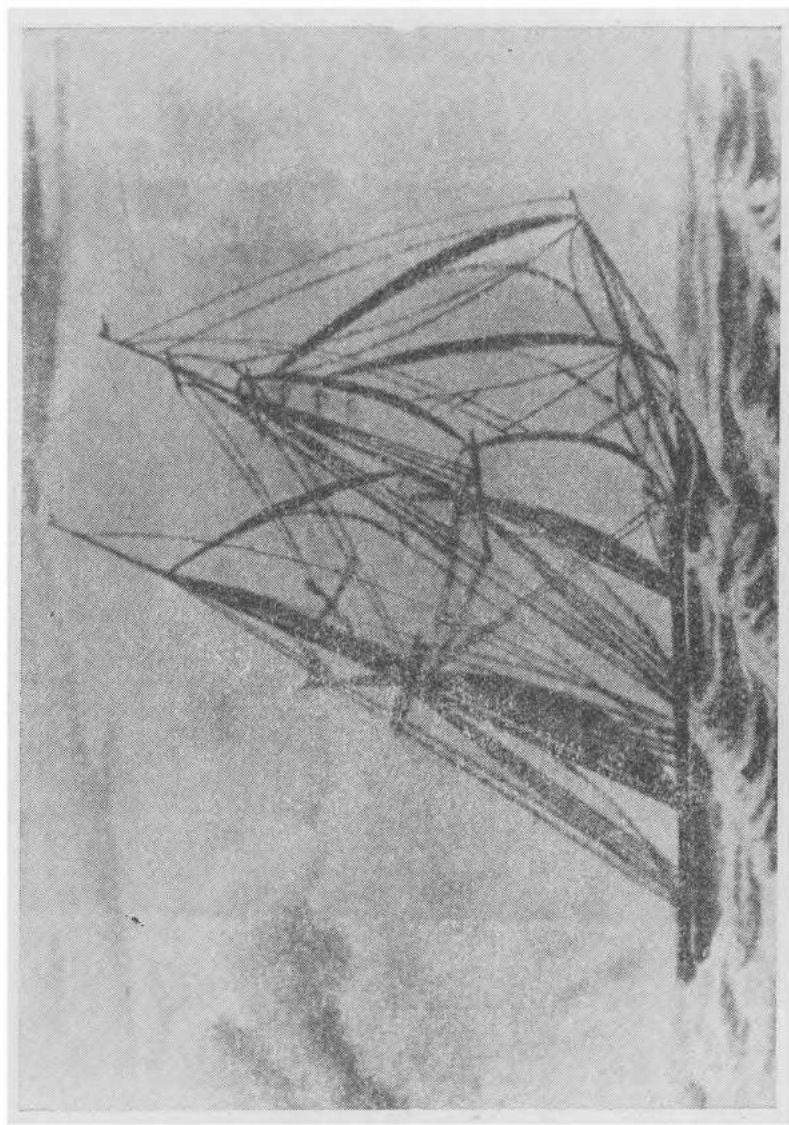
Алексей Самуилович Грейг

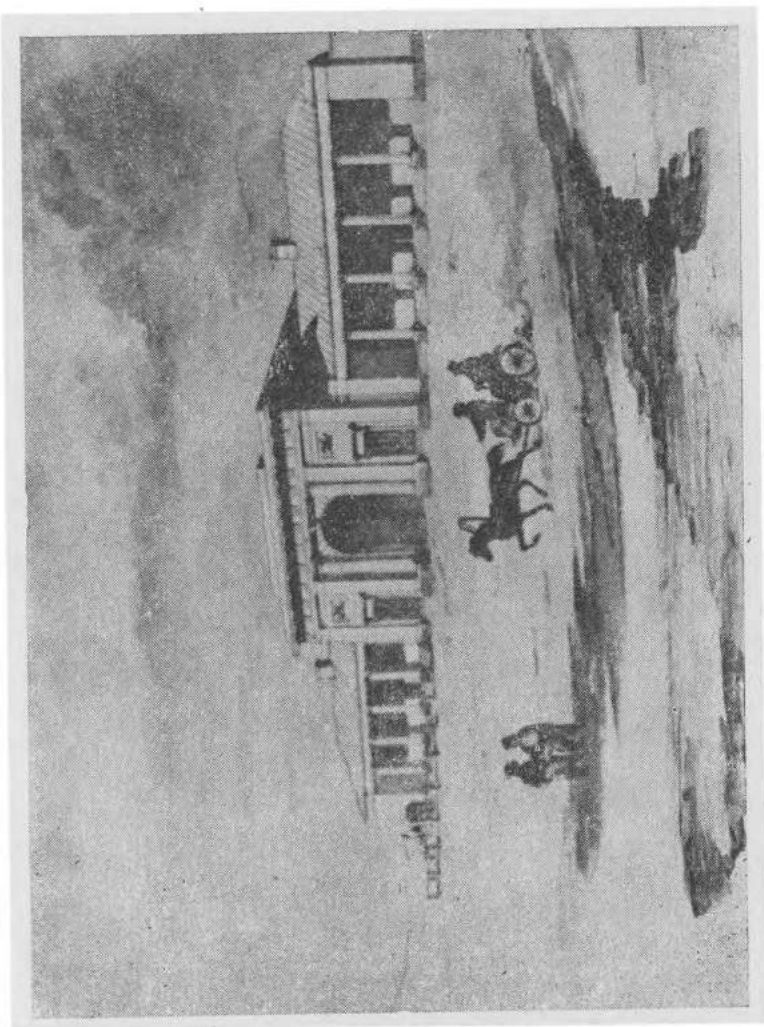
Портрет адмирала Грейга, хранящийся в Николаевском краеведческом музее. Неизвестный автор. Подарок праправнучки адмирала Лидии Николаевны Неезе.

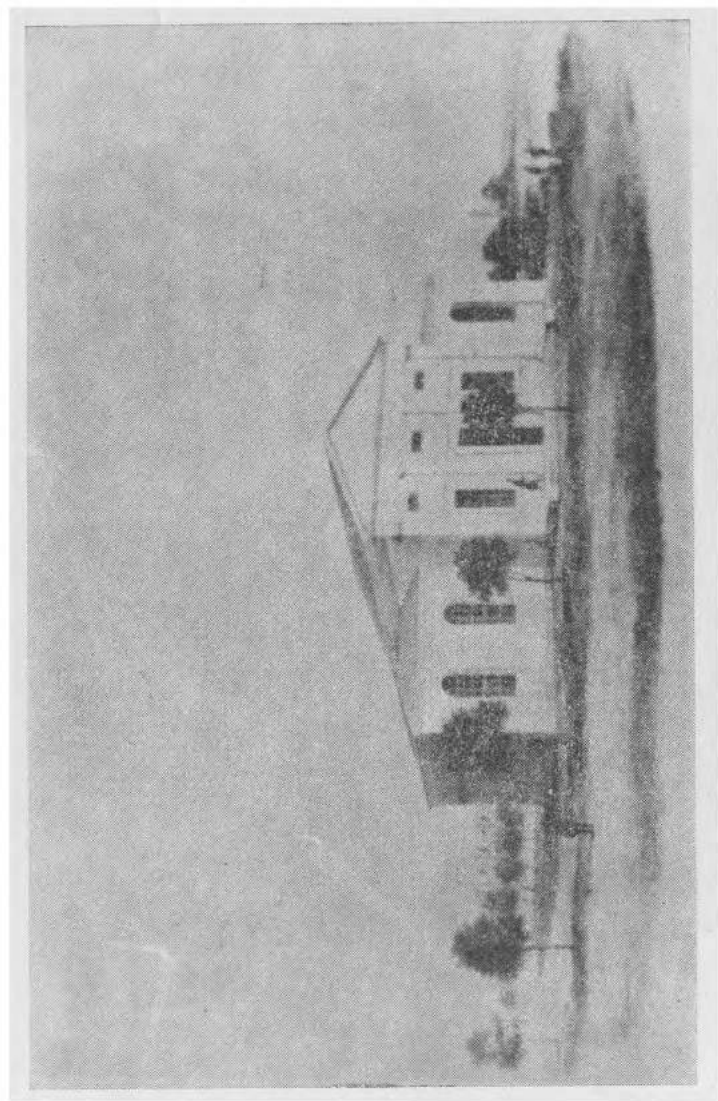
18-пушечный корвет «Андромаха». Заложен в 1840 г., спущен в 1841 году

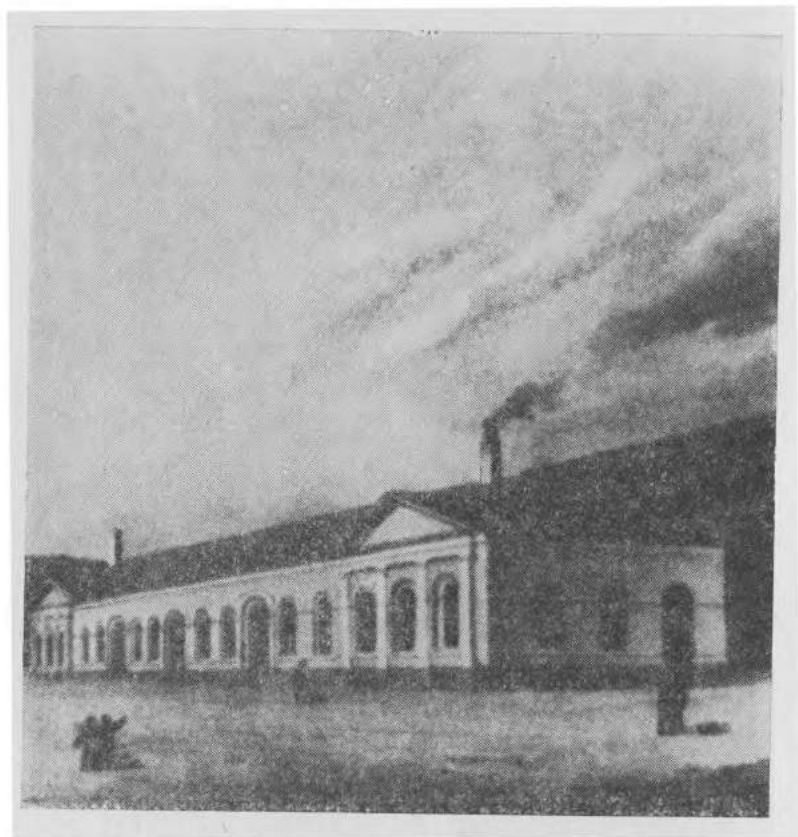
Бриг «Вестник», 1841 г.

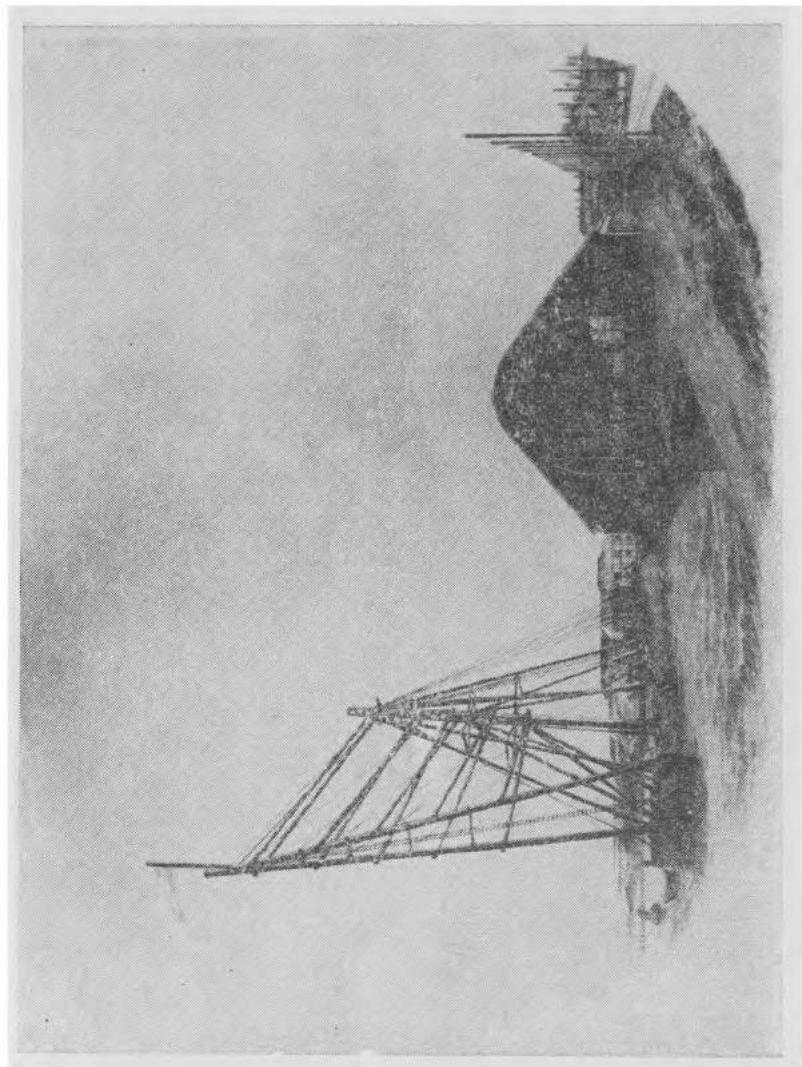
Ворота Адмиралтейства. 1838—1842 гг. Арх. К. Акройд

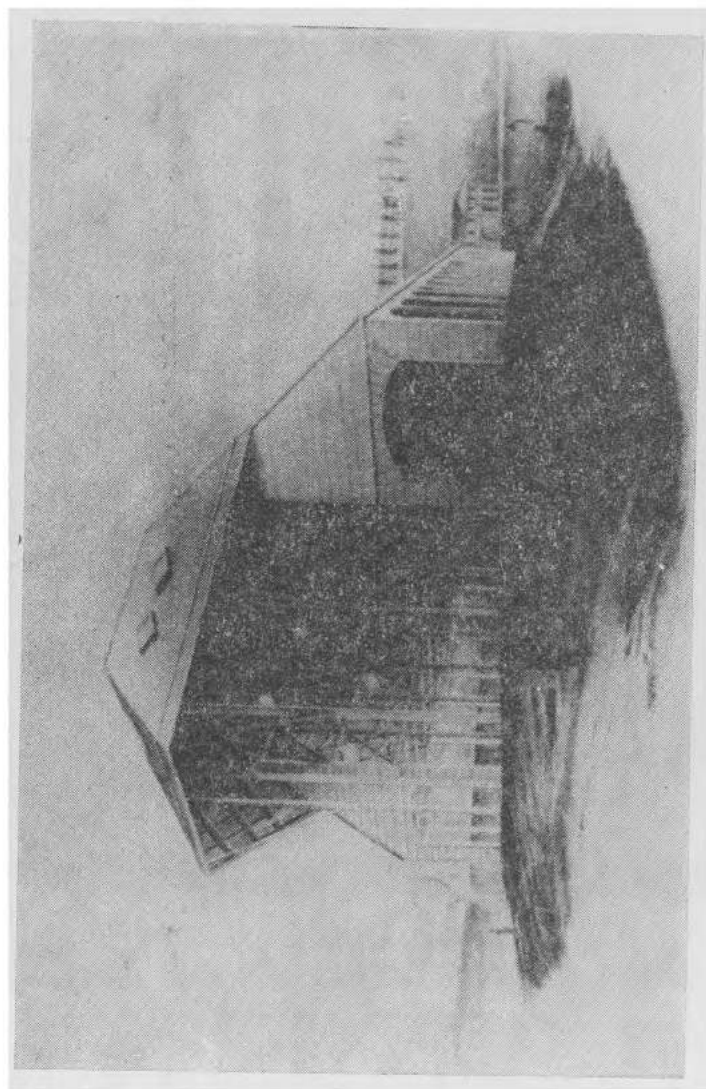
Модельный павильон Адмиралтейства 1838—1842 гг. Арх. К. Акройд

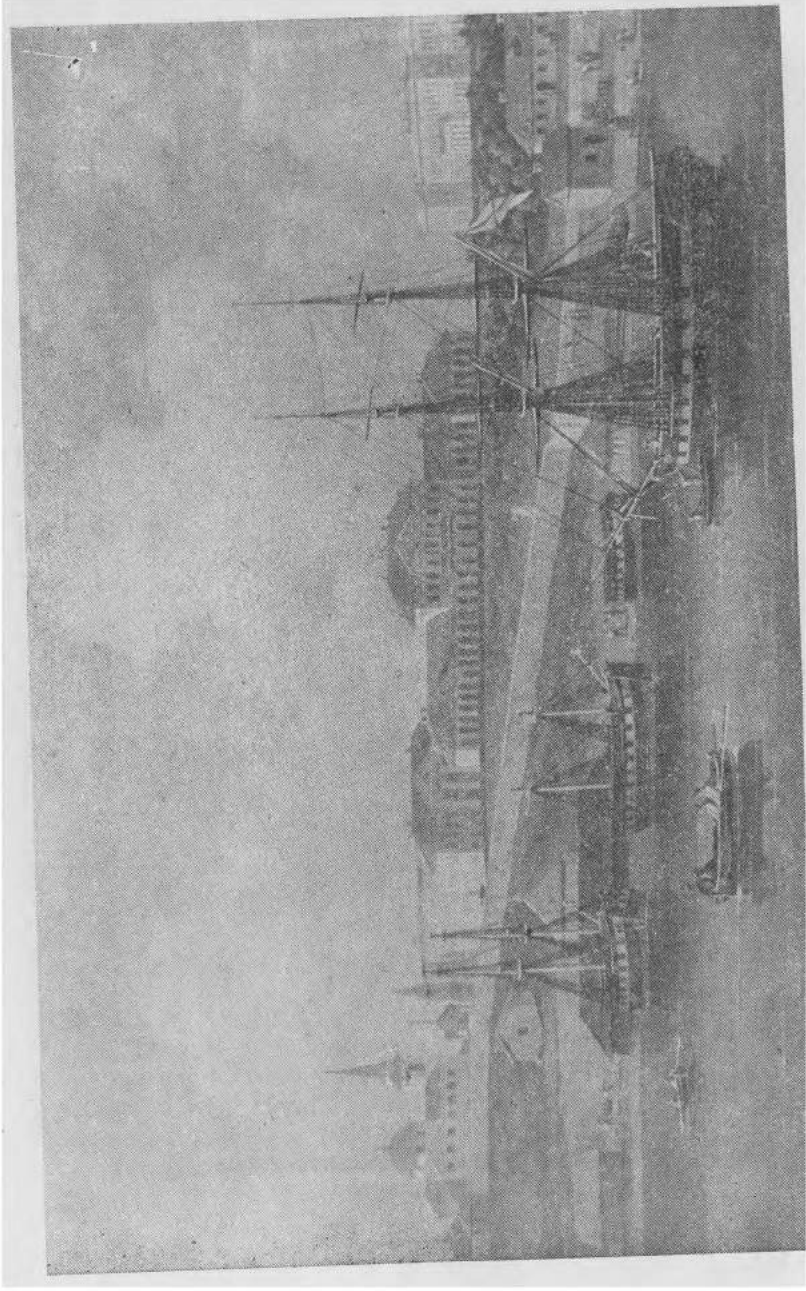
Машинная мастерская в Адмиралтействе

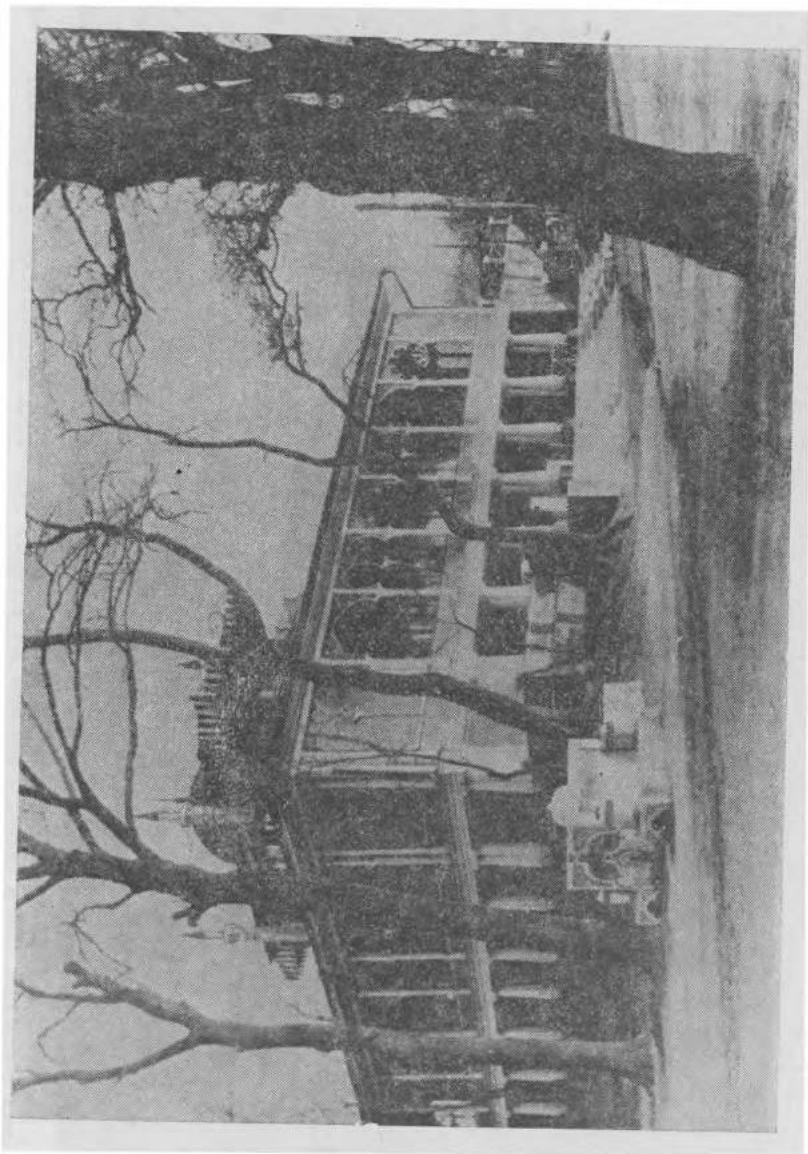
Эллинг в Адмиралтействе

Эллинг в Адмиралтействе. Вид с берега

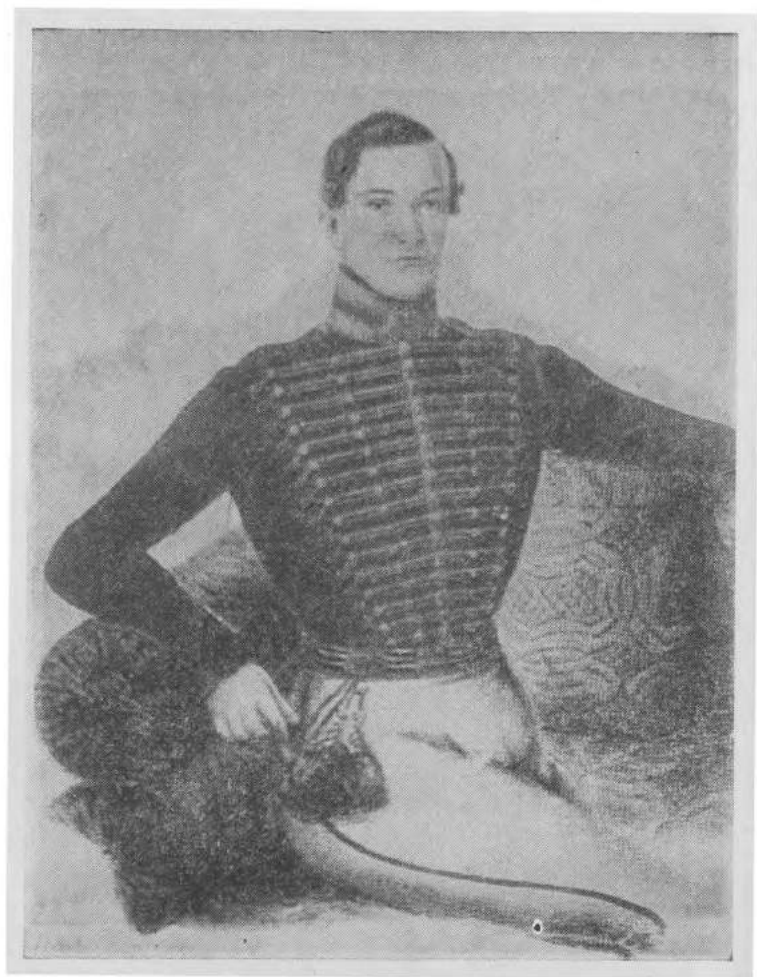
Николаев в середине 1840-х годов. С картины неизвестного художника. Николаевский краеведческий музей

Дворец Потемкина в Спасске (летнее Морское Собрание) после реконструкции в 1842 году

Мемориальная доска на доме по ул. Розы Люксембург, 34 а.
Худ. Вадим Машков

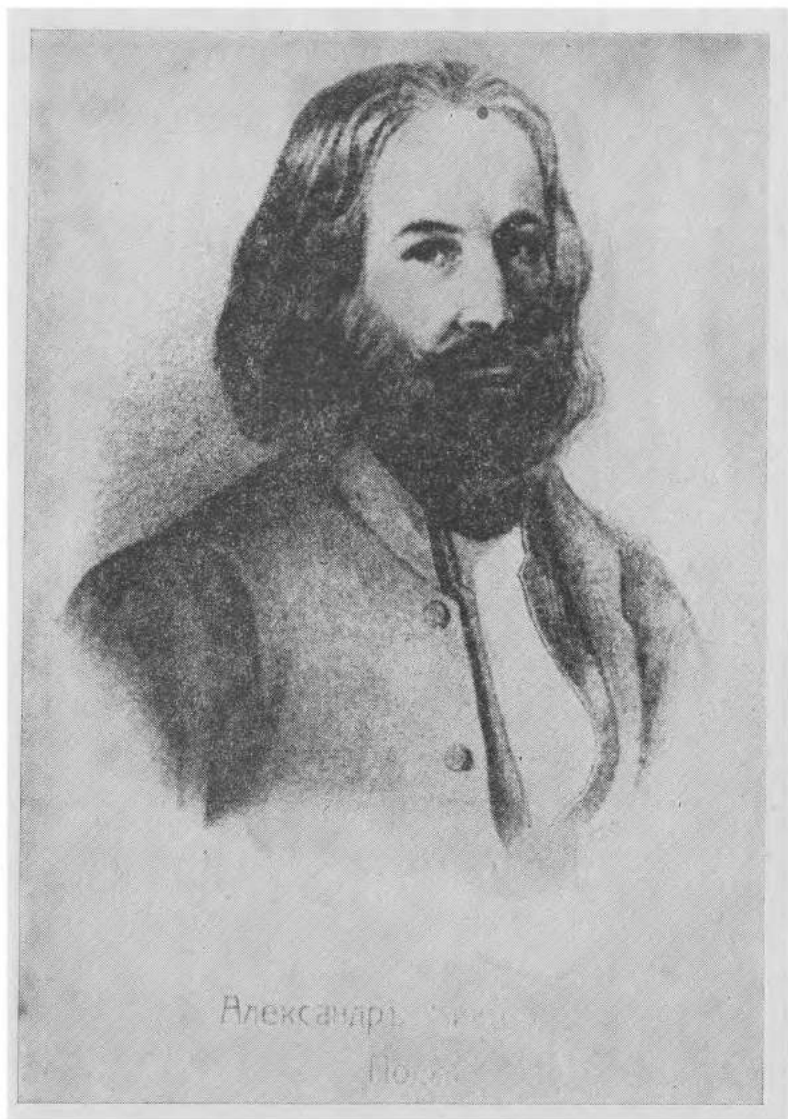
Иосиф Викторович Поджио. 1810-е года

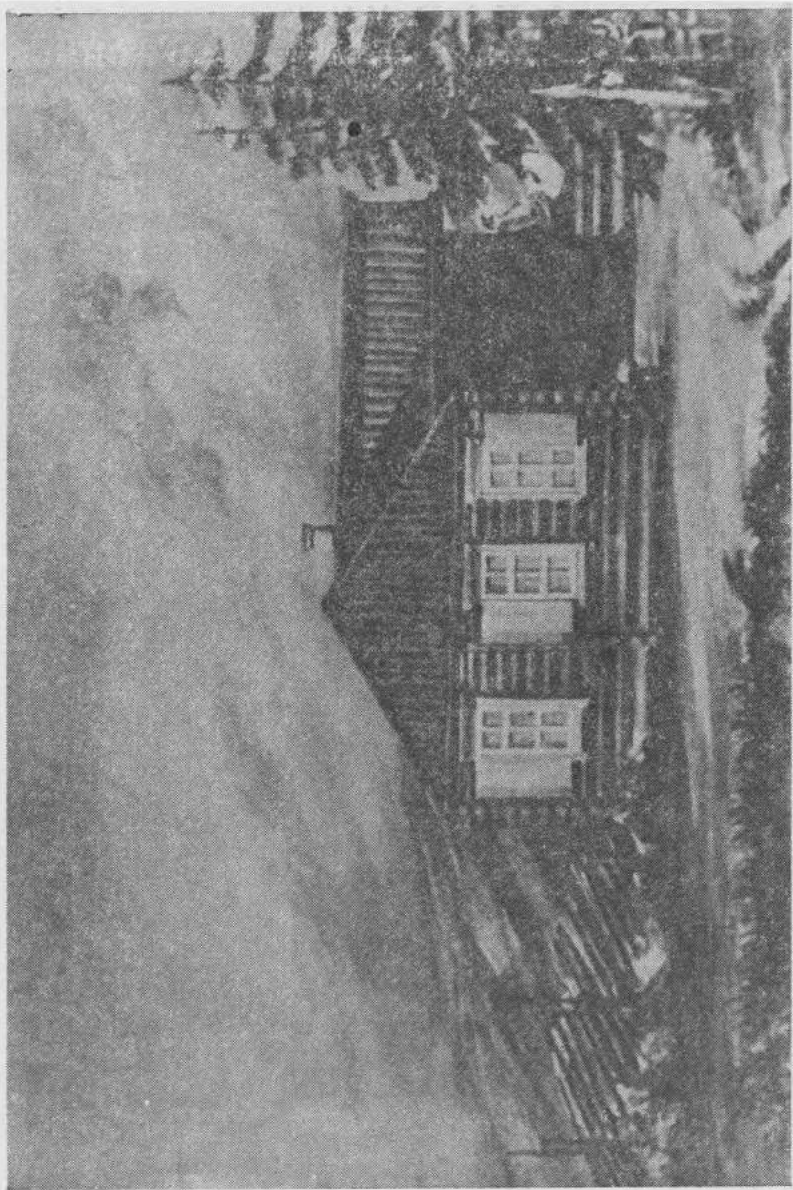
Иосиф Поджио
Джерротид,
1875 г.

Александр Поджио. С акварели Н. А. Бесстужева.
1830—1833 гг.

Дом Поджио в Усть-Куде (ныне ул. имени Братъев Поджио)

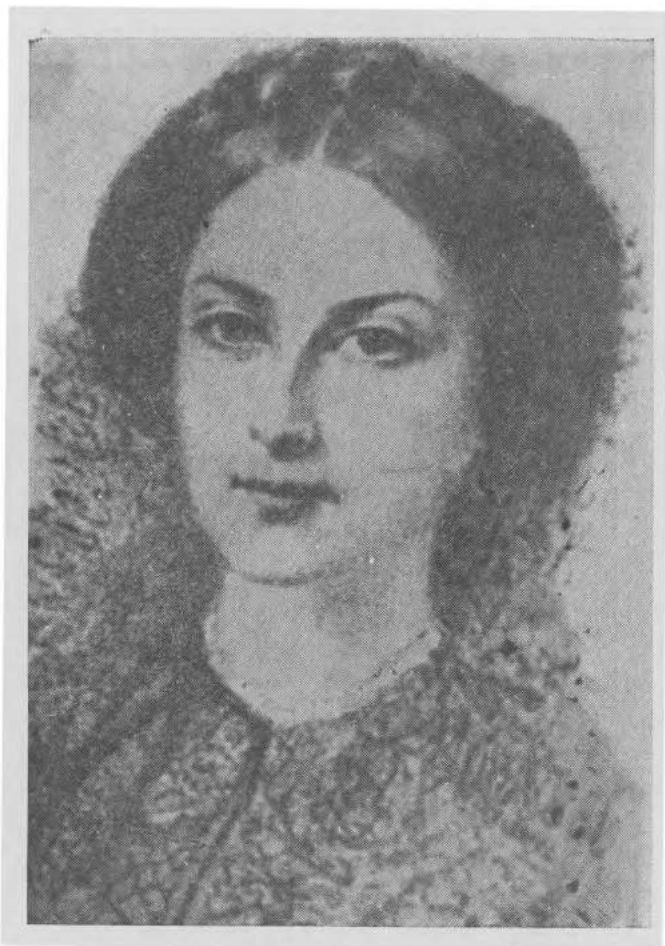
А. В. Поджио с дочерью Варей

Софья Перовская и Варвара Поджио

Наталья Андреевна Плеская, внучка И. В. Поджио.

Дочь С. Г. Волконского — Елена Сергеевна, на руках которой скончался А. В. Поджио.

123

Всего
14 июня 1858 г. 188

**УПРАВЛЕНИЕ
НИКОЛАЕВСКОГО
ВОЕННАГО
ГУБЕРНАТОРА**

КАМЕР-ЛЕРИИ

№ 93 от 12 июня 1858 года

Николаев

№ 93

Высочайшим Указом Императора

Присланным из Петербурга
разрешением, из Московских уездов
возвращаемым из Сибиря гвар-
дии Сиринь Диконский гвардии
сержант С. Московского Военно
Инженер Инженерского, что не гу-
манит своим, Владимиром Алексеевичем

Сержант
Павеловъ С. В. сержант,
прид. Кавказской артиллерии
и казначейский адъютант
Венковъ Вацлавъ Семёновичъ
Федотовъ при судействе
Кавказской артиллерии
Въ виду
указомъ Императора
отъ 12-го июня 1858 года
№ 93
и 6-го Мая 1858 года,
назначенъ

Циркуляр № 93 от 12 июня 1858 г. о секретном надзоре за С. Г. Волконским, выехавшим в Николаев

секретное уведомление.

О чине Волконского Кавказа

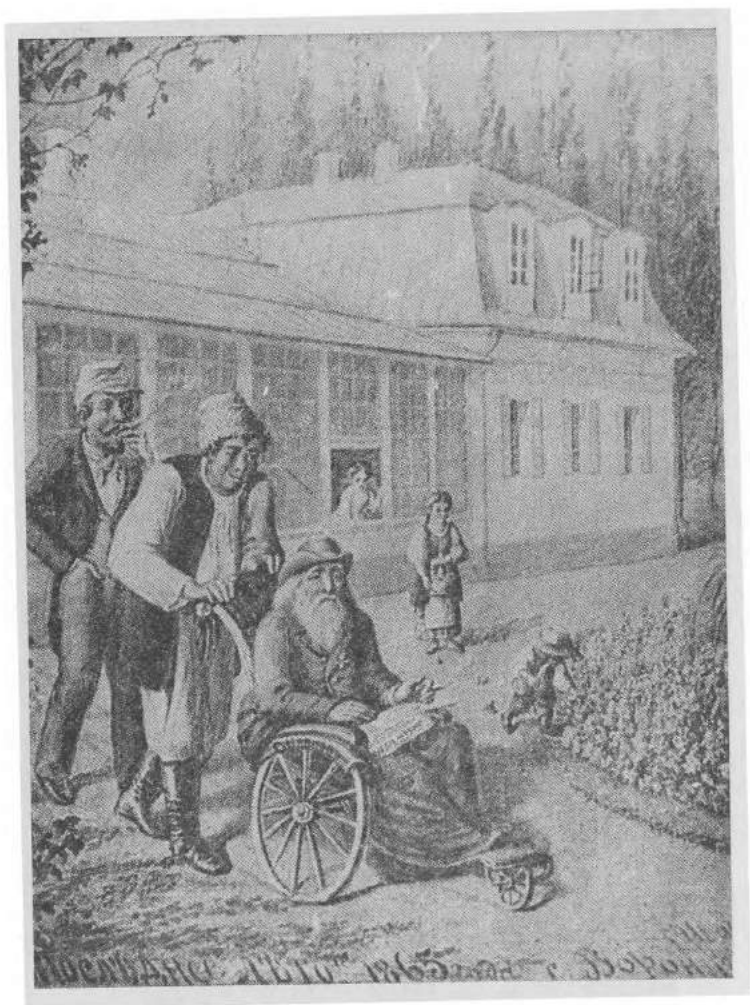
для исполнения дана команда.

Самодержавный Высочайший Приказ,

Св. Вл. Канцелярия Кавказского Генерала

Н. Г. Волконский Кавказский Генерал

Окончание циркуляра № 93 от 12 июня 1858 г. о секретном надзоре за С. Г. Волконским, выехавшим в Николаев

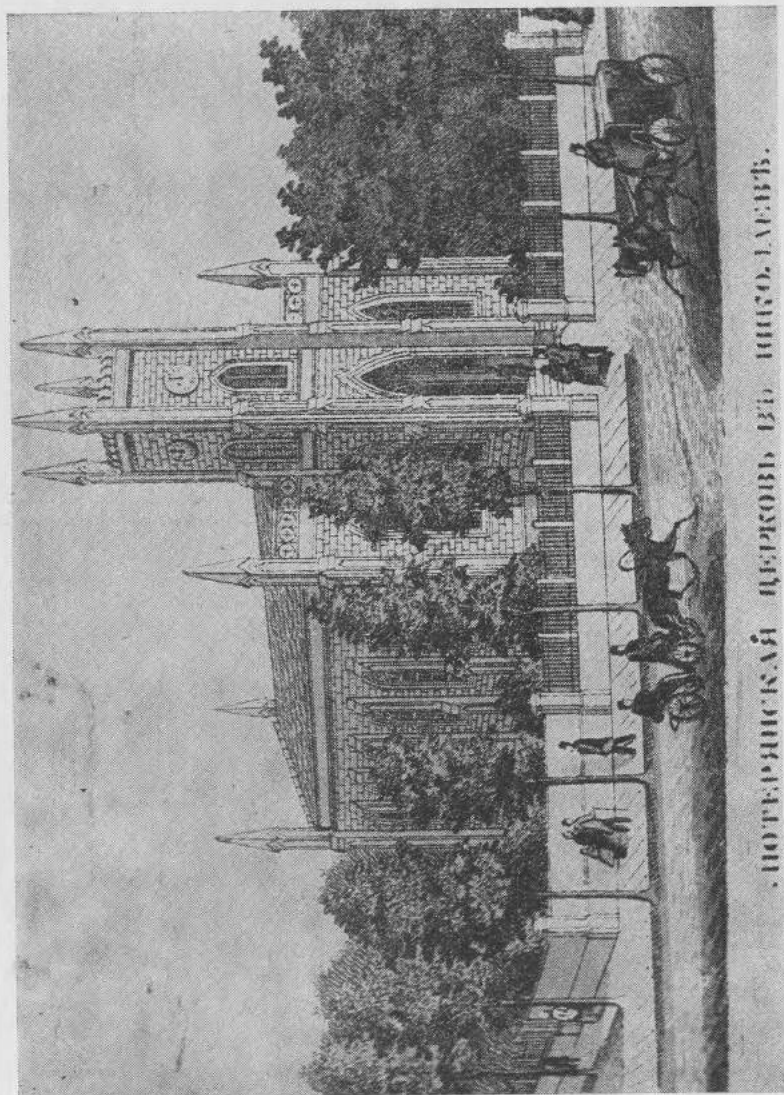
**С. Г. Волконский «Последнее лето 1865 года
с. Воронки». С акварели Гавриила Иванова**

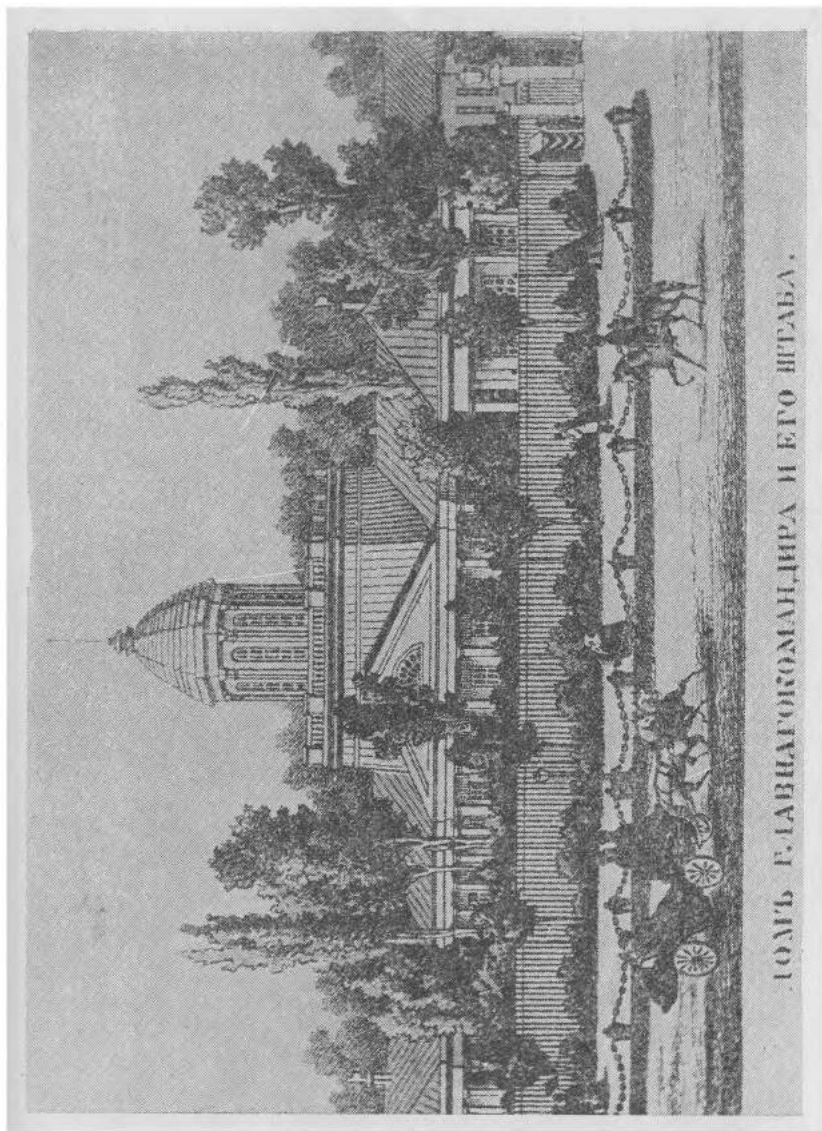
Феопемт Лутковский. Выслан в Николаев за причастность к движению декабристов

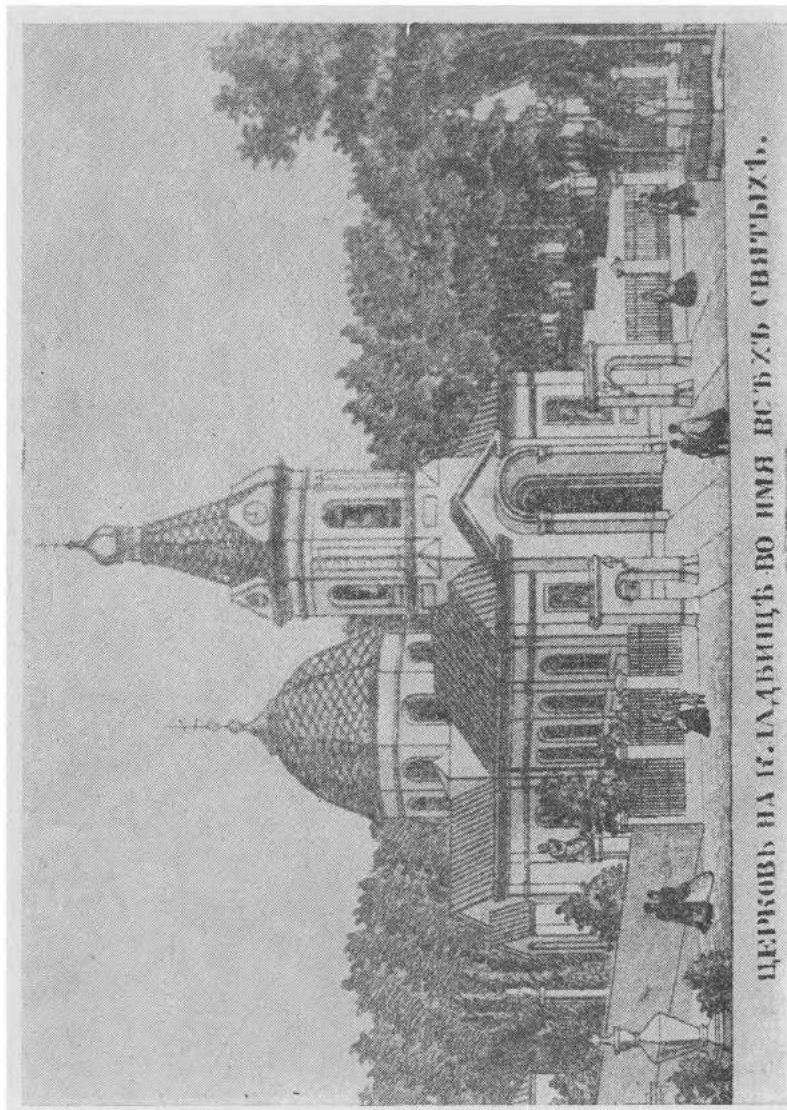
Григорий Николаевич Ге

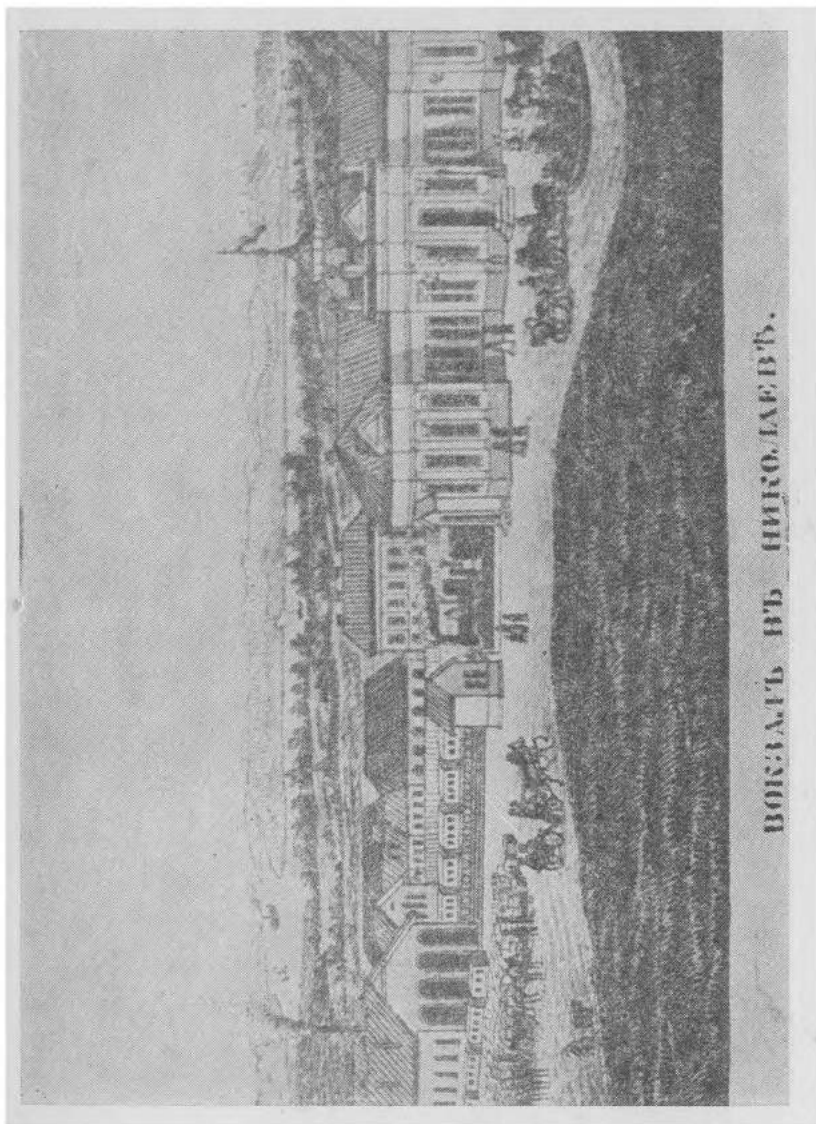
ЦЕРКОВЬ СВ. ИГОРЯ В МОСКВѢ.

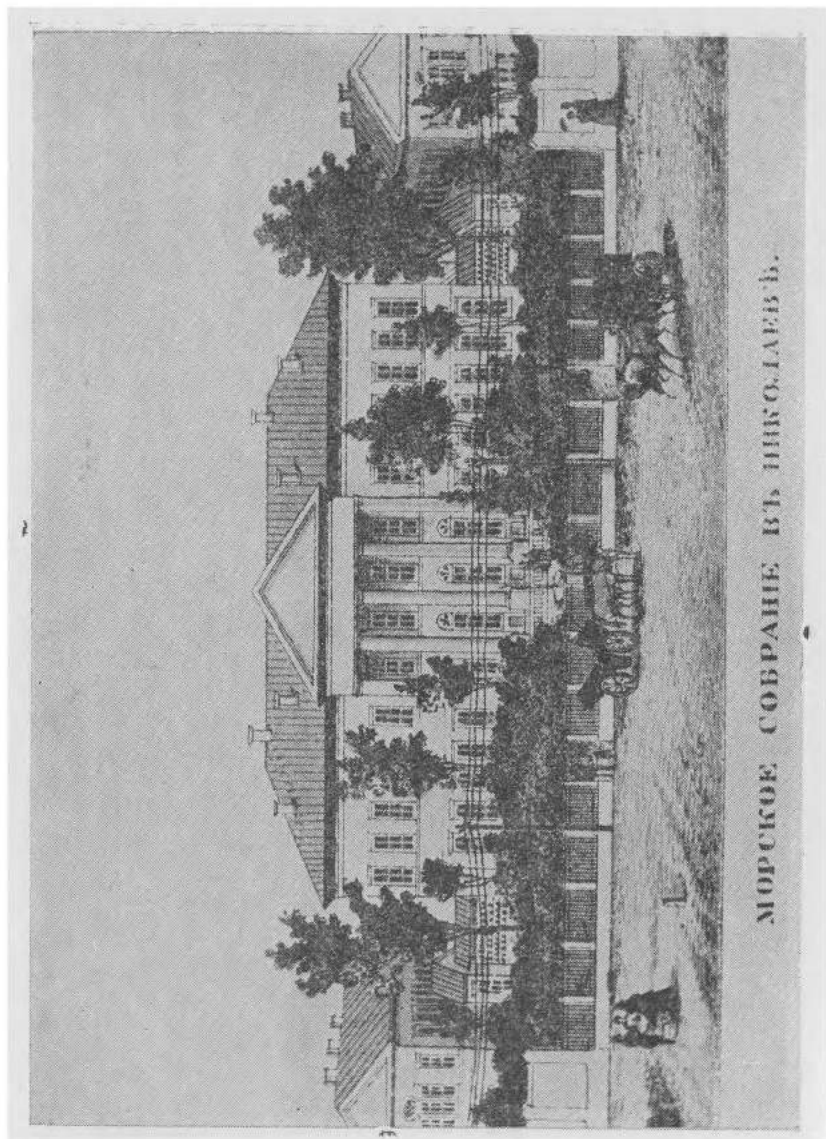
ДОМЪ ГЛАВНАГОКОМАНДИРА И ЕГО ШТАБА.

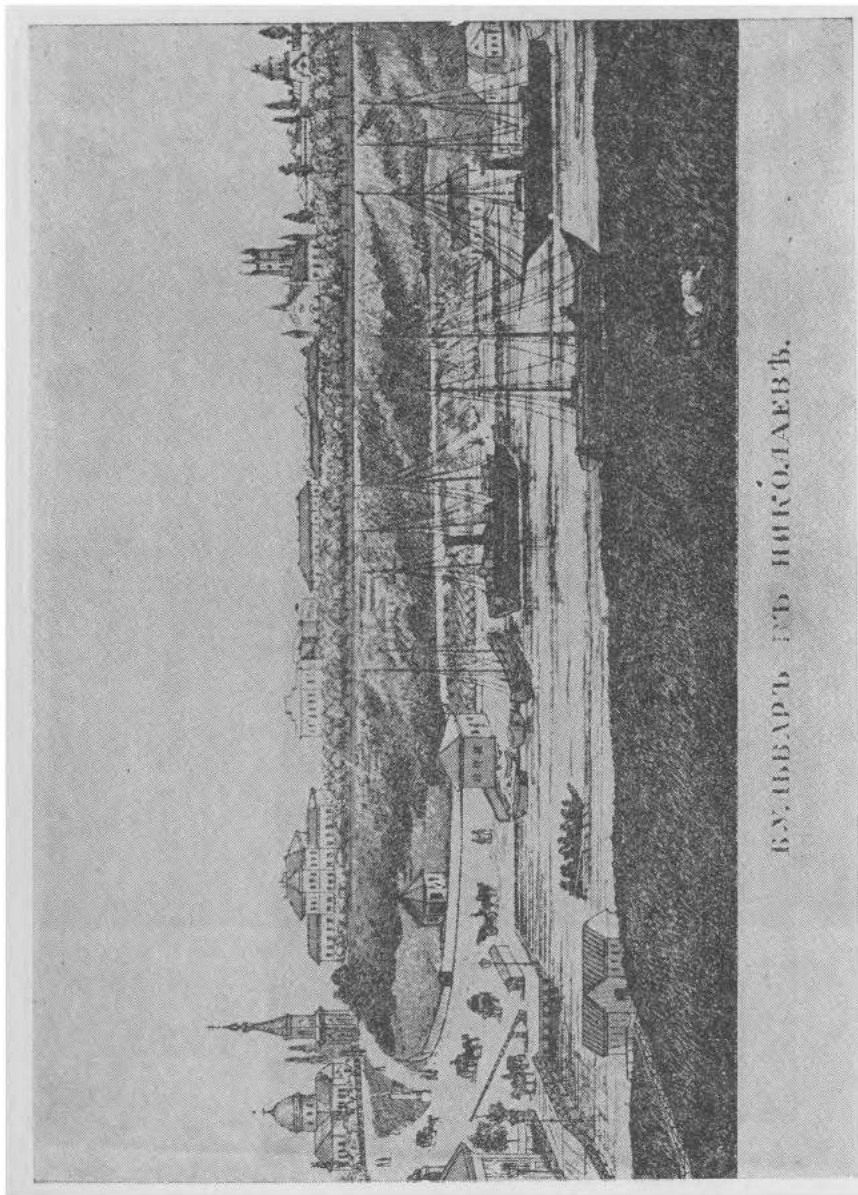

ЦЕРКОВЬ НА КЛАДБИЩЕ ВО ИМЯ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

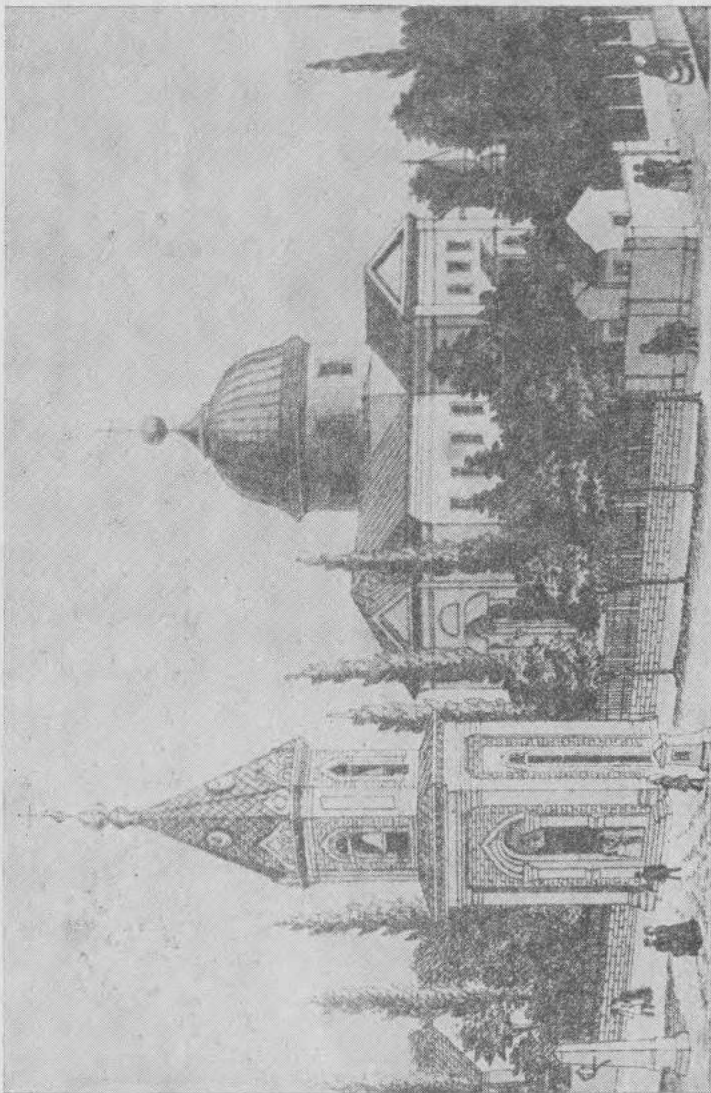

БОРГАТЪ ИЪ ИИРОЛАЕДЪ.

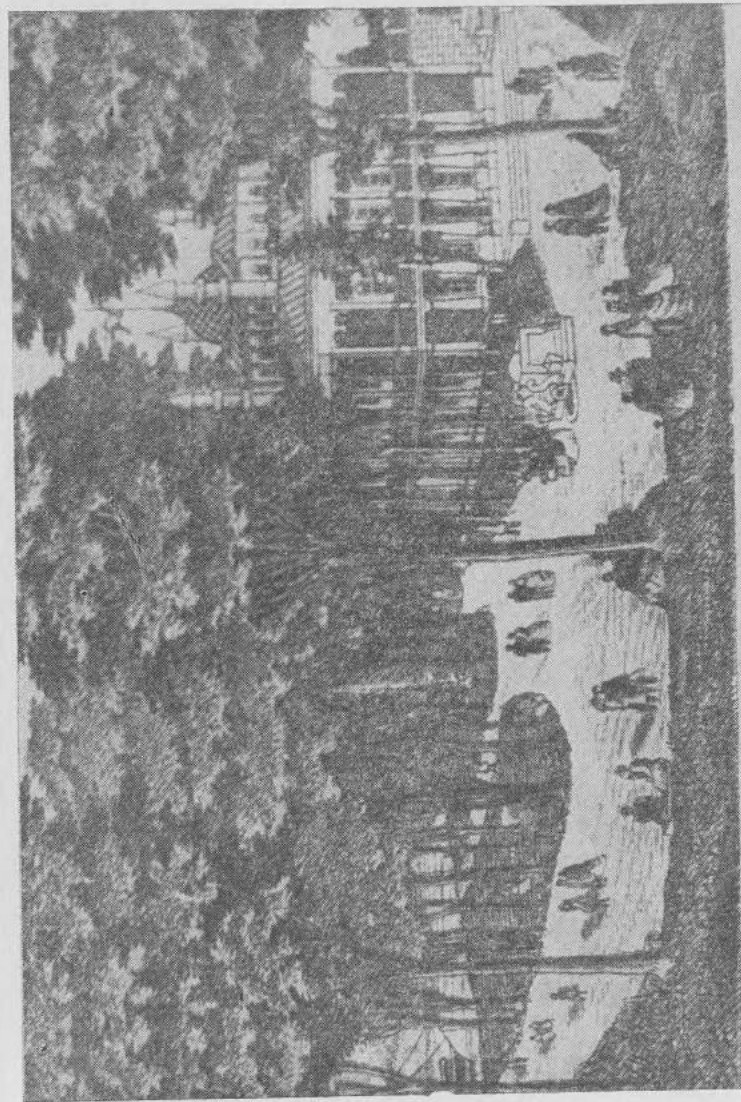

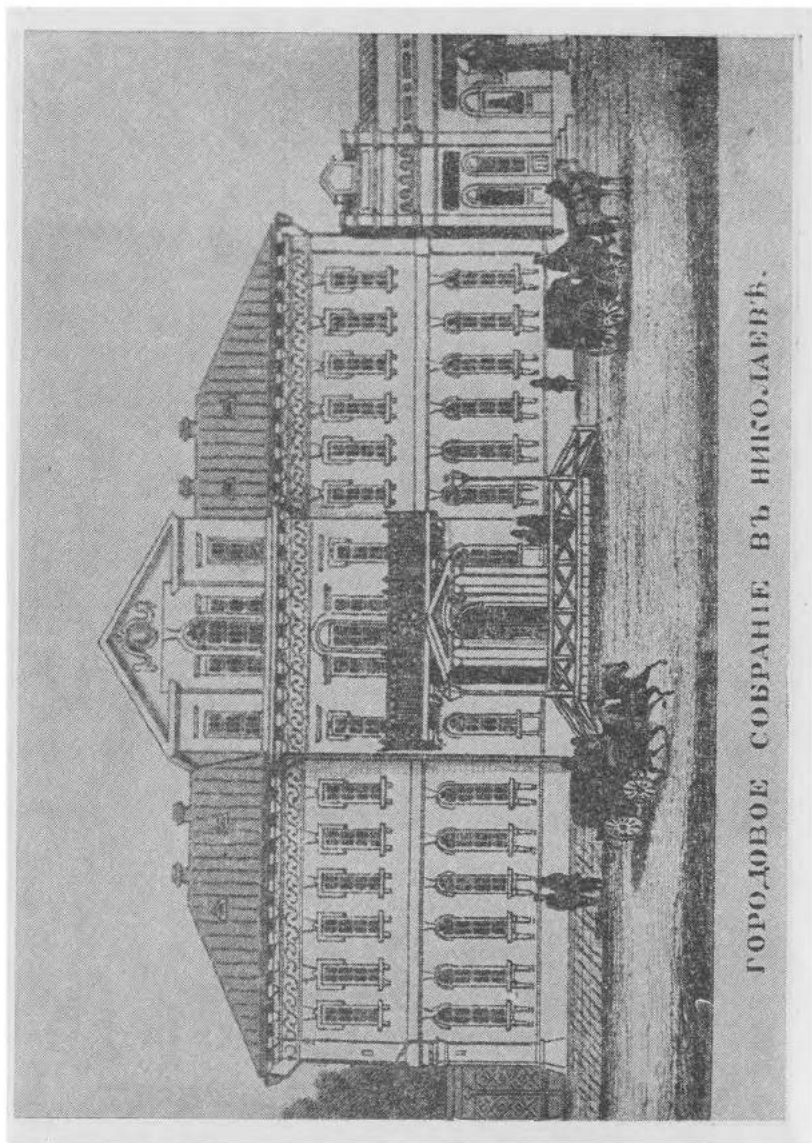
ВЪЛГАРЪТЪ ИЪ НИКОЛАЕВЪ.

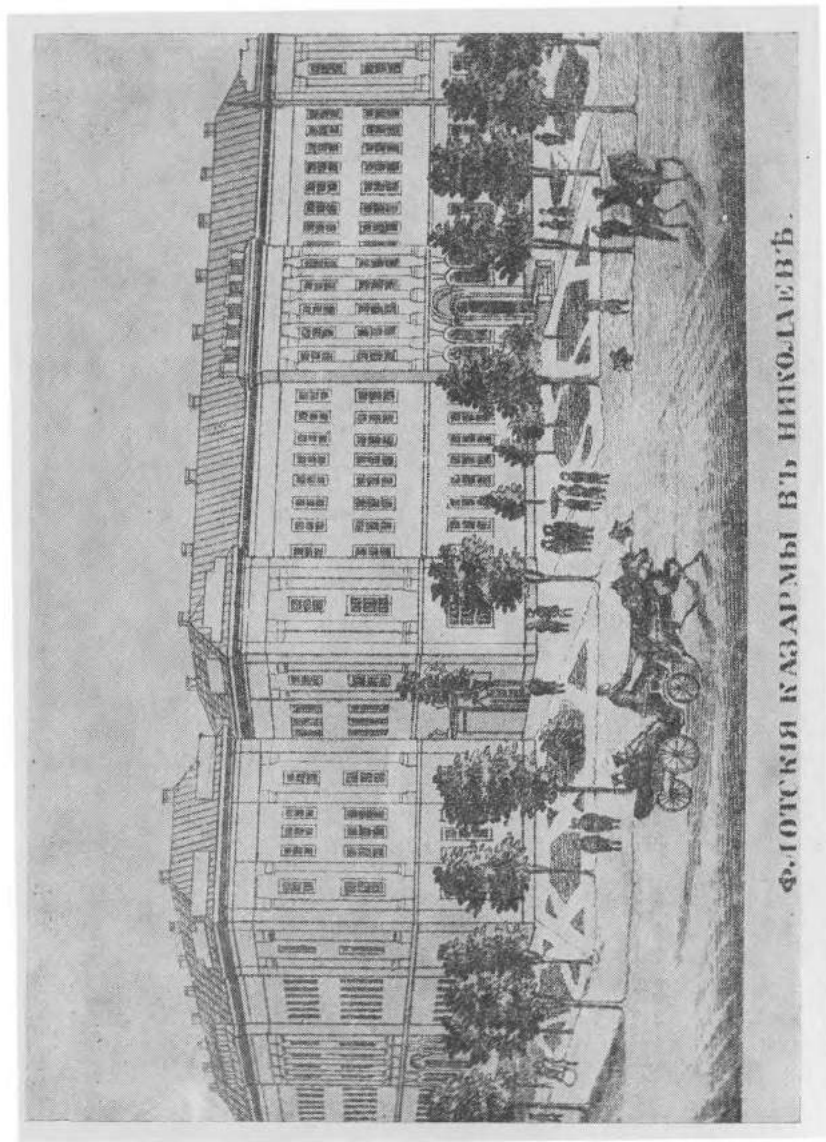
АДМИРАЛТИЕЙСКІЙ СОБОРЪ ВЪ НИКОСИИ.

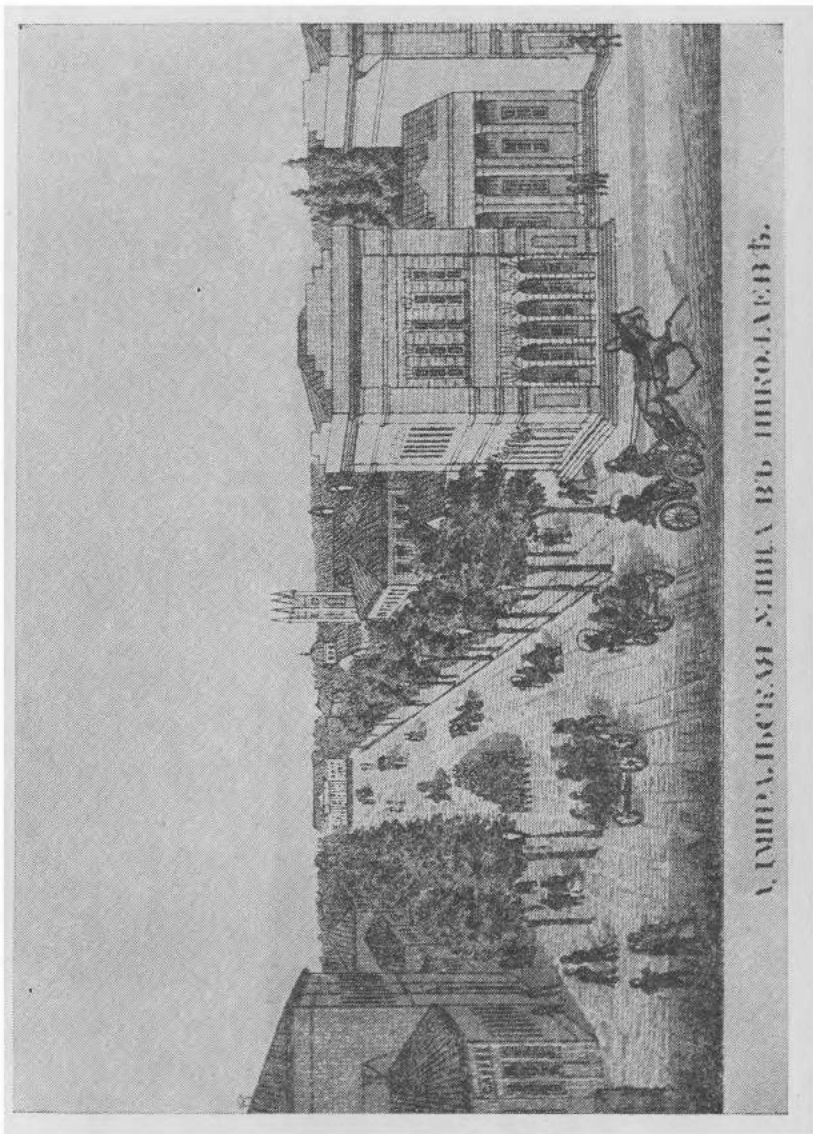
CHACKE'S

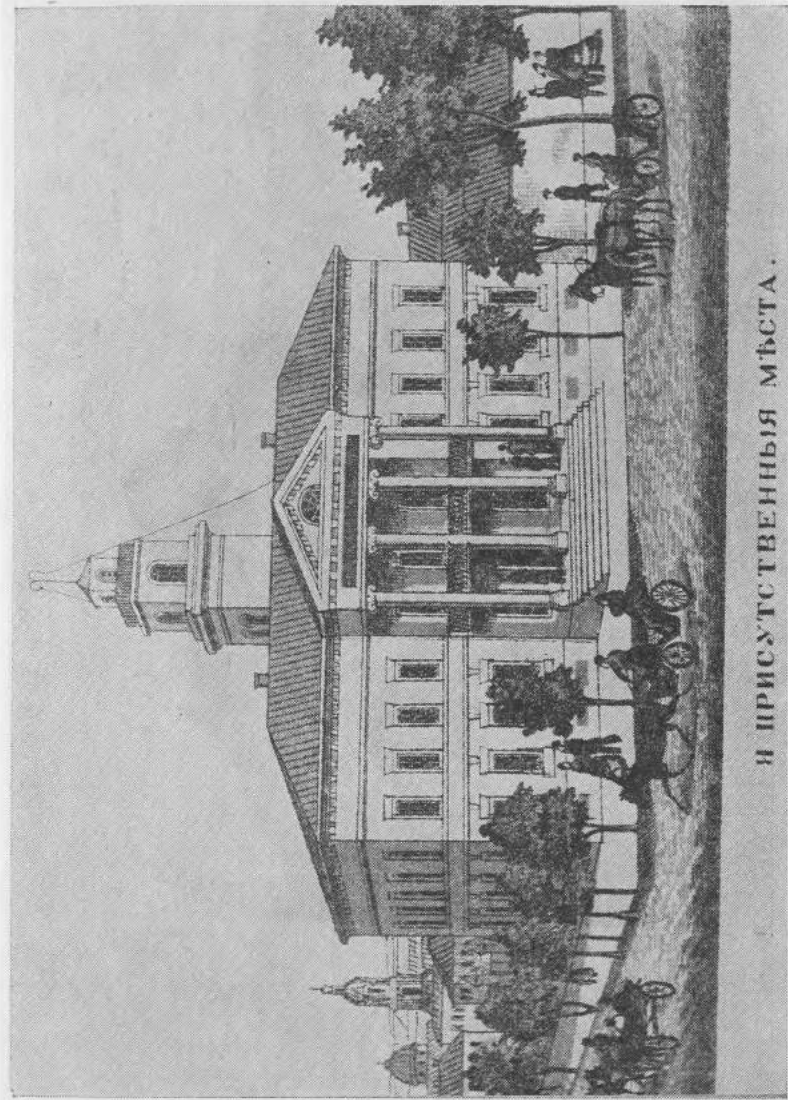
ГОРОДОВОЕ СОБРАНИЕ ВЪ НИКОЛАЕВЪ.

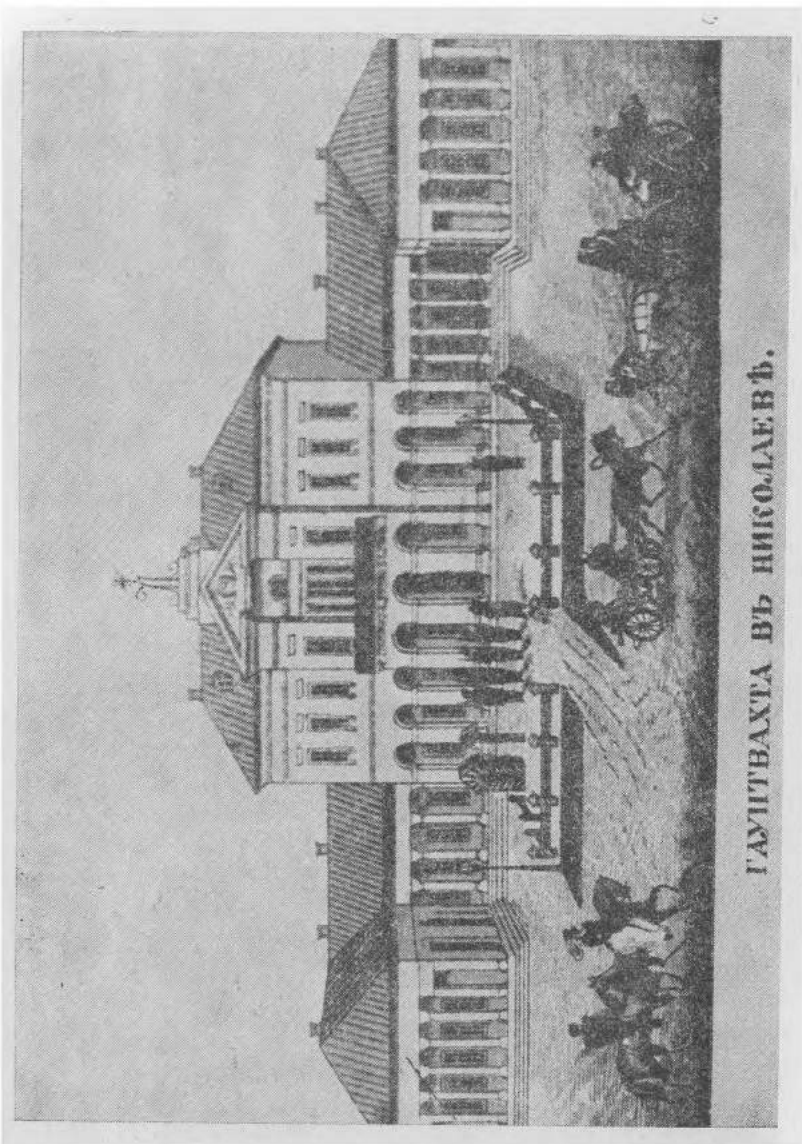
ФЛОТУСКІЯ КАЗАРМЫ ВЪ НИКОЛАЕВѢ.

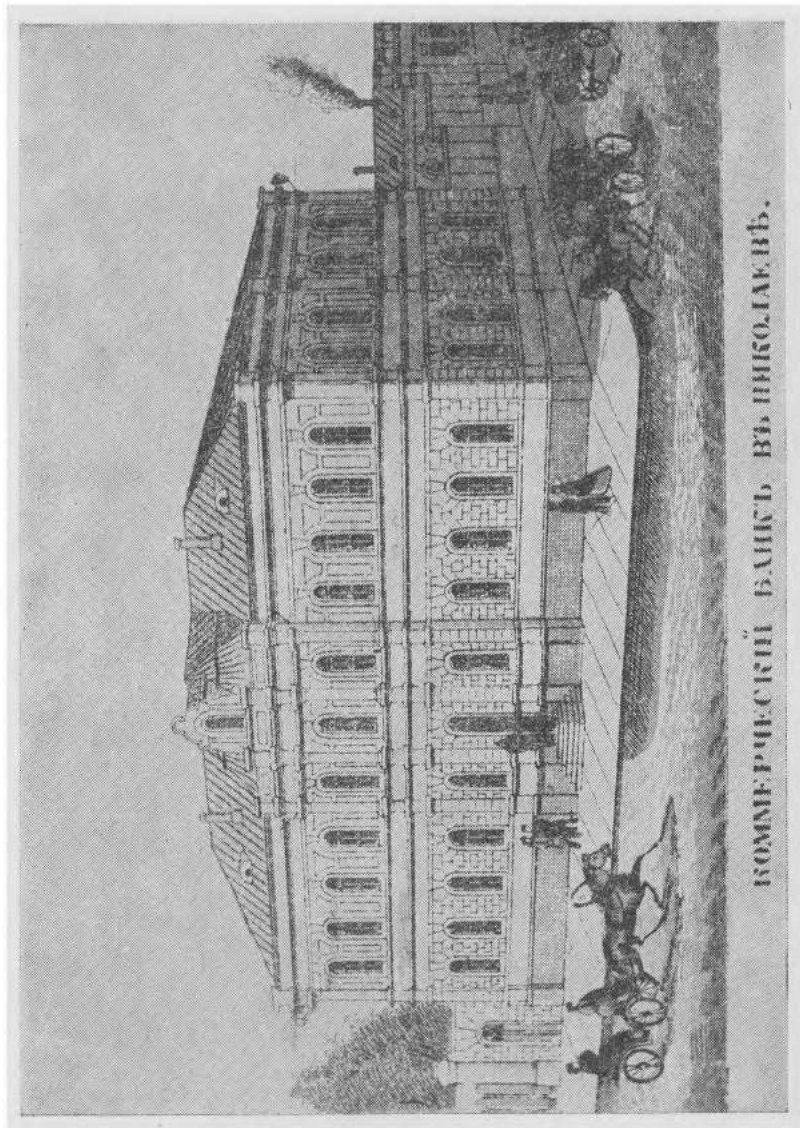
УМРАДБЕРАТ СИБИ БД ИНО.А.Е.Е.Б.

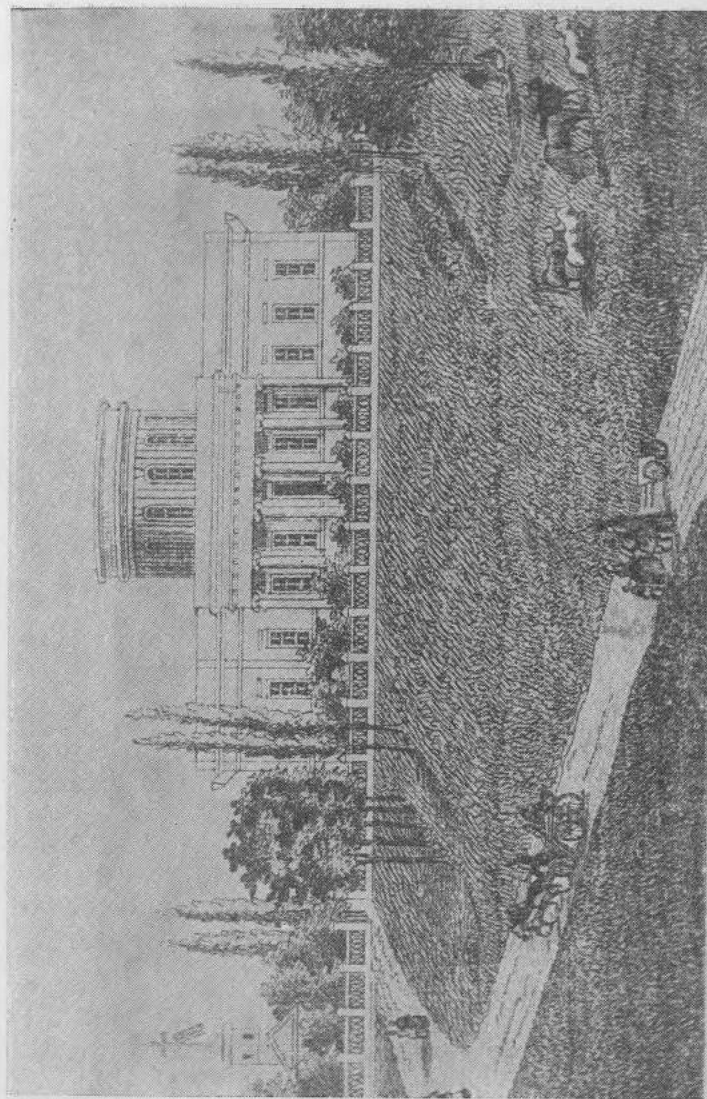
И ПРИСУТСТВЕННЫЯ МЪСТА .

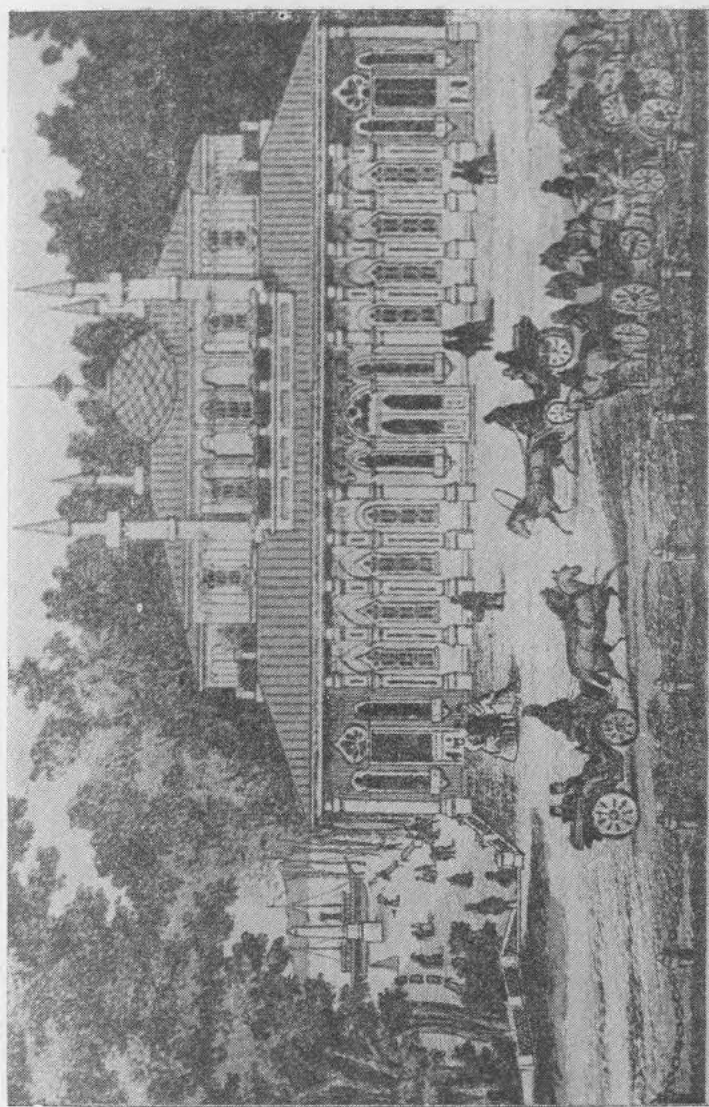
ГАУЛГВАХТА ВЪ НИКОЛАЕВЪ.

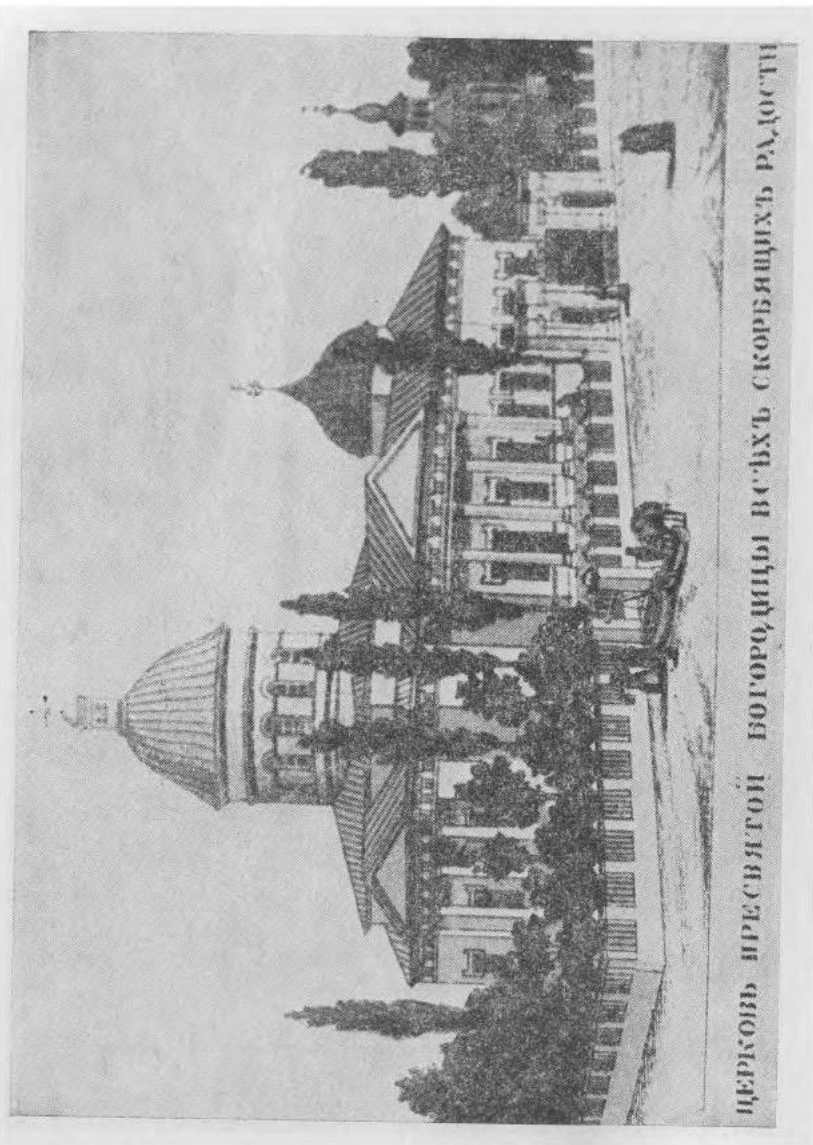
КОММУНАЛЬНІ БАШНІ ВЪ ИЖКОЛАКВЪ.

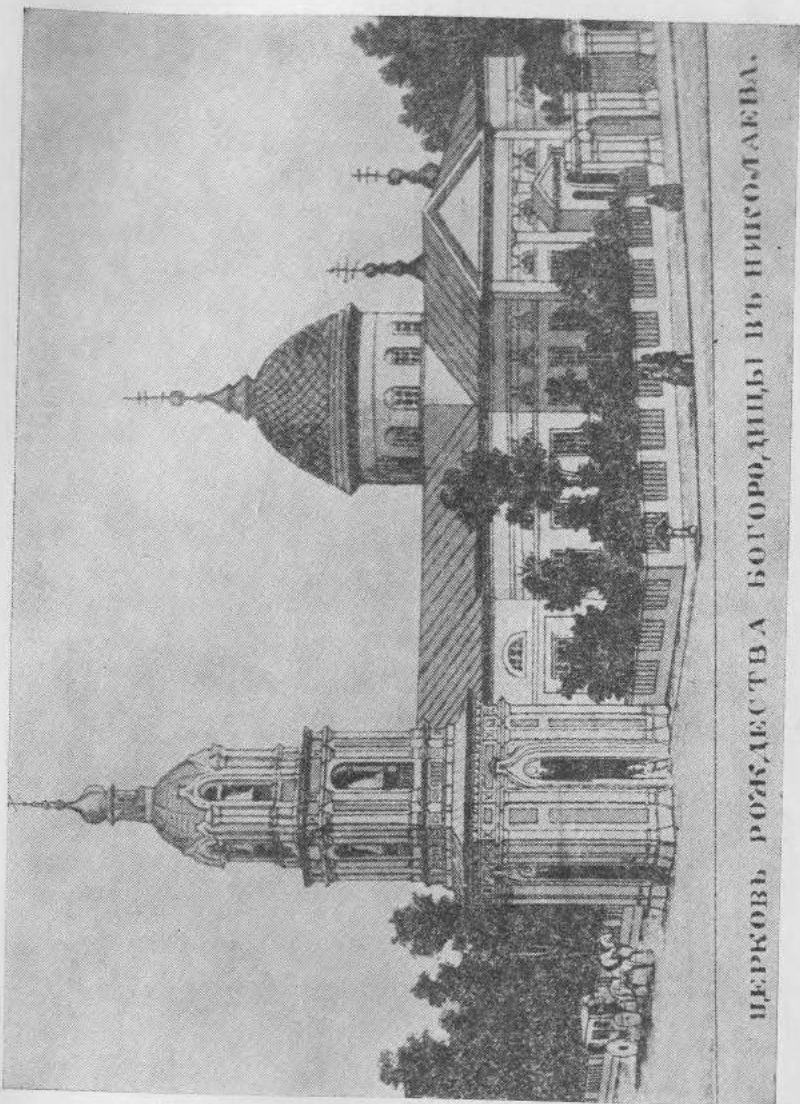
ОБСЕРВАТОРИЯ ВЪ НИКОЛАЕВЪ

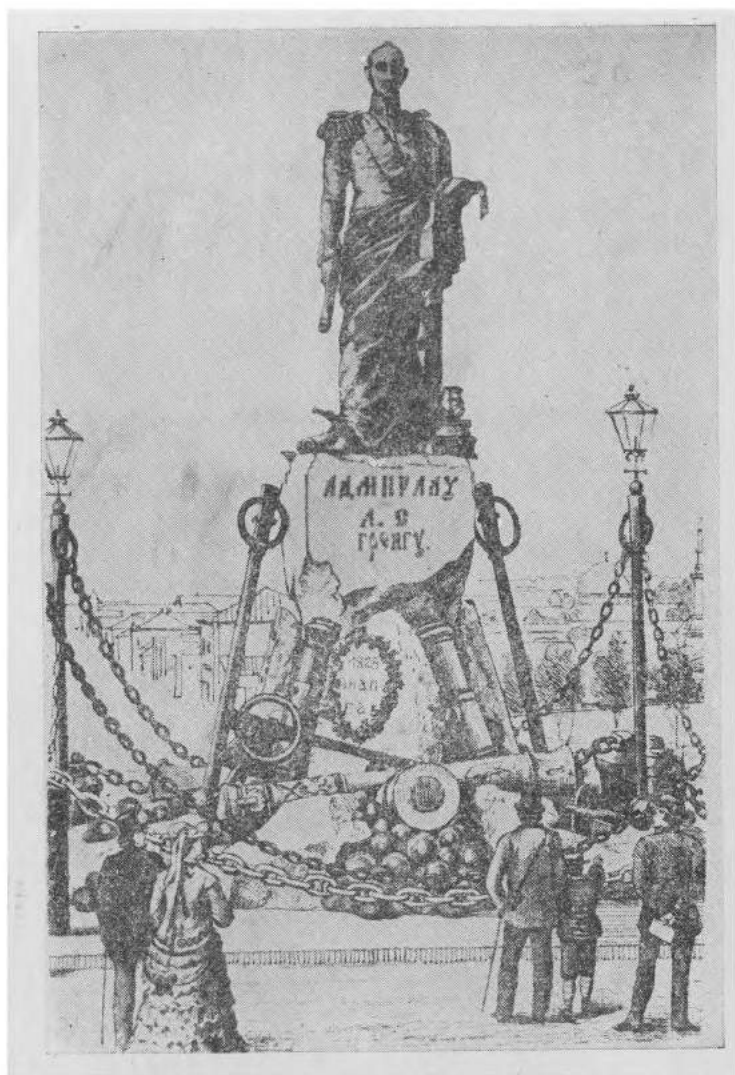
МОСКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЕДНОУЧЕНОВ.

ЦЕРКОВЬ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ ВЪ СЕЛѢ СКОРБЯЩИХЪ РАДОСТИ

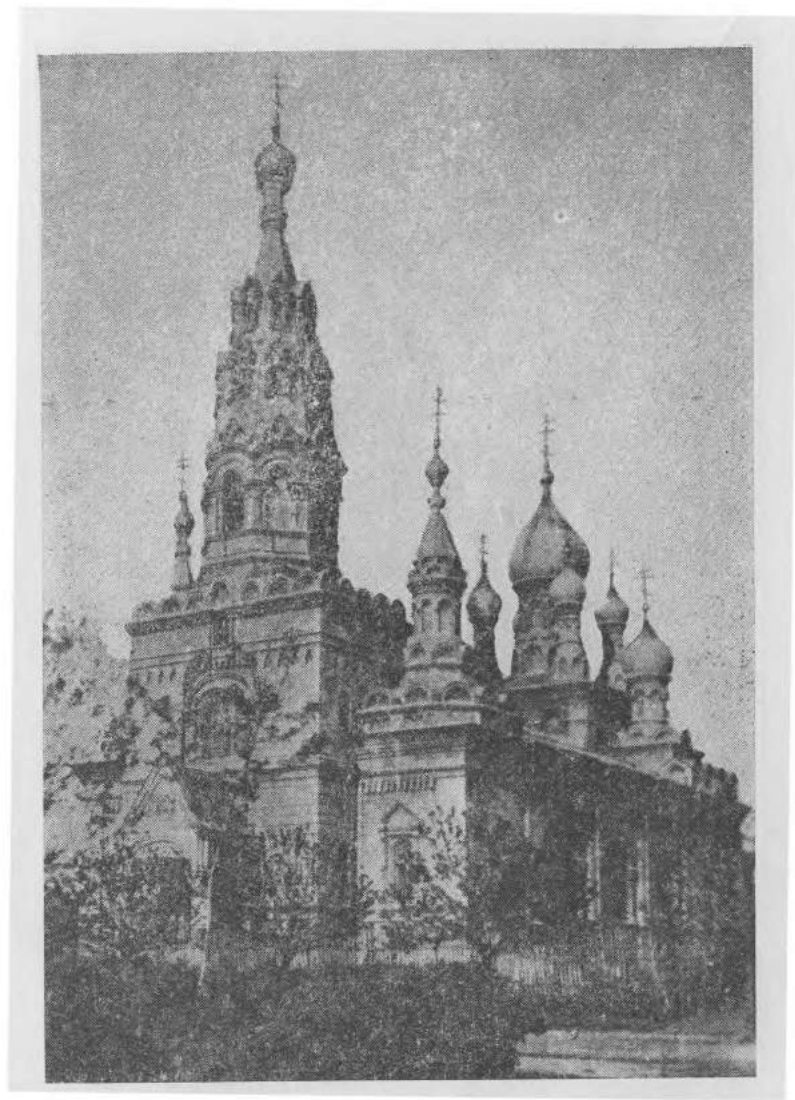

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ ВЪ НИЖНОСТАВЪ.

Касперовская церковь. Западный фасад

Касперовская церковь

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО ОТ ОБЩЕСТВЕННОЙ РЕДАКЦИИ	3
СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, ОЧЕРКИ	9
Ю. С. КРЮЧКОВ. Начало Николаева и судостроения в городе	10
Н. А. КУХАР-ОНЫШКО. Первый гражданин	42
А. И. ЗОЛОТУХИН. Начало литературной жизни	52
Е. С. АВЕРБУХ. Николаев и декабристы	76
МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ	101
Г. Н. ГЕ. Исторический очерк столетнего существования города Николаева при устье Ингула (1790 — 1890 гг.) (вступительная статья — А. И. Золоту- хин, комментарий — Ю. С. Крючков)	102
РАСПОРЯЖЕНИЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКОГО ОБ УСТРОЙСТВЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ГОРОДА НИКОЛАЕВА	162
А. П. СОКОЛОВ. Бригадир Михаил Леонтьевич Фале- ев (биографическая справка — Ю. С. Крючков)	175
ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ СТАТСКОГО СОВЕТНИ- КА И КАВАЛЕРА МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВИЧА ФА- ЛЕЕВА (публикация Н. А. Кухар-Онышко)	190
ПРЕДЫСТОРИЯ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ: 1774—1799 (ар- хивно-библиографическая подборка)	197
ФОТОГРАФИИ	221

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦИЯ:

БОИЧЕНКО В. П.

ГОЛОБОРОДЬКО В. Г.

ГОЛУБКОВА Е. А.

ГУСЬКОВА-БОНДАРЬ А. Г.

КРЕМИНЬ Д. Д.

КРЮЧКОВ Ю. С. (научный редактор)

КУХАР-ОНЫШКО Н. А.

МАТВЕЕВ В. И.

МИРЯН А. Н.

МОЛЧАНОВ А. Ф.

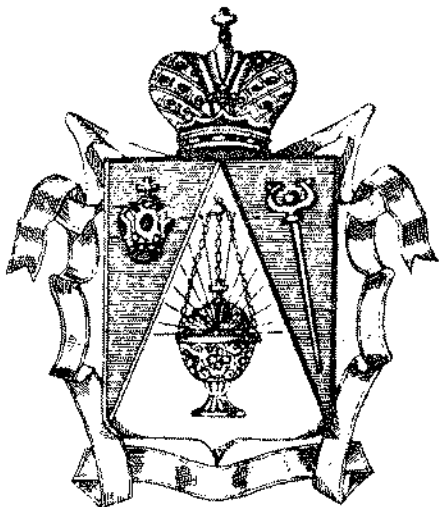
ПЕМЦЕВ В. Н.

ПОПОВИЧ Ю. В.

ТРАСПОВ Л. Ф. (ответственный секретарь)

«Дикий Сад», 1989.

УВАЖАЕМЫЕ НИКОЛАЕВЦЫ!

Приглашаем вас сотрудничать с нашим изданием.

Редакция с благодарностью принимает для обработки и публикации воспоминания, дневники, письма, документы, фотоматериалы по всем периодам истории нашего края.

Обращайтесь по адресу:
327029 Николаев, ГОС-29, а/я 80
Литературно-издательское агентство «Дикий Сад»
Телефон 249-749

**«ИМЕНОВАТЬ —
ГОРОД НИКОЛАЕВ»**

Составитель — Л. Ф. ТРАСПОВ

Ответственный за выпуск **Л. Ф. Траспов**
Художник **В. Г. Старчеус**
Технический редактор **В. В. Королев**
Корректоры **Л. П. Гольм, Л. Ф. Романчикова**
ИБ № 00001

Сдано в набор 04.08.89 г. Подписано к печати 29.12.89 г.
Формат издания 135×200^{1/16}. Бумага для гл. печати
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 19,00, уч.-изд. л. 20,20. Тираж 30.000
Цена 4 руб.

Литературно-издательское агентство «Дикий Сад»
327029 Николаев, ГОС-29, а/я 80-АТИМ

Набрано и отпечатано в типографии ЗИХ, г. Москва
А02937 Заказ 4030